X международная конференция
Теоретическая и прикладная этика:
Традиции и перспективы – 2018
ЭТИКА: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ

Санкт-петербургский государственный университет
Институт философии
Кафедра этики

Материалы конференции
15–17 ноября 2018 г.
Санкт-Петербург, Россия

10th International Conference
Theoretical and Applied Ethics:
Traditions and Prospects – 2018
RETHINKING ETHICS

Saint Petersburg State University
Institute of Philosophy
Department of Ethics

Conference papers
St. Petersburg, Russia
November 15–17, 2018

ББК 87.7
УДК 17
П26

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Редакторы: С.В. Игнатьева, к.филос.н., доц. И.Ю. Ларионов

П26 **X международная конференция «Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы – 2018. Этика: переосмысление».** Санкт-петербургский Государственный Университет, 15-17 ноября 2018 г. Материалы конференции / Отв.ред. В.Ю. Перов – СПб.: ООО «Сборка», 2018. – 155 с.

Юбилейная, десятая Международная научная конференция «Теоретическая и прикладная этика: традиции и перспективы – 2018» продолжит сложившуюся с 2007 г. традицию проведения международных этических конференций в Санкт-Петербургском государственном университете. Ключевая задача – выявить теоретические и методологические основания современного состояния этической науки, основные проблемы и перспективы развития исследований в области теоретической и прикладной этики. Основные направления работы конференции: универсальное и партикулярное в морали, традиционные моральные ценности и этические вызовы современности, логика и аргументация в морали и праве, этические конфликты, проблемы этического образования, современное состояние биомедицинской этики. Отдельные секции посвящены теории справедливой войны, этике науки и проблемам этической экспертизы. Адресовано специалистам в области философии, теоретический и прикладной этики, а также всем интересующимся актуальными проблемами жизни современного общества.

ISBN 978-5-85263-066-7

ББК 87.7
УДК 17

© Коллектив авторов, 2018
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

Санкт-Петербургский государственный университет (кафедра этики, Институт философии), совместно с Русским Обществом Истории и Философии Науки (РОИФН) и Ассоциацией этики бизнеса и КСО (RBEN)

Оргкомитет конференции
Перов В. Ю. (Санкт-Петербургский университет) – председатель

Программный комитет
Артёмов Г.П. (Санкт-Петербургский университет), Бродский А.И. (Санкт-Петербургский университет), Гефенас Е. (Вильнюсский университет), Громова Л.А. (Герценовский университет), Душин О.Э. (Санкт-Петербургский университет), Зимбули А.Е. (Герценовский университет), Лаптенок А.С. (Белорусский гос. экономический университет), Лисанюк Е.Н. (Санкт-Петербургский университет), Мажейкис Г. (Университет Витаутаса Магнуса, Литва), Маджима Ш. (Университет Хиросимы, Япония), Разин А.В. (Московский государственный университет), Скворцов А.А. (Московский государственный университет), Шевченко А.А. (Сибирское отделение Российской академии наук), Шиповалова Л.В. (Санкт-Петербургский университет), Яскевич Я.С. (Белорусский гос. экономический университет)

Исполнительный комитет
Грачева М.В. (Санкт-Петербургский университет) – координатор, Гусев Д.А. (Санкт-Петербургский университет) – секретарь, Держивицкий Е.В. (Санкт-Петербургский университет), Ларионов И.Ю. (Санкт-Петербургский университет), Овчинникова Е.А. (Санкт-Петербургский университет), Положенцев А.М. (Санкт-Петербургский университет), Щукин Д.А. (Санкт-Петербургский университет), Сергеев А.С. (Санкт-Петербургский университет), Игнатьева С.В. (Санкт-Петербургский университет), Кутузова А.О. (Санкт-Петербургский университет)

St.Petersburg State University (Department of Ethics, Institute of Philosophy) together with the Russian Society for History and Philosophy of Science (RSHPS) and the Association for Business Ethics and CSR (RBEN)

Organizing Commitee
Perov Vadim (St. Petersburg State University) – Chairman

Program committee:
Artemov Georgiy (St. Petersburg State University), Ayraksinen Timo (University of Helsinki, Finland), Brodsky Alexander (St. Petersburg State University), Chadwick Ruth (Cardiff University, UK), Gefenas Evgenius (Vilnius University), Giling Heth Alexander (University of Helsinki, Finland), Gromova Ludmila (Herzen University), Dushin Oleg (St. Petersburg State University), Kapustin Boris (Jackson Institute, Yale University, USA), Laptenok Alexander (Belorussian State University of Economics, Rep. Belarus), Lisanyuk Elena (St. Petersburg State University), Mazeikis Gintautas (Vytautas Magnus University, Lithuania), Majima Shunzo (Hiroshima University, Sapporo, Japan), Razin Alexander (Moscow State University), Skvortsov Alexey (Moscow State University), Shevchenko Alexander (Russian Academy of Sciences), Shipovalova L.V. (St. Petersburg State University), Zimbuli Andrey (Herzen University), Jaskevitch Jadviga (Belorussian State University of Economics, Rep. Belarus)

Executive committee:
Gracheva Maria (St. Petersburg State University) – Coordinator, Gusev Dmitriy (St. Petersburg State University) – Secretary, Derzhivitsky Evgeniy (St. Petersburg State University), Larionov Igor (St. Petersburg State University), Ovchinnikova Elena (St. Petersburg State University), Polozhentsev Andrey (St. Petersburg State University), Sergeev Alexander (St. Petersburg State University), Schukin Denis (St. Petersburg State University), Ignateva S.V. (St. Petersburg State University), Kutuzova A.O. (St. Petersburg State University)

Абдрашитова Ирина Владимировна
Кандидат философских наук
Детская художественная школа №1 имени П.Ф. Рябова, г.Саранск

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ИЛЛЮСТРАЦИИ

Предполагается актуализировать феномен иллюстрации для поиска этических оснований современной читательской культуры. Автор-художник-читатель – одна из высших сфер человеческого взаимодействия. Через изобразительную иллюстрацию «пустые означающие» текста приходят к некой константе личного участия.

Изображение в тексте – это своего рода потенциальное желание читателя, выраженное художником, смеющего индивидуальное видение привнести в общую структуру слова. Изобразительное высказывание образует смешение нескольких «Я» и репрезентирует книгу на ином уровне межличностных связей: артикулируется визуальный образ, включающийся в игру слова и картинки, правды и лжи, себя и Другого. В рамках текста иллюстрация, обращаясь к Другому через чувства, смещение и перенос, «поднимает» метафоричность и диалогичность языка, избегая его структур. Иллюстрация – это метаязык, призванный описать сложность значений и осуществить возможность наблюдения смыслов вне самого языка. Аспект авторского текста, как одновременного вопроса и ответа, перекликается с иллюстрацией как фиксации этого процесса в плане диалогического единства.

Иллюстрация – семиотическая нацеленность и в то же время предопределенность взаимодействия смыслов, данных Другим. Иллюстрация как подражание тексту частично заменяет читательскую интерпретацию. Привнося в текст зримую диалогичность, иллюстрация внедряет читателя в состоявшийся диалог, читатель является уже «третьим» после автора и его интерпретатора-художника. Читатель начинает чувствовать неудобство, несогласие, встряску, наличие которых являет желание, то есть обнаружение бессознательного. Другой оказался нужен для того, чтобы увидеть свой собственный мир во всем его разноречии и неединстве, во всей свободе движения противоречивых сил. Принятие того, что смысл уходит в бесконечность, до истины не достать, ставит интерпретатора текста, вообще интерпретатора жизни, себя, Другого в ситуацию ответственности и принципиальной одинокости понимания. Новые связи, переплетения, которые видит отдельный человек, есть его момент узнавания себя, где ответственность не распределена, а является личной, которую необходимо определить и обозначить.

Взаимозависимость вербальной и визуальной составляющих художественного дискурса происходит по двум направлениям: эмоционального удержания смысла текста на основе возможности целостного его восприятия, а также смыслового и метафорического его расширения и выделения в нем значимых моментов. Иллюстрирование – процесс эстетически, чувственно постигаемой реальности языка – один из инструментов преодоления его рациональности, что перекликается с изменением направления референции знака, путем создания метафор и смене семиотического спектра знака. Иллюстрация показывает возможность переноса значения не только в одной знаковой системе, но и из одной семиотической системы в другую. Иллюстрация «опережает» смысл сказанного, вызывая преждевременный образ, пред-понимание, начинает герменевтический процесс с визуальности. Художник наоборот: через слово приходит к визуальному. В контексте поиска этических оснований читательской культуры был выработан «двойной метод» герменевтики зависимости образа и содержания: чтобы постичь образ текста, необходимо постичь его содержание, и чтобы постичь содержание, необходимо постичь образ. Новизна этого метода заключается в том, что он учитывает проблему «двойного» восприятия текста с предшествующим интерпретатором-художником, для которого, этот

диалог был с автором. Круг интерпретаций, выраженный в иллюстрированной книге, представляет пример, существовавший на всем протяжении истории человеческой мысли, диалога двух семантических систем, совмещенных с диалогизмом текстовой практики. Исторический аспект проблемы взаимодействия образа и содержания, ставит «лингвистический» и «иконический» повороты в условия неизбежной смежности и взаимозависимости, тем самым, показывая задачи для дальнейшего исследования: раскрыть общие законы развития визуальной и вербальной культур.

Ананьева Екатерина Михайловна
Кандидат философских наук, старший преподаватель
Санкт-Петербургский государственный университет

К ОСНОВАНИЯМ ФИЛОСОФСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ: КАНТ И ШЛЕЙЕРМАХЕР О ЗАДАЧАХ ПРАКТИЧЕСКОГО РАЗУМА

В одной из недавних работ по теории и истории герменевтической философии вводный раздел удачно обыгрывает ницшеанское «Рождение трагедии…» он назван «Рождение герменевтики из духа метафизики». Можно заметить, что стало своеобразным трендом исследований, посвященных герменевтике, обнаруживать наиболее интересные объяснительные гипотезы в метафизических построениях докантовской («догматической», по слову Канта) метафизики и в ранней рецепции кантианства. Кантианский «крен» в истории герменевтики не лишен основания, Если проследить кантианскую линию в творчестве Дильтея, влияние неокантианских идей на Хайдеггера и Гадамера, то не только герменевтические начинания Шлейермахера, которые непосредственно инспирированы кантианством и полемикой с ним, но и последующая трансформация традиции философской герменевтики обнаруживает эту кантианскую составляющую.

В какой степени сфера практического применения разума важна для общего замысла кантовской философии, хорошо и основательно показано в философской литературе. В какой степени не эстетическая сфера (как утверждает Гадамер) выступает образцовым феноменом для конструирования герменевтики, а, напротив, горизонтом порождения таких образцовых феноменов выступает этическая сфера, остается предметом полемики.

Интересно показать трехсоставную связку проблем в качестве гипотезы герменевтического подхода к обоснованию своеобразия этического феномена. Элементами этой связки являются антропология, «материальная этика» (в полемике с этическим формализмом) и проблематика морального закона.

Еще критиками кантовской этики со стороны реалистических концепций начала XX века было аргументировано показано, что в обосновании притязаний практического разума содержится своеобразный круг: Кантом не соблюдается в необходимой последовательности линия аргументации от законосообразности (соответствия чистой форме закона) морального действия. Моральный закон берется в его следовании из существования моральной природы человека, и таким образом предпосылка и следствие меняются местами, образуя круг в обосновании.

Герменевтический замысел Шлейермахера метафизической предпосылкой имеет отказ от формализма прежде всего в его кантовской версии и прежде всего с опорой в ключевых аргументах на сферу практического разума. В моральной философии это означает отказ от предпосылки противоположности сферы свободы и сферы природы и от противопоставления закона природы и закона свободы. Эта предпосылка вводит в игру антропологическую проблематику, поскольку гипотеза своеобразия понимания по сравнению с чистым ratio, принятая в герменевтике, вступает в противоречие с гипотезой свободного от антропологических и исторических размерностей чистого разума. Герменев-

тика при этом оказывается чуткой к диалектике формы и материи в исторической изменчивости нравственной сферы, позиционирует себя как способ раскодирования самых разнообразных выразительных проявлений человеческого духа без жесткой привязки к противопоставлению внутреннего (феноменов психической жизни) и внешнего (социальных объективаций) моральных предпочтений в форме «органов» духа, как это называет Шлейермахер, используя метафору Аристотеля.

Арпентьева Мариям Равильевна
Магистрант, 1 курс, НИУ «Высшая школа экономики»

НОВЫЕ МЕДИА И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СМИ

Новые старые городские медиа – важный инструмент поиска и утверждения новых смыслов жизнедеятельности и развития города и его жителей. Новые городские медиа активно включены в процессы брендинга и ребрендинга городских и прилегающих к ним – областных – территорий. Городские медиа конструируют и реконструируют «городской текст» в его множественных ипостасях проявлениях. В течение этих последних дней случилось возрождение общественного доверия к журналистике, основанной на фактах, этических принципах и демократических ценностях – то есть к журналистике как общественно полезному явлению. Журналы сознают необходимость восстановить связь и выстроить новые контакты с гражданским обществом… выработать такие формы журналистики, которые будут эффективно содействовать решениям проблем общества. Задача современного этапа – воссоздать журналистику, как общественное благо. Решение этой задачи связано с тем чтобы м сохранять приверженность этическим ценностям, что, по сути, отличает журналистов от повседневного информационного шума и мусора блогов и социальных сетей.

Артемов Вячеслав Михайлович
Доктор философских наук, профессор
Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

ЭТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ПРАВЕ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Нынешняя ситуация, когда социальная напряжённость и преступность не снижаются, а юристы относятся к числу самых востребованных и высокооплачиваемых работников в стране, требует прицельной нравственно-философской экспертизы. Настораживают и попытки решать все проблемы, которые обостряются в современном обществе, рассматривать только в экономическом, психологическом и узко правовом параметрах. Исчезает собственно человеческое, прежде всего, нравственное измерение, что существенно искажает реальное положение дел и, главное, является, условно говоря, миной замедленного действия применительно к будущему.

Анализ права с позиций этической парадигмы означает, прежде всего, предметное рассмотрение существующих проблем и конструктивную критику имеющихся недостатков. По существу, в этой нравственно ориентированной аналитико-критической работе нуждается само право, если иметь в виду социально назревшие задачи по его укреплению и совершенствованию.

В целом право нуждается в корректировках и совершенствовании в русле этико-гуманистической парадигмы, которая не только не сторонится интересов общественного целого, а, напротив, делает их в принципе приоритетными с точки зрения идеалов социальной гармонии и подлинной свободы. В результате и сама нравственность обретает серьёзного помощника в лице права.

Один из парадоксов современной цивилизации заключается в том, что на фоне серьёзного регресса духовно-нравственной сферы имеют место чрезмерные претензии политики и

права, которые активно используют новые информационные и иные технологии, но зачастую «забывают» о самом человеке, некоторых социальных группах, да и обществе целом с точки зрения коренных интересов и перспективных целей. Столь пестуемое в последнее время гражданское общество, в свою очередь, тоже привыкает к сугубо юридическим решениям весьма сложных проблем и противоречий. В результате последние либо загоняются вглубь, либо попросту игнорируются. Исчезает стержневое в праве – справедливость.

Концентрированное выражение узко либеральных интересов порождает огромное количество разного рода законов и соответствующих актов, далёких от последней. Юридическая практика, например, адвокатская, также зачастую свидетельствует об этом. Совершенно не оправданными, к примеру, видятся «шитые белыми нитками» усилия некоторых защитников хулиганствующих футболистов и не только. В результате создаются тепличные условия для коррупции, подрывается вера людей в те институты, которые призваны их и общество в целом защищать.

Этическая парадигма, опираясь на философскую антропологию, социальную философию и аксиологию, даёт, кроме всего прочего, общую ценностную ориентацию в направлении высокого социального идеала.

В этой связи заслуживает внимания позиция, ориентирующая на специальную разработку своего рода онтологического аспекта этики, имеющей отношение не только к бытию личности, но к бытию как таковому. Речь идёт и о переосмыслении оснований ключевых этических учений, нормативных программ. Данный подход в определённой мере коррелирует с авторскими поисками и находками, что открывает новые возможности для коллективных творческих усилий в данном направлении.

Внушает оптимизм то, что многие юристы сами специально подчёркивают роль нравственности, философии и методологии в деле понимания и развития права. Многолетняя деятельность философско-правового клуба «Нравственное измерение права» в Университете имени О.Е. Кутафина неизменно подтверждает данное обстоятельство. Но огорчает ситуация, когда из учебного процесса в юридическом университете практически вытесняется этика, точнее, профессиональная этика как дисциплина. Налицо опасность, когда последняя попросту растворится в представлениях самих юристов о той профессии, в которой они реально находятся. Но общество заинтересовано, прежде всего, в нравственном, а не формально провозглашаемом порядке. Человеческое в человеке находится в ведении именно этики, а этизация права является существенным фактором достижения должного порядка в целом.

Весьма востребованным оказывается правильное решение классической проблемы соотношении нравственности и права. Если первична нравственность, то доминируют долговременные интересы (связи) целого с точки зрения культивирования человеческого и вместе с тем коллективистского начала в человеке. Если же первичными мыслятся политико-правовые соображения и отношения, то выпячиваются сиюминутные задачи охраны собственности и власти как таковой. Думается, абсолютизация сугубо правовых возможностей в ущерб нравственным косвенно свидетельствует об элементарной человеческой слабости. Последняя, в частности, вытекает из индивидуализма и его крайней формы – эгоизма. Получается, что и корни преступности, и своеобразная логика её искоренения в чём-то сходятся.

В настоящее время востребован выход права на некий новый уровень развития. Последний связан с парадигмой культивирования своего рода социумного человека и последовательного воспитания должных человеческих качеств (бескорыстность, солидарность, уважительное отношение к другим как равным, подлинный коллективизм и т.п.).

Требуются совместные поиски философов и юристов, особенно тех, кто действительно интересуется этикой. Это перспективное и спасительное для всего социума направление, имеющее как вполне определённое теоретико-методологическое, мировоззренческо-ценностное и нравственно-философское обоснование, так и явный практический смысл.

Артемьев Тимур Мурманович
Кандидат философских наук, доцент
Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И.Мечникова

АККАУНТЫ УМЕРШИХ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦСЕТИ. ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В интернете существует несколько видов соцсетей. Правила примерно одинаковые: зарегистрироваться через e-mail, разместить в аккаунте фотографию (аватарку), заполнить графу ФИО (ник-нэйм) и публиковать на своей странице материалы не выходящие за рамки общечеловеческих норм коммуникации. Хотя соцсети как феномен появился относительно недавно, в новом веке, мало у кого из пользователей интернета нет аккаунта в соцсетях. При наступлении смерти пользователя аккаунты согласно правилам переводятся в формат «мемориальный». Аккаунт не выдается в поиске, а соцсеть не предлагает страницу в качестве рекомендованной для добавления в друзья. В реальности многие аккаунты какое то время продолжают обновлять близкие умерших. Это делается по доверенности от умершего либо если о смерти администрации соцсети не известно. При этом остается возможность желающим выразить свое отношение к усопшему и опубликовать на его странице текст. Здесь возникает ряд этических вопросов, поскольку встречаются не только положительные отзывы, но и отрицательные, обличающие в каких-нибудь проступках при жизни, либо последствиях после смерти. Насколько этично публиковать информацию на персональной странице в случае, когда адресат уже никогда не сможет ответить? Имеет ли кто-нибудь моральное право модерировать такую страницу от негативных постов? Нужно ли вообще размещать посты на страницах умерших? Не менее проблематично выглядит и другая сторона этого феномена – забвение. Аккаунты некоторых пользователей, имеющих тысячи интернет-друзей и ведущих активную жизнь в соцсети, после события смерти предаются забвению. На их страницах прекращаются обновления. Никто не пишет эпитафий и не вспоминает в дни рождения или смерти. Каким этическим правилом руководствуются друзья забытого? Может, стоит ввести напоминания «сегодня день смерти друга», наподобии распространенного «сегодня день рождения у друга»?

В интернете создано достаточно много виртуальных мемориалов, в которых концентрируются покинутые аккаунты. Отдельное место занимают ресурсы в которых выкупают место на сервере и принимают оплату за хранение памятной информации, фото и видео, однако четкого регламента для этой сферы пока не существует. Вероятно от неопределенности в сфере виртуальных мемориалов те, кому предстоит «запланированная» по медицинским показаниям смерть зачастую удаляют аккаунты. Вероятно такое решение не позволяет принять участие в поминовении всем это этого хотел бы, но не смог. В наш век не просто успеть выразить уважение интернет-другу, проводив в последний путь. Поэтому феномен интернет мемориалов очевидно удобен. К тому же те, кто не смог вовремя проститься, уже не будут искать такой возможности в реальности. В виртуальном пространстве, где расстояния нивелируются это не является проблемой. Одобрения могут заслуживать отдельные ресурсы где продумано как оставить напутствие потомкам или друзьям. Новая грань понимания возникает при чтении памятных записей на стене профиля. Становится ясно, о чем мечтал человек, что планировал.

Багаутдинов Никита Викторович
Магистрант, 1 курс, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

МОРАЛЬНЫЙ ПОСТУПОК КАК УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ СВОБОДЫ В ФИЛОСОФИИ М. БАХТИНА

В работе «Экзистенциализм-это гуманизм» Сартр высказал мысль о том, что человек «осужден быть свободным», а любой сделанный им выбор – обязывает нести ответственность. Обязывающий меня выбор, в свою очередь, обязывает все человечество, тем самым наполняя бытие жизнью. Ну что есть выбор, как не поступок? Что может направить мысль человека, находящегося в непрерывно возникающих ситуациях неопределенности, в сторону морального выбора? Что есть суть определения поступка, его этической составляющей, и можем ли мы вообще говорить о поступке, как о некоем самодостаточном феномене?

В работе «К философии поступка» М. Бахтин отмечает, что поступок есть сама субъективность человека, а значит, может пониматься лишь изнутри него и никак иначе. Поступок как сознательное деяние не может оторвать себя от своего креатора и существовать непосредственно как нечто самоценное. Поступок не вырывается из индивидуальной жизни субъекта и не объективируется как абстрактное понятие. И даже тот факт, что никто не в силах воспрепятствовать нашему желанию мыслить понятийно, а, следовательно, предпринимать попытки изымать «поступок» из жизни человека, оформляя его в некий предмет философского измышления, понятие поступка и сам поступок – не есть одно и то же. Мысль русского философа предельно проста: быть и поступать – одно и то же. И лишь в необходимой связи одного с другим образуется нечто целое (бытие-в-себе), сокрытое от бытия других.

Поскольку любая философская категория определяется через свою противоположность, категория Я определяется через категорию Другого. И это очень важное обстоятельство, поскольку оно дает нам некие представления о том, что сама моральная компонента человеческого поступка является опосредована самим фактом существования этого Другого: «я-для-себя» определяется через «я-для-другого» и «другого-для-меня». В работе Бахтина мы замечаем, что бытие не одиноко, оно развёртывает себя через диалог. Подобный диалогизм может представляться и как особая форма бытия человека, ведь само человеческое сознание существует в мире, где есть Свидетель и Судия (по Бахтину), и как способ существования бытия как такового.

Сам М. Бахтин уже в 20-х годах XX столетия поднимает значимую в ближайшем будущем западно-философской традиции проблему диалога и в частности, понимание места и роли Другого (о чем позже будут писать и Сартр, и Левинас, и Рикер). Поступок может отождествляться с живым отношением к миру, с постоянным участием и непрерывным наполнением мира содержанием. Как отмечается М. Бахтиным, бытие может существовать лишь в границах спрашивающего, так как акт вопрошания и есть реализация бытия. Свидетель и Судия лишают мира случайности.

Поступок, обращенный в мир культуры – объективация акта человеческой деятельности, его одновременность активной направленности деяния и созерцательности. Поступок, обращенный в человека – реализация самой жизни, являющейся ни чем иным как вечным поступлением или совокупностью индивидуально ответственных мыслей. И если Сартр говорил о том, что мы «обречены на свободу», то интерпретируя Бахтина, мы можем говорить, что мы еще и обречены на «не-алиби в бытии». Не поступая, мы не отсутствуем в бытии. Уход от поступка – поступок. Человек это этическое существо, реализующее свои мысли через действие. Особенность морального поступка состоит в том, что он направлен на саму поступающую личность и именно эта направленность на

самого себя, когда предметом поступка является сам поступающий, а героем сам автор, делает его моральным.

Баженов Сергей Сергеевич
Магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ИСТОКИ ИДЕАЛОВ И ОБРАЗЦОВ ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА

Моральные идеалы рассматриваются наукой в качестве элемента морального сознания, наряду с принципами, нормами, ценностями. Такой подход позволяет объяснить их функциональное назначение и включенность в структуру. Идеалы, как трансцендентальное явление, влияющее на мораль, начинают рассматриваться у Платона, а позднее данная проблематика развивается в трудах немецких классических философов. Макс Вебер добавляет понятие «идеальный тип», М. Оссовская в работе «Рыцарь и Буржуа» сдвигает внимание на «личностные образцы» - образы, влияющие на мораль. В указанной работе, проводится рассуждение о причинах разделения понятий «идеал» и «образец», а далее предлагается рассматривать именно второе, как наиболее характерный образ, формулируемый в конкретный исторический период. Такая позиция является обоснованной, особенно при учете нахождения образов в индивидуальном – авторские произведения или коллективном нарративе – народный фольклор, традиции, обычаи.

И. Кант, рассматривая основания моральности, указывает на тщетные попытки вывести ее из исторической культуры, при этом отмечается, что человек стремится подчинить личное общественному через следование закону, который, по сути, идеален. М. Оссовская занимает иную позицию, рассматривая не законы, а культуру, художественные произведения, различные тексты, содержащие образцы, которые формируют этос – стиль жизни людей, изучение которого выходит за рамки этики. Общность философии и литературы подчеркивает Г. Гадамер, рассуждая о понимании языка, как базового элемента необходимого для передачи и формирования смысла. В теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса описывается механизм моральной коммуникации. Автор считает, что коммуникативное действие наиболее полно проявляется в дискурсе, выполняя социализирующую функцию, заставляет людей договариваться о морали. Таким образом, исследователи XX века отмечают, культурные истоки морали, её связь с социальной природой человека и практиками, которые обусловлены взаимодействием людей в обществе.

М. Оссовская указывает, что поведение людей и животных имеет много общего, примеры сходства несколько раз встречаются в ее книге, однако дальше аналогий рассуждения не развиваются. В книге Ф. де Вааля «Истоки морали» ведется рассуждение выводящее мораль и ее истоки за пределы культуры в область этологии. Автор на обширном материале показывает, что поведение человека сравнивается с поведением ближайших родственников человека: шимпанзе и бонобо – поступки, которые называются моральными, могут быть найдены не только у человека. Д.И. Дубровский, говоря об идеальном, обращает внимание, как на социальный, так и на биологический аспект, делая попытку объединения разных углов обзора.

Продолжая мысль Д.И. Дубровского в моральной плоскости, становится очевидным факт: идеалы и образцы имеют истоки, которые лежат с одной стороны в дискурсивном поле и социальных практиках, а с другой в биологической природе человека. При междисциплинарном анализе истоков морального поведения, следует рассматривать вопрос во всех сторон: философской, культурологической, этологической. Моральный посту-

пок в таком рассмотрении приобретает новые смыслы, и, как коммуникативный акт, требует понимания и интерпретации.

В качестве примера подобного анализа можно рассмотреть идеал хозяйствующего субъекта, который рассматривается в двух вариантах индивидуальное хозяйство и собственное дело, управление поместьем, с целью получения прибыли. Такое деление встречается у Аристотеля. В «Домострое» Ксенофонта обращает на себя внимание детальность описания деятельности, структура, которая граничит с ритуалом проведения магической черты, описанным в 8 главе «Притчей Царя Соломона», или поведением доминантного самца бонобо пресекающего драки в группе.

Таким образом, поиск истоки моральных идеалов и образцов следует рассматривать шире, с целью их наиболее полной интерпретации и понимания, поскольку имеет особое значение при анализе этических систем.

Байрон Александр Александрович
Аспирант, 3 курс, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ ВЕРЫ И ЗНАНИЯ

Проблема соотношения веры и знания является одной из главнейших в истории философской мысли. Хотя её корни можно найти ещё у Платона и Аристотеля, своё чёткое концептуальное прояснение она получила лишь в трудах раннехристианского богослова Климента Александрийского как проблема соотношения христианской веры и философского знания. С этого времени вопрос об отношении веры и знания, о том, на чьей же стороне истина – на стороне религии или же на стороне воинствующего материализма, имеющего обыкновение ссылаться на авторитет науки, является одной из главнейших тем сочинений философов.

Хотя проблема веры и знания сама по себе относится к таким разделам философской науки, как гносеология и философия религии, она в силу своего всеобъемлющего значения затрагивает и многие другие её области, одной из которых является этика. Обнаруживающийся здесь нравственный аспект данной проблемы связан с тесной зависимостью между её решением и происходящими отсюда следствиями для морали. Так, ясно, что признание бытия Бога, равно как и его отрицание, влечёт за собой весьма далеко идущие следствия в области этики. Поэтому можно сказать, что значимость проблемы веры и знания для нравственности обусловлена наличием тесной связи между моралью и религией.

По поводу упомянутой связи нужно заметить, что, конечно, стойкость моральных убеждений должна быть в конечном счёте быть основана на разуме, а не зависеть лишь от стойкости убеждений религиозных. Во-первых, далеко не всякая религиозность благотворно влияет на нравственность – так, религиозность каких-нибудь язычников или поклонников сатаны, конечно, влияет на их нравственность, только отрицательным образом. Во-вторых, даже в безрелигиозном социуме, где общество не имеет какой-либо цели вне самого себя, оно через это само для себя оказывается высшей целью, что обусловливает определённые нормы морали. Однако санкции за неисполнение этих норм в таком обществе отсутствуют – их гарантию обещает лишь религиозное мировоззрение (но, опять же, не всякое, а лишь основанное на разуме). В этом смысле нельзя не согласиться с мыслью Ф.М. Достоевского: «Если Бога нет, то всё позволено».

Для более наглядной демонстрации зависимости между нравственной сферой и решением проблемы веры и знания рассмотрим 4 основных подхода к её решению: противопоставление веры и знания, теория «двойственной истины», скептико-нигилистическая теория и «гармония» веры и знания, и попытаемся установить те следствия в области нравственности, которые влечёт каждый из этих подходов.

Согласно первой позиции (в качестве представителя может быть назван Л. Фейербах) вера противопоставляется знанию как нечто произвольное, бездоказательное, абсурдное и потому не могущее претендовать на статус истины. Следствием такой позиции является изначальное признание любой религии заблуждением, а стало быть, и всякой основанной на религии морали. Тем самым мораль лишается важных элементов в её структуре, которые, как мы отметили, может дать только вера, религия.

Вторая позиция (Сигер Брабантский, Фома Аквинский, в Новое время – И. Кант) исходит из того, что как разум, так и религиозная вера, основанная на откровении, должны быть признаны в качестве независимых источников познания; соответственно этому положения, установленные церковью, и убеждения, добытые «естественным разумом», имеют равное право претендовать на истину. Следовательно, можно верить в одно, а знать при этом совершенно другое. Совершенно очевидно, что логическим следствием этой теории является полная неопределённость в области этики. Она провозглашает равноправие религиозной и светской точек зрения на истину, но на чьей стороне эта истина, если учение церкви говорит одно, а «естественный разум» – другое? В рамках данной теории парадоксальным образом получается, что на стороне обоих. Но этот абсурдный ответ ничего не говорит вопрошающему и ищущему, не говоря уже о явном нарушении одного из главных законов формальной логики.

Третий, скептико-нигилистический подход (Пиррон, Секст Эмпирик, в Новое время – Ф. Ницше) провозглашает в качестве исходного положения невозможность познания истины. Очевидным следствием из этого является исчезновение различий, стирание границ между знанием и верой: если не существует достоверного познания, нет истины, то где граница между «верить» и «знать»? Следствием для морали, как и в предыдущем случае, здесь является полная неопределённость. Если никакое познание невозможно, значит, в том числе и то, которое относится к области нравственности. Наконец, четвёртый вариант решения проблемы веры и знания (Климент Александрийский, Аврелий Августин, в Новое время – Г.В.Ф. Гегель, Б.Н. Чичерин) – это нахождение согласия, «гармонии» между ними. Данная «гармония» должна выразиться, прежде всего, в обосновании с помощью доводов разума конкретных истин веры – в приведении доказательств бытия Бога, догмата о Троице, нравственных заповедей и т.д. Очевидно, что лишь этот вариант, при его полном осуществлении, даёт убеждение в истинности тех положений морали, которые обязаны своим происхождением религии.

Рассмотрев существующие подходы к решению проблемы веры и знания и их следствия для нравственности, можем сделать следующий вывод. Все варианты такого решения ведут к определённым последствиям в области этики. Однако наиболее полное обоснование принципов и норм морали возможно лишь в рамках того ответа на вопрос о соотношении веры и знания, который исходит из их «гармонии».

Бакштановский Владимир Иосифович
Доктор философских наук, профессор; директор НИИ прикладной этики
Тюменский индустриальный университет
Богданова Марина Владимировна
Доктор социологических наук, доцент
Тюменский индустриальный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИМВОЛА АКАДЕМИЧЕСКОЙ ПРОФЕССИИ И НОВЫЕ ЦЕЛИ УНИВЕРСИТЕТА

Символ профессии (Г. Беккер) выражает позицию общества о том, какой должны быть профессия. Он является действенным моральным ориентиром для представителей профессии в проблемных ситуациях морального выбора. Символ профессии связан с акту-

альной практикой профессии. Он является знаком, выражающим согласие общества о том, какой следует быть профессии. Вызовы, адресованные академической профессии модернизацией образования, не только вносят моральную дезориентацию в ситуациях выбора, но и разрушают представление общества о смысле и предназначении этой профессии. В такой ситуации исследование трансформации символа академической профессии представляется актуальным. Исследование может внести определенный вклад в понимание пределов возможного баланса базовых ценностей современной академической профессии и целевых ориентиров создаваемой системы высшего образования. И тем самым повысить согласованность целенаправленного коллективного действия от имени университета. Исследование трансформации символа академической профессии предусматривает анализ социокультурного поля университета, с одной стороны, и социальных коммуникаций (текстовых) как внутриуниверситетских, так и коммуникаций университетов с иными институциональными субъектами – с другой стороны.

Барбашина Эвелина Владимировна
Доктор философских наук, профессор
Новосибирский государственный медицинский университет;
Институт философии и права СО РАН

К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА АВТОНОМИИ ПАЦИЕНТА

Принцип автономии пациента является одним из основных принципов, на которых выстраиваются взаимоотношения «врач-пациента». Его применение также является обязательным при проведении клинических исследований. Принцип автономии пациента наряду с такими принципами, как «делай благо», «не навреди», «принцип справедливости», составляет этический фундамента современной биомедицинской этики. Обязательность его применения закреплена также юридически как в международных документах, так и на уровне законодательства большинства стран. Однако юридическое закрепление принципа автономии пациента и обоснование его необходимости в рамках биоэтического дискурса не являются гарантией его выполнимости. Рассмотрение способов реализации принципа автономии пациента, анализ условий и факторов его выполнимости, свидетельствуют о сложностях его практической реализации. Одной из форм проявления принципа автономии является добровольное информированное согласие пациента на медицинское вмешательство. Оно подразумевает выполнение таких условий, как добровольность, информированность, и, самое главное, наличие способности у пациента принимать самостоятельные решений с учетом обстоятельств и в соответствии со своими жизненными планами.

Добровольность заключается в отсутствии принуждения, т.е. использовании информации угрожающего характера, и в отсутствии манипуляции со стороны медицинских работников. Информированность – в раскрытии полного объема информации о возможных вариантах медицинского вмешательства (либо отказа от него), а также о позитивных и негативных последствиях первого и второго. Формой реализации информированности пациента выступает информированное согласие пациента. Оно предполагает умение обрабатывать, систематизировать, анализировать поступающую информацию; делать выводы, на основе поступившей информации; соотносить получаемые выводы со своими жизненными планами; действовать в соответствии с принятым решением и делать это ответственно. Более того, пациент должен уметь противостоять принуждению и манипуляции. Выполнение перечисленных условий на современном этапе развития общества маловероятно потому, что у пациента отсутствует

возможность в рамках повседневного медицинского ухода развивать способность самостоятельного добровольного принятия решений. Еще сложнее принимать самостоятельные решения и делать автономный выбор в кризисных ситуациях, с учетом «информационной асимметрии», существующих традиций во взаимоотношениях «врач-пациент» и условий пребывания пациента в больнице или на приеме.

Преодоление указанных сложностей будет означать первый шаг на пути минимизации преград в практической реализации принципа автономии.

Беляева Елена Валериевна
Кандидат философских наук, доцент
Белорусский государственный университет

ПРОЯВЛЕНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ МОРАЛИ В ИСТОРИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ НРАВСТВЕННОСТИ

Под системой нравственности понимается исторически сложившаяся целостность, которая характеризуется нормативно-ценностной структурой и специфическим способом регуляции. К числу таких систем относится традиционная нравственности, нравственность модерна и постмодерна. Универсальность морали составляет одну из важнейших ее характеристик, экспликация которой бывает весьма разнообразной. «Как неоднородна мораль в своих проявлениях, так неоднородна и универсальность» (Р.Г. Апресян) [1], поэтому в морали различных исторических периодов универсальность проявляется по-разному. Сообразно потребностям индивидуальных и коллективных субъектов мораль проявляется, как способность правильно разрешить любую ситуацию, относящуюся к любому человеку. Универсальность морали – такое ее качество, которое позволяет исторически конкретным нормативно-ценностным системам обосновать себя в качестве моральных.

Задача этики – показать, что именно в морали характеризуется в качестве универсального в различных исторических системах нравственности. Ответ на этот вопрос оказывается важным для решения практических нравственных проблем. Проблема универсальности морали актуализируется из-за плюрализма и релятивизма современного нравственного мира, из-за внимания ко всему локальному и партикулярному. Поэтому «формулирование позиции этического универсализма, основанного на плюрализме, предстает и как возможность, и как необходимость» [2, с.43]. Для традиционной нравственности универсальным было по преимуществу содержание морали. Она предлагала такие правила, которые позволяли привести любую ситуацию к должному положению вещей. Например, универсально «золотое правило нравственности», которое на протяжении тысяч лет выполняет свою регулятивную функцию. Меняются субъекты морали, условия их взаимодействия и связанные с этим желания, однако правило «поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой», сохраняя неизменный механизм действия, позволяет совершать уникальные поступки. Точно так же традиционная нравственность транслирует универсальные ценности, позволяющие совершить моральный выбор между добром и злом.

В системе нравственности модерна универсальность проявляется не столько в содержании морали, сколько в отношении ее формы. В полном соответствии с этикой И. Канта, универсализуется способ регуляции поведения человека. Всякий человек как автономный субъект, опираясь на рациональную мотивацию, способен обосновать нравственные правила. Но не сами правила, а специфическая способность их устанавливать является универсальным проявлением морали.

Процессы постмодернизации нравственного мира поставили под вопрос сохранение идентичности человека как человека. Между тем, в деятельности гипер-индивидуальных модульных субъектов, образующих сетевые сообщества, также проявляется универсальность морали. Постмодерн может обосновать себя в качестве системы нравственности за счет универсальных функций морали: поддержания стабильности сообществ и самоценности индивидуального субъекта, исходя из перспективы будущего.

Литература:

1. Феномен универсальности в этике. Круглый стол. Участники: Р.Г. Апресян, Д.О. Аронсон, О.В. Артемьева, Е.В. Демидова, Л.В. Максимов, Б.О. Николаичев, А.В. Прокофьев, К.Е. Троицкий // Этическая мысль. 2016. № 1. С.144–173.

2. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. 289 с.

Бескровная Анастасия Сергеевна
Соколова Алина Олеговна
Магистранты, 1 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

НОВЫЕ МЕДИА И «НОВАЯ ЭТИКА»: ЭТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ МЕДИАСФЕРЫ

За последнее десятилетие не только обозначилась, но и стала явной тенденция к распространению интернет-СМИ и интернет-журналистики в целом. По сей день ученые спорят о том, приведет ли это явление к отмиранию прессы или же развитие интернет-ресурсов и классических СМИ происходит независимо друг от друга.

Несомненным остается одно: появление интернет-журналистики оказало огромное влияние на все сферы жизнедеятельности общества, с ней пересекающиеся. В том числе – и в первую очередь – новые медиа повлекли за собой изменения в этической сфере. Так зародилось направление этики, рассматривающее в качестве своего объекта проблемы коммуникации в Интернете – киберэтика [3]. Предметом данного доклада стал один из этих вопросов, а именно этические стандарты работы современных мультимедийных редакций.

В чем заключаются различия между этическими нормами цифровых редакций от того, что считается «общепринятым» кодексом журналиста? Одна из главных задач интернет-издания на сегодняшний день – набрать максимально возможное число просмотров, заставить читателя ознакомиться со статьей и вызвать интерес к предлагаемой теме. Медиасфера представляет собой медиарынок, где журналист всеми способами продает свой «товар» в виде материала с целью получения выгоды. Противостояние экономической выгоды субъектов медиапространства и этических ценностей порождает серьезный нравственный конфликт. Как хороший экономист, автор старается найти самые эффективные методы воздействия на аудиторию, зачастую прибегая к манипуляциям. Это, в свою очередь, вступает в противоречие с третьим принципом этического профессионального кодекса журналиста, сутью которого является недопустимость намеренного искажения информации [Кодекс профессиональной этики российского журналиста от 23.06.1994]. Ярким примером такой манипуляции является набравшее популярность в медиасреде явление – «кликбейт» [1]. Искусственное заманивание читателя благодаря сенсационному заголовку, игра слов, преувеличение значимости описанного, несовпадение заголовка с последующим текстом и обилие средств художественной выразительности – всё это является характерными признаками кликбейта. Так формируется нравственный конфликт в цифровом пространстве. Еще одна фундаментальная проблема, с которой сталкивается современное медиапро-

странство, – непрофессионализм авторов публикуемых материалов. Справедливо ли называть копирайтеров, нацеленных исключительно на получение денежной выгоды, журналистами в полном смысле этого слова? Эти и некоторые другие вопросы будут рассмотрены в тексте доклада.

Вышеупомянутый нравственный конфликт требует теоретического осмысления, анализа структурно-динамических характеристик с учетом вызовов этики цифрового медиапространства, что позволит приблизиться к его урегулированию на практике. Одним из способов достижения данной цели является формирования «новой этики» [2], которая, отказываясь от понятий «хорошее и плохое», «добро» и «зло», предоставляет невиданную ранее широту воззрений, которая так необходима в условиях «цифровой революции» журналистики.

Литература:

1. Николаева. А.В. Кликбейт в СМИ // Русская Речь. М., Российская Академия Наук, 2018.
2. Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. Азбука-Классика, 2009.
3. Moor J. What Is Computer Ethics? // Metaphilosophy. 1985.

Богатов Михаил Александрович
Кандидат философских наук, доцент
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

«ЭТИКА – ЛОГИКА – ФИЗИКА» КАК МЕСТО ФОРМИРОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ

В данном докладе рассматривается античная триада «логика – этика – физика», предложенная Платоном, развитая Аристотелем и нашедшая окончательное оформление в школе стоицизма. В первой части доклада анализируются различные версии происхождения этой триады. Во второй части доклада автор обращается к лекционному курсу Мартина Хайдеггера «Гераклит», где Хайдеггер интерпретирует данную триаду через проблему знания. В третьей и четвертой частях доклада предпринимается попытка актуализации предельного знания логики, этики и физики как места формирования философии.

К вопросу подобного троичного деления философии, а также к порядку внутри оного чаще всего относятся как к некоторой особенности античной философии, которая сегодня принадлежит истории. Несмотря на справедливость подобного отношения, следует помнить, что оно затрагивает лишь один аспект проблемы, не касаясь всей полноты данной темы. В современности мы имеем относительно самостоятельный, автономный институт науки, которая привыкла осваивать проблемное поле и находить способы ориентации в нем самостоятельно; в античности дисциплинарное деление закреплялось за удачными решениями, наука следовала за опытом; неслучайно, главной особенностью современной науки является ее проективный. т.е. экспериментальный характер.

В этом смысле сегодняшнее дисциплинарное деление науки напрямую не связано с непосредственными житейскими нуждами (именно поэтому сегодня столь важно ориентировать науку на практику, усиливая ее прикладной аспект). Но в случае деления философии мы присутствуем при ее начальном институциональном обосновании, и обоснование это совершается не от других, уже существующих наук. Кроме того, если античная философия, будучи занята проблемами устройства космоса, человеческой жизни и мышления, предлагает нам подобное деление, то можно предположить, что, в той мере, в какой эти проблемы сохраняют свою актуальность, актуализирован

в той или иной мере – чаще всего имплицитно – и спор о порядке следования трех частей данной триады сегодня.

Болотникова Елена Николаевна
Кандидат философских наук, доцент
Самарский государственный технический университет

ГУМАНИЗМ И ЗАБОТА О СЕБЕ

Сформулированные в культуре Ренессанса, Просвещения и философии экзистенциализма определения гуманизма не отвечают современным обстоятельствам определения человеческого в человеке. Эссенциалисткий подход выделяет в человеке приоритетную черту, соответственно творческое начало, рациональность, разум или способность совершать свободный выбор. Однако не существует объективных вневременных (внеисторических) оснований для такого рода классификации. Произвол выбора ведет к иерархии, которая опровергает саму идею гуманности. Целостность бытия человека в мире и с миром приводят к необходимости пересмотра имеющихся формулировок.

Выходом представляется фундаментальная онтология М.Хайдеггера и его трактовка заботы как способа целостного бытия. Онтическую конструкцию заботы как заботы о себе раскрывает М.Фуко. Этическая субстанция, телос, модус подчинения и аскетические практики позволяют уловить индивидуальное человеческое я, соотносимое с конкретными условиями существования. Вместе с тем они способны задать универсальный вектор трактовки человека и человечности (гуманности). Концепция заботы о себе продуктивна для разрешения спора постгуманизма и трансгуманизма. Первые настаивают на сохранении автономии человеческой природы, вторые указывают на необходимость преодоления ограниченности человека с помощью техники. В действительности, практические сферы социальной реальности, определяющие границы человеческого в человеке, фундированы заботой: и медицина, и педагогика, и организация жизнедеятельности людей в городах etc. Так, П.Дернер пишет об «основной позиции врача», которая предполагает заботу. При этом, если обязанность врача – заботиться о больном, то условием выполнения этой обязанности является забота доктора о самом себе. Речь идет о сохранении взаимного достоинства и уважения, гармоничном сосуществовании больного и доктора в ситуации, когда границы крайне сложно установить. Педагогика декларирует заботу как одну из своих ключевых техник и задач одновременно, все чаще вспоминая античную «пайдейю». Гармоничное непротиворечивое существование наставника и ученика, объединяемых в способностях к парресии выглядит гораздо более продуктивной целью современного образования, чем трансляция некоего набора информации, структурированного по областям. Организаторы городских пространств в актуальном направлении социальных исследований объясняют заботой о жителях любые нововведения в городской среде. Концепция заботы в перспективе гуманизма позволяет избегать традиционных эффектов моральной риторики, выводит разговор о человеке и его этике за пределы оппозиции эгоизм / альтруизм, солидарность / автономия, цель / средство и др. При этом, удается уйти из-под удара аргумента «бритвы Оккама», поскольку такой подход не умножает и не дублирует устойчивые положения морального дискурса. Забота присутствовала в отношении человека всегда, однако стала в центр теоретических поисков лишь в конце XX в.

Обращаясь в решении конкретных жизненных проблем к концепции заботы возможно быть и оставаться человеком, нравственным действующим индивидом, при этом сохраняя в себе и творчество, и рациональность, и потенциал выбора.

Бронфман Светлана Ароновна
Кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник
Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова
Киященко Лариса Павловна
Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Институт философии РАН
Майленова Фарида Габделхаковна
Кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Институт философии РАН

ТРАНСФЕР ЗНАНИЙ И ПРАКТИК В СИСТЕМЕ РЕПРОДУКТИВНАЯ МЕДИЦИНА – ОБЩЕСТВО: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И БИОЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

РФФИ №18-011-01082

Перед научным сообществом и обществом в целом стоит масштабная задача наладить отношения доверия и продуктивного взаимодействия между достижениями научной мысли и знанием, пониманием и умением их использовать на благо как отдельного человека, так и общества в целом. Социализация и гуманизация направлений развития научной мысли лежит в основе осмысления трансформаций современного общества, его ценностных и нравственных приоритетов.

Ученые всерьез обеспокоены растущим разрывом между прогрессом науки и отсталостью общественного сознания, прозябающего в плену невежества и предрассудков [4,5], что особенно заметно в медицинских и психологических науках и практиках, представляющих собой уникальный « продукт» на стыке науки, искусства, мастерства, интуиции и технологии, в современной классификации относящиеся к « наукам о жизни», наиболее полно охватывающие мир представлений о физическом и душевном здоровье индивида и социума в целом.

Проблемы репродуктивного и сексуального здоровья самим своим существованием и бурным развитием биомедицинских технологий и практик, направленных на создание возможностей для реализации репродуктивного потенциала индивида, создают прецедент целого корпуса биоэтических, нравственных и экзистенциальных проблем, но в то же время раскрывают во всей полноте необходимость философского обоснования, гуманитарной экспертизы не только проблем репродукции и интимности, но и репродукции как воспроизводства, восстановления утраченного или приобретения недостающего, воспроизводства не только в обыденном смысле, но и в том, что предполагает онтологический парадокс: индивид воспроизводит не только себя, но и связанное с собой, индивидуальный опыт бытия, который, однако, включает и опыт со-бытия с Другим. Вопросы репродуктивного и сексуального здоровья затрагивают глубоко интимное, тесно связанное с сильными эмоциональными переживаниями (стыдом, страхом, виной), зачастую вызванными негативным опытом в прошлом, ошибками убеждений или огрехами воспитания. Потенциальные пациенты врача – репродуктолога или врача – сексолога могут испытывать как нужду в правдивой информации, так и жажду диалога равных с врачебным сообществом. Врачи, работающие в сфере репродуктивного \ интимного здоровья, должны быть особенно внимательны к эмоциональному состоянию своих пациентов, но также иметь представление о возможностях психотерапевтической помощи, а врачи смежных специальностей (эндокринологи, неврологи, урологи и др.), кроме того, наиболее полно и всесторонне осведомленными в научных и практических вопросах репродуктивной помощи.

Представления людей о тех или иных областях медицинского и психологического знания являют собой часть общественного дискурса, «плавильный котел» производных научного познания и обыденного сознания с присущими последнему искажениями, упрощениями, верованиями и домыслами.

Изучение этого явления приобретает особую значимость в сегодняшних условиях революционных изменений в области информационных и интернет – технологий, обеспечивающих не возможную никогда ранее доступность информации для каждого потенциального потребителя медицинских услуг. Таким образом, патерналистическая позиция врача и ученого перестает быть единственно возможной; информационное изобилие подразумевает необходимость диалога, в котором особая роль принадлежит трансферу знаний, ценностей и опыта [2,3].

«Врастание» научного знания в общество имеет свои особенности, и не все они внушают оптимизм: отставание общественного сознания от ускоренного темпа развития наукоемких технологий создает благоприятные условия для ничем не обоснованных информационных «пузырей» и информационного плутовства, способствующих мифотворчеству и господству научно неподтвержденных «медицинских» практик. Трансфер знаний, близкий к понятию «зоны обмена» [1,2], подчеркивает идею импульса, возникающего в процессе взаимодействия между принципиально разными акторами (мир научного и мир обыденного) как ответ на противоречия, непонимание и поиск возможной «встречи».

Философское исследование существующих в общественном сознании мифов и предрассудков, отражающихся в том числе в некорректном освещении научных достижений медицины и психологии в СМИ, выполняя роль медиатора в диалоге наука – общество позволяет дать гуманистическую и этическую оценку биотехнологическим достижениям, в том числе в области вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ).

Литература:

1. Галисон П. Зона обмена: координация убеждений и действий // Вопросы истории естествознания и техники. 2004. №1. С.64-91.

2.. Касавин И.Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. №1. С.8-17.

3.Корнев Г.П. Зоны обмена: понимание и конструирование наукой и философией // Эпистемология и философия науки. 2017. №4. С.34-38.

4. Марков А.В. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня. Неожиданные открытия и новые вопросы. СПб: Астрель, 2010. 552 с.

5. Тагард П. Междисциплинарность: торговые зоны в когнитивной науке // Логос. 2014. Т.97. №1(97). С.35-60.

Бурсевич Виктория Владимирона
старший преподаватель
Белорусский государственный медицинский университет

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕЛ УМЕРШИХ В ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ (СЛУЧАЙ БЕЛАРУСИ)

Отношение к умершим и возможности использования их тел в научных или образовательных целях менялось на протяжении развития человеческой цивилизации и во многом определялось культурным контекстом и традицией, в особенности религиозной. В современном обществе данный вопрос все еще остается дискуссионным: с одной стороны, мы наблюдаем доминирование утилитарного подхода к возможности использования человеческого тела, а с другой, с развитием либерального дискурса «прав человека» все

чаще речь идет о безоговорочном уважении человеческого достоинства и реализации принципа добровольного согласия в медицине. Кроме того, вопрос использования тел умерших на сегодняшний день – это не только этическая дилемма, но и предмет правового регулирования, что требует его многоаспектного анализа.

В связи с этим главная цель данного исследования – выявить основные этические проблемы, связанные с получением и работой с трупным материалом при обучении студентов медицинских ВУЗов, оценить с этической точки зрения имеющееся сегодня в Беларуси законодательство, регулирующее данный вопрос, а также оценить возможные альтернативы использованию трупного материала в обучении, в том числе и с опорой на мнение студентов и преподавателей по данному вопросу.

Анализ законодательства Республики Беларусь демонстрирует, что наиболее этически приемлемым способом получения трупного материала для работы в медицинских ВУЗах страны является добровольный анатомический дар, при котором соблюдаются фундаментальные биоэтические принципы уважения автономии и информированного согласия. Однако реальная практика показывает, что в силу слабой информированности, негативных стереотипов о медицинских работниках, культурных и религиозных традиций на анатомический дар решается весьма незначительное число людей, в том числе и среди самих медицинских работников. Такое количество элементарно не может удовлетворить потребность учреждений образования в анатомическом материале.

Как альтернативу анатомическому дару законодатель разрешает использовать в обучающем процессе тела граждан, чья личность не была установлена, а тело не было востребовано родственниками. Данная норма, в первую очередь, не согласуется с нормами биоэтики, поскольку не позволяет обеспечить добровольность жертвы. С другой же стороны, она критически оценивается и самими медработниками, в связи с длительными сроками удержания невостребованных трупов в моргах, многие з которых не имеют необходимых условий для консервации и поддержания тел в должном состоянии. Иными словами, оказывается, что законодательная норма на сегодняшний день не удовлетворяет ни утилитарным, ни этическим требованиям и нуждается в доработке. Что же касается возможности замены трупного материала альтернативными методиками (компьютерные модели, симуляторы, макеты и т.д.), то, по мнению преподавателей, они не могут обеспечить тот уровень наглядности и реалистичности, что работа с реальными анатомическими препаратами, не говоря уже об экономических аспектах такого замещения. Помимо этого, работая с муляжами и компьютерными системами, студент невольно формирует объективированное восприятие человеческого тела, в то время как работа с анатомическим препаратом может помочь сформировать у будущих врачей уважительное отношение к человеческому телу, а к пациенту как целостной личности в единстве ее психических и соматических проявлений.

Таким образом, существующие этические проблемы, связанные с использованием тел умерших, могут быть разрешены только комплексно, сочетая реформирование законодательства, регулярные инвестиции в техническую оснащенность медицинских ВУЗов, а также распространение среди населения медицинской информации и формирования позитивного образа анатомического дара.

Волкова Анна Алексеевна
Магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЭТОСА В ГЕРМАНИИ

В данной работе предпринимается краткий анализ современного состояния академического этоса в Германии в целях выделения его ценностных оснований. Не имеющее однозначного определения понятие «этос» университета рассматривается в тексте как

совокупность норм, ценностных установок, определяющих уникальный «культурный код» данного социального образования. С целью определить основные характеристики академического этоса был проведён опрос обучающихся крупнейших ВУЗов Германии – Мюнхенского, Гейдельбергского и Гумбольтовского (Берлин) университетов. Основным предметом исследования стали уставы данных учебных заведений.

Анализ вышеупомянутых документов, предпринимаемый впервые, позволяет не только составить представление об особенностях академической немецкой этики, но и проследить влияние, оказанное идеями Мартина Лютера и Иммануила Канта. Основополагающей ценностью (и добродетелью одновременно) выступает свобода-свобода преподавания, обучения и исследования- в целях «улучшения жизни человека и всего мира». На административном уровне запрещается дискриминация членов академической среды по половому, возрастному или расовому признаку. С течением времени, был добавлен запрет на дискриминацию, основанной на половой ориентации человека и на вторжение в личное пространство, такие как моббинг и сталкинг.

В университетах Германии наблюдается высокий уровень самодисциплины и ответственности. Самостоятельность не просто поощряется: обучение организовано таким образом, что неспособный к самоорганизации студент не выдержит и семестра обучения. Индивидуализм в исследовании, автономия – возведены со времён Гумбольдта в качество максимы для всех членов академической среды.

Принцип integrity или добросовестности, честности, также прописан в уставе большинства Университетов и играет решающую роль в организации их деятельности. Проводится жёсткая борьба с плагиатом. Данные опроса показывают, что списывание представляется самим студентам элементом школьного, но не университетского обучения. Таким образом, результаты проведённого анализа документов и опроса позволяют утверждать, что принцип свободы, требование самостоятельности и автономии человеческой воли – характеристики университетского порядка, введённого Вильгельмом Гумбольдтом – остаются основополагающими и в настоящее время.

Воробьёва Мария Владимировна
Кандидат культурологии, доцент
Уральский государственный экономический университет

ОТ «ДВЕНАДЦАТИ ПОЛОВЫХ ЗАПОВЕДЕЙ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЛЕТАРИАТА» К «МОРАЛЬНОМУ КОДЕКСУ СТРОИТЕЛЯ КОММУНИЗМА»

С приходом большевиков к власти, образованием Советского Союза стала постепенно формироваться новая культура. Во многом складывание этой культуры поначалу связано было с размежеванием от всего дореволюционного, в частности религиозного – ранняя советская культура гордо объявляла себя культурой воинствующих безбожников. Тем не менее, религиозный компонент латентно присутствовал, поскольку за малый срок не мог быстро изгладиться след, оставленный религией на российской дореволюционной культуре, послужившей основой для культуры советской. Делегитимизация всего религиозного или околорелигиозного сильно сказалось на сфере морали, поскольку до революции она находилась под влиянием религии. Исключение религиозного компонента отменило действие христианских регуляторов поведения, а также, что более важно, оставило вакуум в поле моральных ценностей. Это породило всеобщую растерянность и, как следствие, активные попытки заполнить образовавшуюся пустоту. Многочисленные моральные кодексы 1920-х годов, а также бурные дискуссии на моральные темы отразили брожения и поиски того времени. Характерной особенностью кодексов тех лет являлся их партикуляризм, отсутствие универсальности – претендуя на регули-

рование отдельных областей человеческой жизни отдельных социальных классов или прослоек (подобно «Двенадцати половым заповедям революционного пролетариата» Арона Залкинда), они не объединяли жителей всей страны, не задавали общий моральный закон. Вероятно, данная ситуация со временем стала осознаваться как ущербная, поэтому во второй половине 1950-х годов начали публиковаться труды по основам коммунистической морали, в 1960-е годы – открываться кафедры этики в советских университетах, а увенчало этот процесс появление в 1961 году «Морального кодекса строителя коммунизма». Стоит констатировать, что культура пришла к тому, от чего раньше пыталась уйти – универсалистскому моральному кодексу, обращённому ко всем советским людям и латентно апеллирующему к Декалогу. Появление «Морального кодекса…» можно рассматривать двояко – как неудачу в поиске самобытной советской/социалистической/коммунистической морали и как восполнение дефицита общечеловеческого, универсалистского компонента. Возникает серия вопросов дискуссионного характера, главные из которых таковы: не связан ли упадок советской культуры, провал её проекта с неудачами в сфере морали? что привело к появлению «Морального кодекса строителя коммунизма» – осознанный недостаток общечеловеческого и переизбыток самобытно советского в сфере морали, либо дефицит самобытного, который попытались заполнить, обратившись к универсалистскому общечеловеческому? Помимо этих ключевых вопросов есть ещё несколько, ответить на которые мы хотели бы попробовать в докладе:

• на какие моральные ценности опирались моральные кодексы 1920-х годов и каким было влияние религиозного компонента?

• какие промежуточные варианты существовали между моральными кодексами 1920-х годов и «Моральным кодексом строителя коммунизма»?

• что более характерно для «Морального кодекса строителя коммунизма» – преемственность или разрыв с традициями 1920-х годов?

Гарвардт Андрей Эрвинович
Кандидат философских наук, зав. кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, Котласский филиал

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМ ЭТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ЭПОХУ ПОСТПРАВДЫ

Центральной парадигмой этического сознания, определяющей его бытие на онтологическом уровне, в историческом и мировоззренческом контекстах выступало признание непременности над-личных и сверх-личных нравственных основ. Исторически существование этих основ сакрализовалось в качестве религиозно-нравственных категорий «Добра» и «зла». При этом сущностной характеристикой «Добра и зла», как категориальных маркеров нравственного сознания являлось их ирреальное происхождение. «Бог» и «Дьявол», олицетворяющие в религиозной картине мира «добро» и Зло» онтологически могут быть сакральными категориями именно в силу своей ирреальности. Их бытие именно потому и предпослано Миру в качестве абсолютных измерений «добра и зла», что они существуют ДО! и ВНЕ! этого мира, вне пространства-времени и, соответственно не выводимы и не сводимы к категориям обыденного сознания в его эмпирических актуализациях.

В социальной практике конкретные актуализации «Добра и зла» предстают в телеологических категориях «Правда» и «Юридический закон». При этом «Правда» несёт в основном позитивную телеологическую нагрузку, выражая моральные ценности в их практическом (неформальном) соответствии моральному действию индивида. «Закон»

же, напротив, реализует негативную ценностно-ориентирующую функцию, задавая формальные пределы допустимого действия. Соответственно, как «Правда», так и «Закон», отражают общую, но не всеобщую ценностную парадигму. Они с необходимостью вписываются в реальные условия существования общности, ценности которой отражают и выражают. Существенным, в избранном нами контексте, является соотнесение реальности и рациональности интересующих нас категорий. Если «Добро и зло» ирреальны, то и их рациональность, как минимум, ограничена. В принципе, они могут быть и полностью иррациональны. «Правда и закон», напротив, изначально мыслятся как рациональные категории, как в когнитивном, так и в телеологическом измерении: они требуют рациональной аргументации и сами являются рациональными аргументами морально-правового действия.

Информационно-когнитивная характеристика современности, как «эпохи постправды» отражает в первую очередь, отказ индивида «искать правду», т.е. анализировать и аргументировать. Чаще всего понятием «постправда» пользуются при анализе информационно-когнитивной составляющей общественного сознания и коммуникации. Мы же считаем необходимым обратить внимание на характерную черту общественного сознания, в том числе и морального, состоящую в отказе от соотнесения модусов индивидуального действия с общими или всеобщими парадигмами морального поведения. Не вдаваясь в анализ причин, вызвавших формирование «эпохи постправды», мы можем выделить, как минимум, два вектора трансформации парадигм соответствующего этой эпохе нравственного сознания.

Во-первых, отрицается сама потребность соотнесения собственного нравственного выбора с общим или всеобщим нравственным аргументом. Общий нравственный принцип воспринимается как неприемлемое ограничение индивидуальности, посягательство на «права личности».

Во-вторых, парадигма нравственного сознания принципиально утрачивает категорию нравственной ответственности морального субъекта. Принципиально понимая саму возможность последствий своего выбора, субъект принципиально же не воспринимает её как нравственно обоснованную, как условие этого выбора и неизбежность жить дальше в последствиях собственного действия.

Гарвардт Мария Андреевна
Студент, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ «СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ»

Одной из главных проблем этической оценки войны в настоящее время является трансформация войны как таковой. Большинство сегодняшних конфликтов, переходящих в вооруженное состояние, имеют локальный характер, а потому армии не воюют в известной ранее форме, и провести на местности реальную линию, разделяющую пространство на «фронт» и «тыл» становится невозможно. К концу XX века формальное объявление войны практически исчезло – для вмешательства вооруженных сил другого государства теперь не обязательно «бросать перчатку». Появились такие формы ведения войны как, например, «антитеррористическая операция» (Ближний Восток, Донбасс) и «операция по восстановлению конституционного порядка» (Чеченская республика), которые обнажили проблему отношения к так называемым «не-комбатантам». Например, неясно, будут ли относиться к ним потенциальные террористы, только ещё готовящие теракт или их прямые и косвенные пособники. Такие «операции», когда война не объявлена, но и мира уже нет, существенно размывают грань между правами человека и оправданным с точки зрения этики войны применением силы, что не может не привести к изменению представления о военных как таковых. Ярким примером обозначенных проблем может стать дело полковника Юрия Буданова, осужденного за похищение и

убийство 18-летней чеченки, от снайперской винтовки которой, по информации полковника, погибли военнослужащие, служившие под командой Буданова. Этика войны убийство врага как таковое не осуждает, статуса военнопленного убитая так же не имела, доказательства вины необходимы в отношении преступника, солдат воюет не с преступником, а с врагом, которого солдат определяет по его (врага) враждебному поведению. Однако, во имя политической конъюнктуры Буданов был приговорен к десяти годам заключения. Проблемой становится возможность современного солдата относиться к врагу как к тому, от чего должно защищать Родину, особенно, если эта Родина хотя бы формально у них общая.

В работе «Справедливость. Как поступать правильно?» Майкл Сэндел привел в пример ситуацию, когда в ходе военной операции в Афганистане американским офицером из двух возможных вариантов «отпустить» и «расстрелять» в отношении случайно наткнувшихся на них афганских пастухов выбрал первый вариант, за что поплатился потерей группы и сорванной операцией. Но так же нам известно дело Ульмана, где действия против противника – а в силу ряда обстоятельств, командир отряда считал жертв операции именно противниками – были расценены как преступление. В условиях «новой» войны пропадает критерий этического (а, следовательно, и формально-правового) выбора между выполнением воинского долга и современными представлениями о гуманности, и т.н. «правом войны».

Глобина Анна Константиновна
Студент, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ДВОЕМИРИЕ XXI ВЕКА ИЛИ ПОДВОДНЫЕ КАМНИ ПУТЕШЕСТВИЯ МЕЖДУ РЕАЛЬНОСТЯМИ

Киберпространство, виртуальные миры, компьютеризация – так звучат категории, символизирующие радикальные изменения, к которым важно «подготовить» области научного знания. Очевидно, этика, конфликтология, философия, право, чутко реагируя на любые общественные изменения, не могут оставаться в стороне от ключевых тенденций XXI века. Цифровая проблематика требует «осовремененного» и практического взгляда, помимо получившего широкое распространение теоретического переосмысления.

Говоря о степени изученности вопроса, упомяну несколько основных моментов. Одним из первых лёгкое дуновение «ветра перемен» ощутил немецкий философ Карл Ясперс, который уже в 1949 году обратился к изучению явлений, связанных с научным прорывом, «постигшим» человечество. Также следует заметить, что термин «компьютерная (информационная) этика» давно укрепился в академических кругах(его появление принято относить к 70-м XX столетия). Во время подготовки материала я неоднократно обращалась к учебнику А.А. Малюк «Этика в сфере информационных технологий», представляющему собой и путеводитель по истории постиндустриализма, и ментальную карту нынешнего положения вещей.

Суть моего доклада сводится к оценке конфликтогенности взаимодействия социосферы и мира технологий. Для подобного анализа важно понимание детерминант упомянутых взаимоотношений, зачастую влекущих за собой неоднозначные ситуации, спорные вопросы и более серьёзные последствия.

Сегодня индивид перманентно включен в цифровой поток: забыть о еде в вихре рабочего процесса – обычное дело, а вот ситуацию информационного голода трудно даже вообразить, ещё сложнее смоделировать. Этот факт, опровергающий мнение о том, что компьютеры – это лишь веяние моды, можно считать константой погружения в содержание темы. Человек, как часть СИСТЕМЫ (государства, культуры, социума), подготовлен к болезненному контакту с «техникой», и речь, конечно, не о пальцах в розетках. Он не ограничен

в возможности побега в online-среду при получении малейшего пинка от суровой и довлеющей судьбы в самых разных её проявлениях, грёзы о Виртуальном становятся все более осязаемыми – общество подталкивает нас к инновациям, поощряя их интеграцию в повседневность. Так почему же мы так слепо доверяем информационной индустрии? С одной стороны, это можно объяснить побочными эффектами глобализации, с другой же, открывается сомнительность выгоды предупреждения (нередко приравниваемого к запугиванию или необоснованному консерватизму) о возможных подводных камнях. Именно поэтому я предлагаю рассмотреть ответственность в цифровой этике с нескольких ракурсов: разработчиков и ученых; корпораций, продающих(получающих прибыль); обычных пользователей, гостей в мире «единичек и ноликов». Я ни в коем случае не поднимаю вопрос о категориях «зла и блага», однако стремлюсь обратить внимание на незаметные порой правила «перемещения» по альтернативному пространству.

Многоаспектность вопроса очевидна, я лишь постаралась наложить научный материал на современность, осветив основные сложности, возникающие в процессе перемещения из «обычной» среды в цифровую.

Головков Владислав Владимирович
Студент, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

МОРАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕСПИЛОТНОГО ТРАНСПОРТА

В современном мире человека окружает огромное количество технологий, помыслить о которых невозможно было даже 30-40 лет назад. Чем больше они занимают места в нашей жизни, тем больше мы от них зависим. Человечество научилось создавать роботов, искусственный интеллект, самообучающиеся нейросети. Достоверно неизвестно, каким образом эти технологии преобразуются завтра. Несмотря на это, уже сейчас ставится множество моральных вопросов, таких как, например, возможно ли признание машины равной человеку? Или можно ли считать человека, в котором заменили 99% биоматериала человеком? Но это всё вопросы не ближайшего будущего. С другой стороны, некоторые аспекты будущих проблем, связанных с ИИ, проявляются уже сейчас.

Относительно недавно на рынке автомобильного транспорта появились автомобили с функцией управления без участия водителя. В СМИ сразу же стала популярна тема о том, какие решения искусственный интеллект будет принимать в аварийных ситуациях. Причём, условия так называемых «моральных задач», в большинстве своём, описывают максимально маловероятные случаи. Если же говорить о ситуациях, которые могут произойти с более-менее значительной долей вероятности (хотя, они тоже исключительны), то они вполне себе разрешимы. Основная проблема здесь кроется именно в том, что алгоритм действий должен быть заложен в машину заранее. Это решение будет обдуманным, а не спонтанным, как было бы, окажись в подобной ситуации человек. Именно о принципах и ценностях, которые следует заложить в искусственный интеллект идут этические дискуссии. Чью жизнь ставить в приоритет? Человек, следуя своему инстинкту самосохранения, отдаёт приоритет своей жизни, но значит ли это, что и машина должна делать выбор в пользу жизни своих пассажиров? Должен ли ИИ в случае, если речь идёт о большом количестве жертв, «обязывать» пассажиров к героизму? А тогда где граница, между «приемлемым» числом жертв и «неприемлемым» и можно ли вообще ставить вопрос таким образом? Кроме того, не совсем ясно, как должна распределяться ответственность за принятое решение. На кого возлагать вину за возможные жертвы? На разработчиков, которые не учли возможность возникновения именно случившейся ситуации? Или же на искусственный интеллект, который никак не накажешь, ведь даже отключение для подобной системы не будет наказанием, так как у неё нет самосознания. Хочу отметить, что с этической точки зрения нам интересны только те ситуации, в которых искусственный интеллект полно-

стью исправен, потому что при неисправности системы случившееся будет считаться результатом сбоя в программе, а никак не результатом выбора ИИ.

Пока мы не сможем договориться о том, как решить эти проблемы, автопилот в автомобиле так и будет оставаться дополнительной функцией, за которую не многие будут готовы переплачивать, ведь ради безопасности, в настоящее время, автопилот работает в ограниченных рамках (как, например, с недавних пор автопилот на автомобилях Tesla работает только когда водитель держит руки на руле). В то же время, ввод в эксплуатацию автопилотируемых авто позволит сократить количество ДТП, что подтверждается статистикой. Именно поэтому важно разрешить этические проблемы, связанные с возможными моральными дилеммами, с которыми ИИ может столкнуться на дороге, дабы автопилотируемый транспорт обрёл популярность среди людей.

Aleksandr Gonashvili

THE PLACE OF ETHICS IN A VIRTUAL SOCIETY

(Гонашвили Александр Сергеевич, Магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет, «Место этики в виртуальном обществе»)

Nowadays innovative technologies in the life of a young and rising generation an increasingly important place is occupied by computer technology, which leads to the creation of a new reality in the plane virtualization. In confirmation of my words about the virtualization, companies should refer to authoritative Russian sociologist D. Ivanov, who in his monograph «Virtualization of society» writes, priority in the last years of the XX c. was the development of not information, and simulation technologies – virtual reality technology [1, p.13-14].

Due to the fact that it seems to me that the future society – a virtual society, which will be transferred all the social practices existing in society. We stand on the threshold of new rapidly changing technologies that, in my opinion, lead us to the virtual society. All this leads to the fact that the future is a virtual reality. If we talk about an epistemologically new form of social relationship between the emerging on the background of virtual space on the agenda, the question of the place of ethics in a given society is raised. A new form of social order requires a new ethical component of this society. It is obvious that the old ethical forms that exist in modern society will not be suitable forms of social expression in a virtual society. Therefore, the agenda raises the question of understanding what a virtual society is and what ethics will be relevant to a given society. I think the sphere of virtual ethics will be the most relevant and popular, people will want to be working this area and I think this profession is to eventually become a closed structure in the form of monopoly and will have incredible power in the world, as one who knows how to work virtual is a social law, you will understand specifically what you need to do and how they can use it.

In concluding, I note that the society seeks to virtualization their really. But they don't know what bondage pushes itself, the new Technology will create a society where the power of the people who will understand what is happening in society will extremely strong.

References

1. Ivanov D.V. Virtualizaciya obshchestva [Virtualization of society]. SPb.: «Peterburgskoe Vostokovedenie», 2000.

Давыдов Денис Алексеевич
Маркова Инна Викторовна
Магистранты, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЦИФРОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ – ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Цифровая грамотность является одним из наиболее важных приоритетов развития современного общества. Повсеместная доступность цифровых технологий вкупе с разви-

тием инновационных служб, социальных сетей приводит к возникновению цифрового мира. Важно не только популяризировать сервисы: онлайн-банкинг, электронная запись к врачу, электронное правительство, но и обучать людей, как ими пользоваться. Цифровая грамотность позволит человеку быть более информированным, социально-защищенным.

Очень важно понимать, что цифровизация систем требует грамотных людей, обладающих необходимыми компетенциями. Цифровая сфера несет в себе возникновение этических вызовов: обмен информацией от машины к человеку, соблюдение правил безопасности и анонимности при общении в онлайн сообществах и т.п.

Цифровая грамотность – это ценность современной реалии. Грамотность – это понятие, которое знакомо всем, – это степень владения когнитивными навыками (чтение, счет). С внедрением и развитием информационного пространства, представление о грамотности расширяется. Цифровая грамотность – это способность использовать контент с помощью цифровых технологий, включая: навыки программирования, поиск и обмен информации, коммуникацию с другими людьми и машиной. Цифровая грамотность включает в себя взаимодействие пользователя и машины, понимание особенностей устройства и распространения цифровой информации, а также понимание структуры сетевого сообщества и социальных норм. Понимание и умение коммуницировать в онлайн-сообществах, умение создавать, распространять и применять контент, уважать права других людей, а также использовать цифровые технологии для саморазвития является этически значимым для цифровой культуры (составляет этический аспект цифровой культуры). Очевидно, что цифровая грамотность – это сложный комплекс навыков: самоорганизации, планирования, самомотивации.

В системе образования цифровые технологии позволяют индивидуализировать процесс обучения: как на этапе освоения нового материала, так и на этапе контроля результатов.

Эра цифровизации меняет рынок занятости: машина заменяет труд человека. Самозанятость – это верный способ быть трудоустроенным. Цифровые технологии дают новые возможности организации и развития бизнеса. В ближайшем будущем станет нормой регулярная смена профессии, при этом нахождение в одной профессиональной сфере будет все больше требовать готовности к обучению, где обучение является постоянным процессом на протяжении всей жизни. Непрерывное образование станет жизненной нормой, где с одной стороны важно развитие внутренней мотивации человека к учебе, а с другой развитие онлайн-платформ, программного обеспечения и оцифровка контента.

Этические аспекты цифровой грамотности можно представить следующим образом, плюсами будет являться: экономия времени, доступ к информации и услугам, общее улучшение качества жизни, а минусом негативное воздействие при помощи информации, проблема ответственности/безопасности/контроля, социальная неподготовленность, и как следствие социальное расслоение.

С одной стороны обществу требуются грамотные люди для выполнения различных задач, а с другой, – контроль за грамотностью является рычагом воздействия правительства над гражданином. Возникает этический вопрос: кто вправе определять уровень цифровой грамотности?

Цифровая грамотность становится важной частью жизни и развития современного общества. От того как люди будут овладевать цифровой грамотностью, будет напрямую зависеть их личное благосостояние, а также состояние и развитие современного общества. Цифровая безграмотность может привести к социальному расслоению. Рассмотренные аспекты требуют дальнейшей этической рефлексии.

Данилкина Дарья Сергеевна
Аспирант, 2 курс, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МАНИПУЛИРОВАНИЯ СОЗНАНИЕМ В РАМКАХ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ПОДХОДА

В рамках современных исследований были проведены эксперименты в ходе которых выяснилось, что при помощи электродов, которые были введены в мозг человека, можно направленно менять поведение человека – при положительных эмоциях происходит понижение физиологических показателей, при отрицательных – повышение, т.е. существует определенные области мозга, которые ответственны за организацию эмоций. Известно, что такой метод электрической стимуляции, наиболее известный как метод транскраниальной стимуляции постоянного тока, используется при лечении болезни Паркинсона (происходит замена отсутствующих химических сигналов электрическим в нужной области). Таким образом, мозговая стимуляция представляет собой метод, который использует электроды, имплантированные в мозг для выработки электрического тока, данная технология является одобренной и уже протестированной на людях с тяжелыми психическими заболеваниями. Более того, такая технология позволяет ускорить процесс обучения, скорректировать расстройства внимания у детей с СДВГ. Таким образом, целенаправленное воздействие на мозг может менять его функцию. Опасность заключается в том, что такой метод применяется не только в целях лечения заболеваний головного мозга, но и для повышения определенных психологических навыков и улучшения способностей, что в свою очередь, создает серьезную этическую проблему – принадлежат ли такие искусственно индуцированные способности человеку? Воспринимает ли человек изменения настроения и поведения? Поскольку такого рода стимуляция порождает определенные психические состояния, которые , как было сказано выше, неизвестно, являются ли подлинным источником его действий, возникает вопрос – гарантирует ли человек, что его действия являются автономными и может ли он нести за них ответственность? Стоит отметить, что приобретение такого рода способностей не требует ни умственных, ни физических усилий. С другой стороны, такой метод помогает в лечении серьезных психических расстройств и неврологических заболеваний. Более того, глубокая стимуляция головного мозга может индуцировать маниакальное состояние, что, в свою очередь, может нанести серьезный вред социальной среде. Таким образом, вышеперечисленные тенденции требуют тщательного философски обоснованного анализа результатов исследований в данной области и, непосредственно, критической оценки. Невозможно, на мой взгляд, решить данную проблему изолированно, требуется междисциплинарный подход. Более того, этический анализ должен стремиться отделить реалистичные прогнозы от спекулятивных.

Демидова Елена Викторовна
кандидат философских наук. доцент, старший преподаватель
Военная академия Ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого

НРАВСТВЕННЫЙ СУБЪЕКТ В РАННЕЙ ФИЛОСОФИИ М.М. БАХТИНА

Одной из основных граней, созидающих человека как личность, и позволяющих ему оставаться человеком, является его бытие в качестве нравственного субъекта: в качестве такой человеческой единицы, которая способна совершать осознанный выбор и совершать поступки.

В докладе проводится анализ места, которое занимает нравственный субъект в ранней философии М.М. Бахтина, преимущественно на материале его эссе «К философии поступка», а также характерологические черты нравственного субъекта, специфицирую-

щего его именно в качестве нравственного, а не вообще субъекта. Для анализа привлекаются и другие произведения раннего периода творчества М.М. Бахтина, в наибольшей степени, «Автор и герой в эстетической деятельности».

В рамках этой философии субъект – это практически всегда нравственный субъект, хотя Бахтин мало использует термин «нравственный субъект», и лишь в паре мест дает какие-то спецификации ему. Как известно, Бахтину не удалось достроить свою моральную философию до конца. Тем не менее, можно выделить в его понимании субъекта черты как классического рационального познающего субъекта, так и черты новой субъективности. Последние объединяют его с современностью: это конкретное телесное существование в пространстве-времени – в своем хронотопе, полная зависимость от Другого в плане само конструирования, самопознания, совершения поступков.

У Бахтина возникает противоречие или парадокс между автономией нравственного субъекта и фактически, полной зависимостью от нудительности долженствования. Автономия выражается в том, что субъект утверждает ценности своим выбором и подписью под этим актом выбора, также тем, что субъект всегда сам будет знать какой поступок совершить. Но, с другой стороны, в эссе «К философии поступка» ясно вырисовывается ситуация, когда субъект совершает действие, поступок лишь потому, что вся ситуация и Другой, противостоящий субъекту и являющийся тоже частью этой ситуации, определяют ответ субъекта. Его действие или поступок носят не инициативный, про активный характер, а ответный. Это ответ на вызов ситуации, в которой оказался субъект, это абсолютное долженствование, которое принуждает субъекта к действию. В результате исследования делается вывод о том, что «нравственный субъект» сегодня становится якорем для сохранения рационального самосознающего субъекта, не давая ему исчезнуть. Бахтин оказывается правым на все 100%, утверждая свою нравственную онтологию. Чтобы совершить нравственный поступок, субъект должен воспринять ситуацию и другого, познать ее, совершить акт выбора надлежащих для этой ситуации ценностей, оценить ситуацию и свое место в ней, а затем уже, в поступке утвердить принятые ценности. Это невозможно без развитой когнитивной деятельности, рациональности, самосознания и самопознания, причем все это должно соединиться в едином центре того, кто поступает – в том, кто поступает – в нравственном субъекте.

Демин Ростислав Николаевич
Преподаватель, Русская христианская гуманитарная академия

КОНЦЕПЦИЯ «ДЕВЯТИ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ» В ГЛАВЕ «СЯ БЯНЬ ЦЗИ» «ШИ ЦЗИ» И ГЛАВЕ «ШУЙ ДИ» «ГУАНЬ-ЦЗЫ»

РФФИ №17-03-00616 «Сократические школы как явление античной философии и культуры.

Одним из препятствий в исследовании роли логики и аргументации в процессе конструирования морально-этических эталонов в древнем Китае представляется отсутствие в отечественной литературе собрания фрагментов древнекитайских философов, аналогичного знаменитому собранию «Фрагментов досократиков» Дильса-Кранца. Отсутствие подобного собрания не позволяет в ряде случаев выйти за рамки традиционного изложения истории философии древнего Китая и заметить некоторые ускользающие от широкого внимания явления. До некоторой степени ситуацию исправляет привлечение время от времени отдельными исследователями того или иного материала доксографического характера, отличного от вошедшего в двухтомное собрание текстов по древнекитайской философии, опубликованного в 1972-1973 гг.

В данном случае речь идет о содержащихся в некоторых древних текстах свидетельствах о беседе, состоявшейся в присутствии императора Шуня между его помощниками, прежде

всего Гао Яо, легендарным министром правосудия, и законодателем Юем, считающимся укротителем потопа и позднее полагавшимся первым правителем династии Ся. Не касаясь подробно вопроса об историчности как самой беседы, так и историчности ее участников, обращается внимание на упоминаемую в ходе беседы концепцию «девяти добродетелей» («девяти дэ»). При этом каждое из девяти дэ («цзю дэ») образовано парой противоположных или дополняющих друг друга качеств (например, «великодушие – строгость», «мягкость – решительность»). На основании выделенного фрагмента беседы дается попытка определения (с учетом многообразных отношений между риторикой, диалектикой и логикой) формы обоснования морально-этических эталонов, используемой в ходе описываемой в привлекаемых текстах беседы. Анализируется числовая символика текста (три дэ, шесть дэ и девять дэ). Высказывается предположение о принципах группировки перечисляемых в текстах «добродетелей» («дэ») и их связи с девятеричным построением, характерным для ряда древнекитайских сочинений. Затрагивается вопрос о связи девяти добродетелей с учением о девяти делах, которыми должен заниматься правитель, чтобы считаться добродетельным. В качестве контекста привлекаются упоминания о девяти добродетелях в других древних текстах (в сочинении доцинской эпохи «Го юй», у ханьского мыслителя Ван Чуна, в «Шань хай цзине» и др.), а также опущенный в имеющемся переводе на русский язык материал главы «Вода и земля» (Шуй ди) сочинения «Гуань-цзы», в которой говорится о девяти добродетелях нефрита и их связи с водой как началом всего. Отмечается также ряд параллелей с древнегреческой философией (в частности, с софистами и представителями сократических школ).

Джабраилов Руслан Ильгарович
Магистрант, 1 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА ЗЛА В ЭТИКЕ Н.А. БЕРДЯЕВА

Данная работа посвящена рассмотрению проблемы зла и его проявлений в трудах отечественного мыслителя Бердяева Николая Александровича (1874-1948 гг.). Актуальность работы выражается в практическом применении учения русского философа, который своим философским трудом и честным трудом анализирует неизбывность зла в человеческой жизни, обосновывает его пребывание в нашей бытийной среде и вводит его в онтологическую полноту человека как условие для гармоничного сосуществования разрозненных черт самой человеческой чувственности в качестве неотъемлемого условия понимания таких проблем, как творчество, свобода и любовь. Определяемый историками философии как представитель отечественного экзистенциализма (наряду с Львом Толстым (1828-1910 гг.) и Львом Шестовым (1866-1938 гг.)), самого Бердяева по мнению автора данной статьи причислять к плеяде экзистенциалистов – это означает признавать, что преимущественно мы готовы рассмтаривать, усваивать и понимать преимущественно тот формат мысли, который был нам задан основоположником данного направления – С.Кьеркегором (1813-1855 гг.), датским религиозным мыслителем и психологом. Специфика же бердяевского понимания проблемы зла, его соотношения с добрым и того, что следует делать человеку в ситуации наличия в нём зла как такового заключается в том, что оно всегда бытийствовало в нас, пребывало и являлось определённым противовесом тому процессу, которое мы называем добром. Отходя от господствовавших в рамках христианского (точнее христианско-философского) пространства, учение Бердяева представляет собой взгляд неортодоксального представителя школы всеединства (которое автор также трактовал по-своему вне традиции последователей Владимира Соловьёва). Интерес к данной проблематике вызван ещё и тем, что будет дана попытка дать описание вышеизложенной статьи не как проблемы в привычном формате её понимания (проблемой обычно называют то, насчёт чего нужно выразить свой вер-

дикт), а в виде желания окунуться в мир авторских мыслей с тем, чтобы пройти с ним этот путь и найти то общее в нём самом, в его естестве, что может объединить нас в добровольной практике заботы о себе с целью увидеть в другом человеке себя же. Именно так и будет построен данный доклад, интерес к которому вызван желанием понять современную российскую ментальность и на основании этого вытроить для каждого собственные индивидуальные стратегии позиционирования и отбора той информации, которая может раскрываться в себе и со всеми.

Долоцкая Наталия Алексеевна
Аспирант, 1 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ИСКЛЮЧЕНИЕ/ВКЛЮЧЕНИЕ КАК ФАКТОР ЭТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ НАСИЛИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОГО

Специфическим критерием определения политического в концепции Карла Шмитта является разделение на две антагонистические, экзистенциально противоположные силы – друга/врага. Такое разделение в более мягком варианте может принимать формат диалектики включения и исключения (или разделения на большинство и меньшинство) в качестве трансформации на различных уровнях своего проявления.

Одним из актуальных фокусов проблематики политического можно назвать промежуточное положение между исключением и включением, между инклюзией и эксклюзией, которая может быть выражена, в том числе, с помощью понятия чрезвычайного положения. Теория безопасности в современности выступает вариантом чрезвычайной ситуации как приостановки закона, являющейся незаконной.

Следует отметить, что исходя из такого понимания политического, политическое и насилие оказываются тесным образом связаны. На насилие как источник возникновения права, в качестве одного из основных инструментов легитимации политического, указывает З.Фрейд в эссе «Неизбежна ли война?»: «Могу ли я заменить слово «власть» более резким и жестким словом «насилие»? Право и насилие выступают сегодня противоположностями. Легко показать, что одно возникло из другого». Необходимый первоначальный момент насилия в процессе образования государственности и/или права, далее трансформируется в некоторый договор, направляющий насилие именно против Чужих и запрещающий распространять его против членов собственной группы.

Если обратиться к позиции Ж.Деррида о том, что существует некоторое незаконное перфомативное насилие, присущие самому Разуму, законному порядку, который задним числом делает его незримым, то интересным представляется переосмысления понимания «видов» насилия, выделенных В.Беньяминым.

Диалектика насилия и закона берется на заметку террористами, основывающими свою логику на том, что насильственные действия являются некоторым предвосхищением будущего правового состояния. На основании такого оправдания происходит конституирование и идентификация группы. Опасность данной логики кроется в симметричности логике государства, использующей аналогичный метод обоснования. Фундированное насилие может легитимировать или изменять правовые отношения, что приводит к выводу о том, что терроризм сам глубинно принадлежит праву, поскольку имеет отношение к его происхождению. Монополия государства на политическое позволяет определять врага и оправдывать постфактум насилие. Терроризм, не имеющий подобной монополии, может использовать данную логику только в случае собственного преобладания, ретроспективно санкционионируя собственные действия. Сложность, продуцируемая синонимичностью и симметричностью данной логики, с точки зрения моральной составляющей заключается в постановке вопроса о выборе той этической системы, на основании который осуществлялась бы оценка и анализ данных актов и практик.

Гегельянская триада философских подходов к этике, выраженная в субстанциональной этика высшего Добра, универсалистской этике формально-процедурных правил (отрицание) и постмодернисткой этике (отрицание отрицания), концентрирующейся на предписании отрицания в контексте множественности нарративных игр, может быть дополнена этикой, основанной на отсылке к травмирующему Реальному.

Дробышева Анастасия Владимировна
Магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ ПОКОЛЕНИЙ

Современная эпоха характеризуется сосуществованием всех трех типов морали – традиционной, рациональной и пострациональной. Изучение соотношения этих типов морали в сознании поколений необходимо проводить в связи с динамикой поколений, которая обусловлена социокультурной динамикой. Усвоение поколением ценностей и установок, характерных для различных типов морали, зависит от исторических условий его социализации. Благоприятные условия социализации способствуют формированию у новых поколений специфических моральных ценностей и установок, отличающихся от предшествующих поколений. Неблагоприятные условия социализации новых поколений способствуют сохранению у них моральных ценностей и установок, существующих у предшествующих поколений. В модернизированных странах преобладают ценности и установки, соответствующие рациональной и пострациональной морали, в модернизирующихся странах преобладают ценности и установки, соответствующие традиционной морали. Все возрастные группы в странах первой группы в различной степени ориентируются преимущественно на моральные ценности и установки, характеризующие культуру самовыражения, а в странах второй группы – преимущественно на моральные ценности и установки, характеризующие культуру выживания. Для выявления соотношения различных типов морали в сознании поколений в модернизированных и модернизирующихся обществах необходим анализ реальной структуры морального сознания поколений. Изучение соотношения разных типов морали в сознании поколений в различных типах современных обществ позволяет определить пути диалога поколений. Такой диалог способствует развитию сотрудничества поколений в решении актуальных проблем общественной жизни.

Соотношение различных типов морали связано с социокультурной динамикой – поступательным изменением всех сфер жизнедеятельности людей. В каждой стране существует своя социокультурная система и своя уникальная конфигурация моральных ценностей и установок, позволяющая населению этой страны успешно адаптироваться к изменениям условий своей жизни, обеспечивать интеграцию индивидов в сообщество, достижение общезначимых жизненных целей, сохранение и своевременное изменение стандартов поведения.

В качестве эмпирической основы изучения нравственного сознания поколений целесообразно использовать материалы мониторинговых международных опросов населения, проведенных в рамках Всемирного исследования ценностей (1981 по 2014 гг.) и Европейского социального исследования (2002 по 2016 гг.). При обработке баз данных этих исследований необходимо сочетать различные статистические методы: микроанализ таблиц сопряженности, факторный анализ, кластерный анализ, регрессионный анализ и многомерное шкалирование. С помощью такого сочетания методов можно выявить устойчивые структуры реального нравственного сознания поколений, воспроизводящиеся у населения стран, представляющих определенные социокультурные типы.

Дубоносова Елизавета Александровна
Студент, 4 курс, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

МЕДИАЭТИКА КАК ПРОДУКТ ЭПОХИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.

В современном обществе проблема этического нормирования профессиональной деятельности подвергается активному исследованию со стороны специалистов в области этики. Одним из её предметов изучения является актуальная сегодня дисциплина медиаэтика. Главная цель доклада – осветить основные аспекты современной медиа этики. В научный дискурс термин «медиаэтика» был введен относительно недавно и совмещает этические взгляды на различного рода деятельность (включая журналистику и PR), исполняющую посреднические роли в коммуникативном пространстве. Появление медиаэтики связано с необходимостью переосмысления традиционных моральных норм и правил не только в связи с увеличившимся объемом информации, но и с изменением отношения общества к этой информации, а также с возросшей ролью индивидуального морального выбора субъекта пространства медиа. В этой ретроспективе журналистика и PR выступают каналами распространения информации, которые определяют содержание и количество передаваемых данных, а также способны манипулировать аудиторией, которая воспринимает поступающую информацию. В соответствии с такой детерминирующей ролью неотъемлемым становится вопрос о конструировании этических стандартов в медиапространстве.

Однако, в соответствии с работой Э.Тоффлера «Третья волна» для постиндустриального общества характерно явление демассификации СМИ, то есть рост разнообразия ценностных ориентаций и моральных представлений. Так одни эксперты аргументируют приоритетность саморегулирования в области медийных структур. Другие, напротив, считают его эффективным лишь в синтезе с правовыми нормами и социальным контролем. Разумеется, медиапространство стремится к созданию эффективной модели регламентации этических норм, независимых от административного и законодательного воздействия. Иначе, в условиях отсутствия внутренних рычагов оказывается неизбежным присутствие давления на деятельность медиа со стороны государства.

Мы считаем не менее важным обратиться к вопросу о соотношении правовых и этических норм в сфере современной журналистики и PR. Необходимость подвергнуть исследованию данную проблематику возникает из-за существующих в журналистской практике противоречий между целью и средствами достижения этой цели.

Ключевым аспектом в изучении медиаэтики является корреляция международных этических принципов и этических воззрений в рамках одной страны. Казалось бы, в условиях информационного общества и глобализации медиаэтика должна подвергнуться универсализации, а границы, задаваемые государствами в этическом пространстве, должны стираться. Но, перенимая международные принципы, медиаэтика отдельной страны руководствуется религиозными, культурными традициями и обычаями конкретного общества, тем самым вбирая национальная черты и исключая создание единой этической оси.

Подводя итоги, можно заключить, что сегодня видимым разрешением обозначенных дилемм является попытка коммуникативных институтов вступить в диалог для выработки единых этических стандартов и универсальных механизмов этического регулирования, соблюдая баланс интересов общества и медиа.

Жадунова Наталья Владимировна
Кандидат философских наук, декан факультета дополнительного образования,
Грыжанкова Марина Юрьевна
Доктор философских наук, профессор
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

РЕКУРСИВНОСТЬ МОРАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В ГЛОКАЛЬНОМ МИРЕ

РФФИ №18-011-00710

Рекурсивность (от лат. recursio «возвращение») современных коммуникаций предполагает процессы постоянного оценивания участниками коммуникационного процесса происходящих событий и поступков вовлеченных в них субъектов. Причем предметом оценивания зачастую становится выявление моральной ценности и значимости тех или иных намерений, действий, определяющих человеческую деятельность. Моральная оценка, выражаемая как одобрение или осуждение, опирается на признание абсолютности и универсальности моральной нормы и возможности применить ее к каждой конкретной ситуации.

О рекурсивности как характерной особенности моральной оценки говорят (А.П. Скрипник), когда хотят обозначить повторяющийся характер человеческой деятельности, направленный на установление различия с тем, что повторяется: оценка как эмоция, непосредственное переживание, а затем как рационально обоснованный вывод.

Термин «рекурсивность» применяется чаще всего в математике, языкознании и программировании для описания бесконечной повторяемости объекта в самом себе. Рекурсия – это бесконечное отражение в двух противоположных зеркалах. В современном мире существует множество явлений, основанных на рекурсивности, то есть повторении и самовоспроизведении, благодаря чему достигается динамичная целостность и усложнение системы. Рекурсивность есть обращение к результатам предшествующих операций как к основанию последующих.

Рекурсивность моральной оценки предполагает индивидуальную моральную рефлексию – самореференцию (Н. Луман), которая дает определенное понимание происходящего и дополняется, корректируется в процессе столкновения с другими оценками – инореференциями (Н. Луман). В сходных или сопоставимых ситуациях осуществляется поиск повторяющейся закономерности, которая впоследствии, проецируется на принципиально иные случаи. По мнению А.П. Скрипника, это встречное движение является главным источником моральных норм, которые одновременно и общезначимы, и условны. Одновременная условность и общезначимость моральной нормы масштабируются в социальной структуре современного общества, где «больше не существует позиций, позволяющих делать высказывания о мире на основе авторитета» (Н. Луман), а мир, благодаря Интернет и новым масс-медиа, стал бесконечным отражением отражаемого. Акцент с вопроса «Почему я должен быть моральным?» смещается на вопрос «Что значит быть моральным?». Возникает ситуация, когда большое количество повторений не приводит, как в математической рекурсии к прогнозируемому результату, а влечет формирование новых ценностей, для более выгодного и удобного потребления, где каждый сможет выбрать то, что представляет интерес, имитирует моральную чувствительность, демонстрируя примеры «хорошего», «достойного», «дурного», «недопустимого».

Сегодня рекурсивность моральной оценки разворачивается одновременно в двух направлениях: глобального и локального, и человеку остается только определиться в каком направлении в своем одобрении или осуждении движется он.

Зайцева Надежда Михайловна
Магистрант, 1 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ИССЛЕДОВАНИЕ АКТУАЛЬНЫХ ЭТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛИИ НА ПРИМЕРЕ АМОРАЛЬНОГО КИНЕМАТОГРАФА Д. ЧИПРИ И Ф. МОРЕСКО

Рассматривая социум в контексте этической проблематики, отчётливо можно увидеть моральные установки как общества в целом, так и отдельного его региона. Почему человек поступает так, а не иначе? В связи с чем и как быстро падают его моральные установки? Изучением подобных этических вопросов философы занимались ещё со времен античности.

В XXI веке наиболее выразительную и показательную роль в этом смысле слова играет кино. Кинематограф как искусство оказывает сильнейшее влияние на человека. Воплощая в себе лучшие качества литературы, музыки, театра он обладает безграничными возможностями для выражения в том числе множества этических и нравственных проблем общества. Он словно экран, который предоставляет возможность, взглянуть на современного человека и его недостатки.

Понятие «кинематограф морального беспокойства» впервые употребил в конце 70-х – начале 80-х годов знаменитый польский режиссёр Януш Киёвский. Нестабильная политическая ситуация, отдалённость коммунистической партии от народа, экономический кризис – всё это привело к тому, что в кинематографе стали появляться сюжеты, связанные с осуждением власти, политического режима, однако особое внимание уделялось социальным темам: деградация личности, ужасные детали повседневной жизни, постоянное внутреннее противоборство между тем, чтобы жить хорошо или выживать, но соответствовать рамкам морали.

С этого времени актуализируется ракурс киноискусства в пользу этической проблематики. В данном контексте итальянский кинематограф играет далеко не последнюю роль. Среди ярких представителей аморального итальянского кинематографа можно выделить двух режиссёров – Даниэле Чипри (17 августа 1962 г., Палермо) и Франко Мареско (5 мая 1958 г., Палермо).

Самодостаточные, принципиальные, со своим видением происходящих изменений в обществе, известные итальянские режиссёры родились и выросли на о. Сицилия, в г. Палермо, где в последствии и сняли большинство своих работ.

Первоначальная совместная работа «Cinico TV» («Циничное ТВ») была представлена на итальянском телевидении в 1992 г. Программа представляла собой короткометражные исключительно чёрно-белые интервью, в которых принципиально невозможно было увидеть женщин, так как их не должно быть в месте, в котором царит нищета и одиночество. Герои – мужчины: простые, бедные, безумные, убогие. Честные зарисовки, показывающие реальную жизнь населения начала 2000-х.

Зелянина Светлана Николаевна
Магистрант, 1 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

КОРПОРАЦИЯ КАК МОРАЛЬНЫЙ АГЕНТ

Вопрос о том, является ли корпорация моральным агентом, не имеет одного определенного ответа. Вместе с тем, понимание корпорации как субъекта моральных отношений (или отрицание этого) имеет важное значение как для этики, так и для менеджмента.

С точки зрения права корпорация – это некое отдельное существо, юридическое лицо, которое было «рождено» благодаря нескольким физическим лицам, с помощью людей оно и функционирует. Индивидуальные предприниматели и партнеры имеют те же моральные обязательства, что и все другие люди. По поводу корпораций возникает особый

этический вопрос, поскольку отдельные юридические лица не являются людьми и поэтому не могут нести те же моральные обязательства, что и люди. Или все же могут?
Первый ответ на этот вопрос утверждает, что корпорации являются вымышленными лицами. Согласно этой теории, корпорации не существует в реальном мире, она есть только в воображении юристов и государственных чиновников и появляется благодаря государству (Дж. Бакан).
Второй ответ – корпорации являются реальными субъектами. Согласно этой теории, корпорация – это групповое образование, имеющее собственную групповую волю. По сути люди, работающие в корпорациях, выступают органами, благодаря которым корпорации поддерживают жизнедеятельность (П. Фрэнч).
Третий ответ является «совокупной» теорией. Корпорация не является придуманным лицом, но и нечто целое она не представляет. Важны люди, которые работают в данной корпорации и именно они несут моральную ответственность (Л. Пейкофф).
Наибольшее распространение в современном мире получила вторая концепция и именно вокруг нее разворачиваются основные дискуссии. Зарождение концепции корпорации как морального агента специалисты относят к дискуссии, начавшейся между Джоном Ладдом и Питером Френчем. Ладд полагал, что корпорации не могут рассматриваться как моральные агенты. Главная цель любой корпорации – это получение прибыли, а поскольку корпорации искусственно образованы, то мы не можем считать их моральными агентами и давать им моральную оценку. Кроме того, работники обязаны следовать целям организации, они выполняют особую роль, которая детерминируются этими целями. Таким образом, каждый работник в отдельности лишается так называемой «независимости» и не способен производитель моральную оценку на индивидуальном уровне. Отсюда вытекает, что ни корпорация, ни ее отдельные сотрудники не являются носителями моральной ответственности. Питер Френч, напротив, считал, что корпорация является моральным агентом. Он говорил, что обязательным условием наличия ответственности является намерение. Он разработал концепцию CID-структуры, исходя из которой можно сделать вывод, что корпоративные «намерения» проявляются только в том случае, если они приняты в рамках организационной структуры корпорации и отражают ее политику. Последующие исследовали, в основном, базировались на существующих теориях и так или иначе дополняли и раскрывали их.
Со временем именно трактовка корпорации как морального агента стала преобладающей, а анализ корпорации как морального агента вышел на новый, системный уровень. Сама концепция стала очень важной в рамках изучения КСО. Это говорит о внедрении этики в сферу бизнеса, о важности не только правовых, но и моральных норм. Корпорация представляет собой целостный организм, который вступает в моральные отношения и, соответственно, несет моральную ответственность за свою деятельность.

Игнатьева Софья Валерьевна
Аспирант, 1 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИКА РАССТАВАНИЯ

Выстраивание матримониальных отношений – один из важнейших факторов социальной жизни человека. В культуре матримониального поведения современного типа, где установлены равные права в реализации романтических действий, независимо от гендера, основными ценностями являются осознанность и искренность выбора партнера. В таких условиях элемент поиска является обязательным составляющим сексуального поведения индивидов. Соответственно, расставание становится практически неизбежным этапом такого поиска. Тем не менее, современные исследователи больше сосредоточены на позитивной стороне гендерных отношений: больший интерес как научный,

так и бытовой проявляется к этапам поиска партнера и выстраиванию сексуальных отношений между индивидами, при практически полном игнорировании и даже табуировании этапа расставания или прерывания матримониальных отношений.

Накопленный социумом опыт позволяет говорить о наличии неписанного этикета расставания. Правила, направленные на демонстрацию партнеру уважения, облегчение процесса разрыва и выстраивание оптимальной линии развития отношений с бывшим партнером. После завершения романтических отношений между индивидами именно взаимное уважение становится основным принципом поведения. Следовательно, все этапы прекращения матримониальных отношений, согласно этикету, будут ориентированы на демонстрацию этой линии.

Объявление о принятии решения о разрыве отношений рекомендуется осуществлять при личном контакте с партнером, при этом, не используя размытых лексических форм и избегая тактильного контакта, что может быть интерпретировано как некоторая неуверенность в принятом решении. Отмечается важность баланса поведения инициатора расставания между мягкостью и непреклонностью принятия решения. Среди описания мотивов такого поведения присутствуют «не играйте с чувствами партнера», «не доставляйте лишней боли…», что указывает на стремление не только проявить уважение, но и снизить уровень стресса от прекращения отношений.

Исследования, проведенные Дэвидом Маккенделсом и Ли Бироном (как, почему и когда закончатся ваши отношения) в 2014 г. указывают на тенденцию нормализации дистанционных разрывов: каждое новое поколение все больше предпочитает объявлять о разрыве отношений по телефону или использую мессенджеры. Хотя, массовая культура демонстрирует явное неодобрение такой линии поведения социумом именно в следствии разочарования «потерпевшей стороны».

Сочувствие окружающих практически всегда находится на стороне получившего неприятные известия, именно «брошенный» партнер воспринимается широким кругом как жертва и некоторые линии поведения позволительные ему, не прощаются инициатору разрыва. Хотя открытое выражение собственных чувств, в любом случае, считается моветоном, оно, скорее, прощается жертве расставания, как и публичное негативное отношение к партнеру. Сам факт расставания, тем не менее, зачастую подвергается практически табуированию, постоянное муссирование темы переживания расставания негативно отражается на восприятии любого индивида социумом.

При невозможности полного дистанцирования от бывшего партнера нормы этикета настаивают на табуировании темы сексуальных отношений между индивидами и переходу к формальному обсуждению общих дел или тем, допустимых для светского жанра small-talk (природа, хобби, путешествия, без упоминания подробностей). Такие условия так же мотивированы стремлением нивелировать болезненную и конфликтную тему.

Таким образом, нормы этикета при расставании, направлены, прежде всего, на снижение уровня стресса для обоих бывших партнеров и базируются на принципе взаимного уважения. А также, значительной частью разрыва становится игнорирование неудавшихся отношений на определенном этапе. Что связано, как с этапом индивидуального переживания стадии «отрицания» в процессе переживания стресса, так и с негативным отношением к феномену одиночества со стороны социума.

Илюхина Евгения Олеговна
Студент, 6 курс, Новосибирский государственный медицинский университет

РАССМОТРЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЭМПАТИИ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Был проведен анализ научно-популярной статьи «Против эмпатии» Пола Блума из Йельского университета, в которой идет речь о том, что эмпатия не такая полезная психологическая и физиологическая черта, как принято считать. Когда мы расширяем границы беспокойства за других людей, независимо от того, близкий ли это человек или незнакомец, сложнее становится ничего не предпринять, не оказать помощь.

Рассмотрим понятие эмпатии. Быть в состоянии эмпатии означает воспринимать внутренний мир другого точно, с сохранением эмоциональных и смысловых оттенков. Как будто становишься этим другим, но без потери ощущения «как будто».

Данные утверждения предполагают доказанность того, что, когда переживаешь за других и не можешь им помочь, происходит гипервозбуждение зеркальных нейронов, которые отвечают за сочувствие, и впоследствии отказ от сочувствия, что приводит к дегуманизации общества, о чем ранее говорилось в статьях. Также эмпатия, это своего рода перенос на себя чужой боли, хотя по сути само определение с точки зрения терминологии психологии, не подразумевает данного факта. В конечном итоге индивидуум страдает совершенно бесполезно. Сюда же относится психологическое заражение, например, депрессией или ужасом. Отсюда могут формироваться как социальная фрустрация, так психосоматическая реакция организма.

Есть люди, которые могут настраиваться на ощущения других людей, в их случае, они могут желать или ждать от других людей (сознательно или без) такого же ощущения к ним. В конечном счете, не получив ответную реакцию испытывать страдание. Стокгольмский синдром можно так же отнести к негативным проявлениям эмпатии. Также и виктимные люди могут вызывать эмпатию у других людей, и на этот счет есть некоторые мнения, о которых будет говориться далее. Во-первых, эмпатия может стать в данном случае индикатором виктимного человека рядом с нами, то есть определитель, что перед нами жертва. Во-вторых, сопереживания данным лицам может сподвигнуть их на месть, так как они могут почувствовать свою силу и мощь, и их аутоагрессия станет внешней. Либо при условии, не поддерживать таких людей, они могут начать мстить и проявлять агрессию, так сказать произойдет качественный скачек (и в том и в другом случае) от огромной обиды и злости на других людей, что они не сочувствуют, не поддерживают их. Второй вариант более вероятен, потому что от такого количества неотреагированной агрессии и одновременном желании, и потребности в любви и принятии, так как потребности фрустрированны, возникает когнитивный диссонанс, что в дальнейшем может привести к невротическим и психозоподобным расстройствам личности. А у так называемых «психопатов» отсутствует компонент сочувствия, и они могут совершать разного рода противоправные и даже революционные действия в сторону общества.

На эмпатию могут существенно влиять стереотипы и установки общества, так как личность может испытывать сочувствие тому, что приемлет, и отвергать то, что не приемлет. Это называется рациональная эмпатия. Как раз одна из веток итога гипервозбуждения зеркальных нейронов.

Вывод. Возможно, как раз психологическая поддержка на основании нейрофилософских исследований этих людей может помочь избежать этого самого скачка. Чтобы понять истинные причины и следствия данного аспекта и подтвердить или опровергнуть данные гипотезы, необходимы МРТ исследования в нейрофилософской программе.

Ишмеева Алия Илхамовна
Студент, 4 курс, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

СВЕТСКАЯ ЭТИКА КАК НЕОБХОДИМЫЙ КОМПОНЕНТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ШКОЛАХ

В современном обществе до сих пор не умолкают ожесточенные споры по поводу внедрения несколькими годами ранее в образовательную программу средних общеобразовательных учреждений предмета «Основы религиозных культур и светской этики». Многие эксперты в области образования, а также родители школьников считают, что данный предмет не имеет под собой мощной теоретической базы и не способен повлиять на становление мировоззрения школьника. Также не умолкают споры о том, в какой период становления ребенка необходимо изучать данную дисциплину, так как в настоящий момент он изучается в 4-5 классах, что вызывает недовольство у многих критиков, считающие, преподавание данной дисциплины недопустимым в таком раннем возрасте. Не менее актуальным является вопрос: почему необходимо изучать именно светскую этику, а не «Основы православной религии» (так как данная религия исповедуется большинством на территории Российской Федерации). В связи с тем, что у специалистов нет единого мнения по данной проблеме, в курсе «Основы религиозных культур и светской этики» до сих пор отсутствует единая образовательная программа и соответствующий учебный материал, что вызывает затруднение в преподавании данной дисциплины.

Проведенное исследование показало, что необходимость внедрения предмета «Основы светской этики» в школах обусловлена объективными особенностями развития современного общества и культуры. Актуальность изучения светской этики в школе обусловлена, прежде всего, необходимостью духовно-нравственного просвещения, формирования толерантного поведения школьника, основанного на знании культурных и религиозных традиций многонационального народа России и уважительного отношения к ним. С учетом формирования тенденций постиндустриального общества, необходимо подготовить подростка к диалогу с представителями других культур, религий и мировоззрений, особенностью их менталитета и традиций. Кроме разработки учебной программы и методики преподавания по курсу светской этики необходимо правильно и грамотно готовить и квалифицировать педагогов по данному направлению, ведь современное образование направлено на формирование многосторонней личности, обладающей не только профессиональными, но и нравственными качествами. Важная роль в формировании такой личности отводится непосредственно курсу основ светской этики и квалифицированному педагогу. Светская этика выполняет задачу становления нравственной личности, а нравственность – основа любого общества, без которого сохранение и выживание общества невозможно.

Канышева Ольга Альбертовна
Кандидат философских наук, доцент
Российский государственный гидрометеорологический университет

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ: РОССИЯ И ЕВРОПА

Современные проблемы этики связаны с проблемой определения этического, как области научного знания. Русская этическая мысль вращается вокруг русского наследия, в котором осуществляется поиск ответа на вопрос: исчезла этика, как философская дисциплина, или нет? Не сменилась этика прикладной этикой, которая не нуждается в научной трактовке этических проблем. Современные российские теоретики наблюдают проблему нестыковки практической и теоретической этики. Никто не обращается за помощью к теоретикам. Самодостаточность профессиональной этики опирается на

примитивные принципы и нормы поведения, которые имеют правовую поддержку. Жизнь обрела другие темпы и ритмы, которые не позволяют медитировать над глубинами этического духа.

Большую популярность сегодня обретает философия поступка М.М. Бахтина. Попытка сблизить теоретическую и практическую этику в его творчестве реализуется в сближении двух миров: теоретического и эмпирического. Ценностью становится сам поступок, который стягивает смысловое и деятельностное поле и превращается в событие жизни, как норму по-вседневности. Критика И. Канта, с одной стороны, и критика К. Маркса, с другой обретает новое решение в его творчестве. Теоретизм И. Канта заключается в сведении морали к долженствованию, в то время как практическая философия К. Маркса приводит к производству поступков без «идеи в голове». Деятельность теряет смысл у К. Маркса, а доводы разума у И. Канта не обретают практическую, т.е. конкретную индивидуальную деятельность, оставаясь на уровне метафизики.

Этические корни Запада и России имеют разную почву. Нравственная философия М.М. Бахтина опирается на опыт русской мысли, которая рассматривает деятельность Христа как событие, после которого никто не сможет остаться равнодушным, т.к. мир делится на «до» и «после». Невозможно жить по-другому, когда кто-то за тебя умер. Индивидуализация поступка сопряжена с принятием решения, которое никто не может за тебя принять. Всеобщее обретает индивидуальный характер. Западная мысль пошла по пути правового понимания морали, ее отождествления с законами правового государства. Гегель Г.В.Ф. ставит государство во главу морали, умаляя индивидуальный поступок, вернее, отождествляет мораль и право.

Современный русский мир нащупывает свое наследие, свои корни в активной социальной деятельности и определяет мораль, опираясь на интуицию, рождающуюся в недрах индивидуально воспринятой русской культуры Гибель на автодорогах, очень хорошо отражает русскую пословицу: «Какой русский не любит быстрой езды!». Здесь отсутствует здравый смысл, но присутствует генерализирующая жизнедеятельность идея свободы, не определяющаяся через принцип познанной необходимости, который был сформулирован Б. Спинозой: «Свобода есть познанная необходимость». Здесь осуществляется свобода вопреки необходимости. Она определяется духом, который ничем не детерминирован, кроме самого себя. Мораль надприродна и надсоциальна одновременно, она имеет метафизические корни в российской повседневности.

Карчагин Евгений Владимирович
Доктор философских наук, профессор
Волгоградский государственный технический университет

ИСТОРИЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «ПРАВО НА ГОРОД»

РФФИ №16-33-01133-ОГН «Право на город в современной России: социогуманитарное исследование городской справедливости на примере контроверз в системе общественного транспорта»

История концептуализации понятия «право на город» может быть прослежена в двух направлениях. Во-первых, его становление в рамках мысли и творчества А.Лефевра (1901-1991), французского философа неомарксиста, показывающее биографические и идейные источники его текстов о праве на город. Во-вторых, дальнейшая судьба этого понятия в академическом и публичном (политическом) мирах после 1967 года.

Идеи Лефевра о праве на город сыграли важную роль в Парижских событиях мая 1968 года. Впервые Лефевр написал о праве на город в своей статье «Право на город», напечатанной в журнале «Человек и общество» в 1967 году, затем ставшей одной из глав уже одноименной книги, которая в свою очередь вышла в свет в начале 1968 года. Пра-

во на город определяется как: «право на городскую жизнь, преобразованную и модернизированную» [2, p.107-108]; «высшая форма прав: право на свободу, индивидуализацию в социализации, местообитание и обитание. В праве на город подразумеваются право на произведение (в партиципаторной активности) и право на присвоение (отличное от права на собственность)» [2, p.125].

Книга «Право на город» (1968) примыкает к целому ряду текстов Лефевра по городской проблематике: «Провозглашение Коммуны» (1965), «От сельского к городскому» (1970), «Городская революция» (1970), и «Марксистская мысль и город» (1972). Все эти книги послужили плацдармом для написания одной из лучших и самых сильных книг как Лефевра, так и социальной теории XX века: «Производство пространства» (1974).

Рецепция концепта права на город и сопутствующих его идей не выглядит совершенно однозначной. Э. Соуджа верно подмечает, что: «Во многих случаях понятие права на город, кажется, есть не более чем просто иной способ говорить о правах человека в целом или лишь общая ссылка на необходимость более демократических форм планирования и государственной политики. По большей части, … радикальные политические цели сводятся к смягченному либеральному эгалитаризму или нормативным банальностям» [3, p.107].

Концепт «право на город» по сути стал знаменем в борьбе с неолиберализмом в городском пространстве. В 2005 г. создана «Мировая Хартия о праве на город» (World Charter for the Right to the City). В 2007 г. в Лос-Анджелесе создан альянс «Right to the City Alliance». Попытки внедрения этого понятия в городские практики имеют довольно широкую географию: от Латинской Америки до России. Так, И.Р. Медведев пытается использовать идеи Лефевра в целях переосмысления существующей практики московских судов, в частности обращая внимание на комплекс прав, составляющий право на город по российскому законодательству (право на благоприятную окружающую среду, на участие в публичных слушаниях, на информацию и пр.) [1, с.181-195]. Будучи довольно широко и смутно определенным в работах Лефевра, судьба «права на город» оказалась на пересечении двух тенденций, во-первых, творческого использования в конкретных социальных движениях, политических программах, включая активизм социальных теоретиков. Во-вторых, тенденция пристального критического анализа в академической сфере. Некоторые образцы такой критики довольно жестко оценивают концепт права на город и прямо заявляют о его непроработанности.

Литература

1. Медведев И.Р. Право на город // Закон. 2015. №6. С.181-195.
2. Lefebvre H. Le Droit à la ville, Paris, 2009.
3. Soja E.W. Seeking Spatial Justice. Minneapolis, 2010.

Касавин Илья Теодорович
Доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН
Институт философии РАН

КАК ВОЗМОЖНА ЭТИКА НАУКИ? ЧЕСТНОСТЬ, ЦЕЛОСТНОСТЬ И ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО

Зачем говорить об этике науки, почему нельзя ограничиться правовым регулированием? Иными словами, как возможна этика науки? Три источника ответа: эволюция философской этики; историко-антропологический анализ нормативного регулирования; развитие философии науки и науковедения.

Возможность этики науки предполагает ответ на вопрос, как возможна этика вообще. И. Кант отвечал на последний бескомпромиссно, используя понятия универсального закона, приоритета цели над средством, долга над склонностью, собственного разума над

общественным мнением. Эпистемический критерий (правдивость) является безусловным. Для Канта этика возможна только и если только сфера априорного всеобщего и необходимого знания обладает способностью направлять человеческие действия в мысли и действительности. Моральность – это интериоризированная социальность, а отступления от морали – эгоистическая субъективность. Поэтому этика Канта остается философской, абстрактной этикой, которая не имеет эмпирического применения.

С развитием психологии и социологии философы вынуждены были признать, что ложь, обман, манипуляция, аморальное, девиантное поведение есть не просто массовое эмпирическое явление, но и такой же влиятельный архетип, как истина и моральный долг. Они конкурируют в человеке не только в силу его дурной субъективности, но и в силу экзистенциальных рисков, неизбежной социальной несправедливости, фундаментальной фрагментации и поляризации общества. Невозможно отгородиться внешним забором от зла: граница между злом и добром проходит по самому сердцу человека. Жить морально рядом с аморализмом, находить компромисс добра и зла – вот категорический императив неклассической этики, претендующей на эмпирическую релевантность. На этом пути приходится пересматривать антиномии априорного и апостериорного, объективного и субъективного, личного и социального.

Исторический ответ на вопрос о возможности этики дает прослеживание дифференциации мононормы – синкретической формы мифического сознания и универсального способа социальной регуляции, возникшей вместе с человеком. Эта дифференциация объясняет генезис других способов нормативной регуляции – религии, права, морали – в процессе формирования социальных структур и потребностей личности. Главное направление дифференциации – разделение формальных и неформальных способов деятельности и общения. Критерий разделения – степень риска: рискованная деятельность подлежит формализации, и для этих целей изобретается специальный способ регуляции. Рискованные, т.е. нестандартные ситуации предполагают особую сакральную онтологию, высокий статус которой выражается в строгой регламентации и санкциях (ритуал, в перспективе – писаное право). Низкорисковые, стандартные ситуации с профанной онтологией остаются в сфере неформальной (обычной, квазиморальной) регуляции. В науке (и искусстве) велико значение неформального общения, поскольку творчество, несмотря на высокую степень сакрализации, является базисным проявлением человеческой свободы и не поддается формализации . Одновременно современная наука утрачивает сакральность, а рискованность честной творческой деятельности остается весьма высокой. Поэтому в науке как коллективной деятельности предпринимаются попытки формализации неформального, создание этоса науки по типу Мертоновского (этика науки, эпистемология добродетелей и пр.).

Детальное правовое регулирование науки отсутствует в большинстве стран. Там, где оно присутствует, оно, скорее, сдерживает развитие научных исследований. В отличие от права, этос науки выступает не столько как свод практических предписаний или запретов, сколько как «моральный зонтик» или Дамоклов меч: соблюдение общих требований этоса есть гарант добросовестности и позволяет меньше заботиться о следовании формальному праву.

Проблематика неклассической этики науки возникает сначала в рамках «второй волны» science studies (переход от четерыхкомпонентного этоса науки Р. Мертона к девяти амбивалентным парам). Затем она воспроизводится как «третья волна» - практическая философия науки, в которой культивируются «зоны обмена» (П. Галисон), возникает «интерактивная экспертиза» (Г. Коллинз), а гуманитарная экспертиза становится неотъемлемым элементом научно-технического проекта (Б.Г. Юдин).

Virtue epistemology как попытка аналитической социальной эпистемологии «встать из кресла» . Введение понятия «эпистемологических добродетелей» имело своей целью анализ эпистемических нормы и их критику, в первую очередь, понятия интеллектуальной честности (intellectual honesty) и целостности (integrity). Было показано, что рациональные аргументы в пользу осуждения плохой практики в науке недостаточны. Санкции за плохую практику не дают однозначного практического эффекта, поскольку плохая практика весьма выгодна для посредственных ученых.

Итак, в рамках этики науки на свой лад воспроизводится Кантовская проблема преодоления «гильотины Юма» или эмпирической применимости априорного морального закона. Можно заключить, что в целом аргументы против плохой практики не являются утилитаристскими и направлены не столько против конкретных нарушителей, сколько на утверждение морального супер-эго. Они служат самосознанию хороших ученых, убеждая их в возможности сохранения научной солидарности и, тем самым, морально-эпистемической автономии науки.

Киняев Роберт Сергеевич
Студент, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

АКТУАЛЬНОСТЬ ЭТИКИ АНАРХИЗМА В СОВРЕМЕННОСТИ

В данной работе будет представлена попытка рассмотрения этической системы анархизма в возможности её современного применения.

Как представляется, целью этики является создание таких условий, чтобы индивиды импульсивно, а не рационально совершали поступки, приводящие к благосостоянию общества в целом и наибольшему счастью каждого в отдельности [1; с.41].

Этому мешает укоренившаяся в современном моральном сознании идея о «сострадании из жалости», которая ведёт к легитимации неравенства. В конечном счёте, неравенство возводиться в принцип, и альтруистические «благодеяния» производятся только в отношении самых бедных и стоящих на самой низкой социальной ступени, и ещё при условии, что всё так и останется.

Чтобы избежать распространения неравенства в обществе, следует стремиться к развитию внутреннего нравственного начала личности, в противовес чрезмерному внешнему регулированию поведения людей, через универсалистские моральные системы, что приводит в итоге к деградации субъективной морали.

Таким образом, главным условием развития морального сознания в обществе, является ослабление всякого вида законодательного регулирования морального поведения людей, которое должно потерять свою предписывающую функцию, сохранив лишь функцию негативного регулирования. Одно основное условие должно быть выполнено всякой современной теорией нравственности. Она не должна сковывать самодеятельности личности даже ради блага общества или индивида.

Люди, чувствуя себя частью общества и понимая зависимость своего благосостояния от благосостояния всего общества, со временем формируют привычку поступать в интересах общества даже в тех случаях, где вынуждены ради этого отказывать себе в некоторого рода удовольствиях [1; с.44].

«Таким образом, – общественные отношений, которые человек должен был выработать уже на очень ранней ступени развития – вероятно, уже у своих обезьяноподобных предков, – ещё и теперь служат причиной для некоторых его личных поступков» [2; с.352]. Первоисточник нравственности лежит в общительности, и в индивидуальной моральной системе каждой отдельной личности, направленной на стремление к добру и борьбу со злом, где то, что полезно обществу – добро. Вредно обществу – зло.

Но отношения к соседям из другой общности, если не была образованна федерация, являются совсем иными, чем внутри одной общности. Можно заметить, что зачастую такая ситуация складывается с возникновением каких либо общественных институтов внутри каждой отдельной общности, которые стремятся изменить общий «естественный» нравственный порядок установившийся в общности, путём закрепления каких то внешних, по отношению к индивиду, норм и законов ограничивающих его самостоятельность в определении своей внутренней нравственности. Причём в форме законов, такие нормы, как правило, противостоят изменениям путём естественного развития общественной внутренней нравственности. К тому же, две различных общности людей, с различными законодательными институтами не могут найти компромисса и не позволяют естественным путём, благодаря например близкому соседству этих общностей выработать общую (схожую) для них мораль [3; с.340].

Литература

1. Кропоткин П. А. Избранные труды. М.: «Политиздат», 1991.
2. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. М.: «Терра», 2010.
3. Болтански Л. Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: «Новое литературное обозрение», 2013.

Кислов Алексей Геннадьевич
Кандидат философских наук, доцент
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АРХИТЕКТУРА АКСИОМАТИЧЕСКИХ, НОРМАТИВНЫХ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СИСТЕМ: КРИТЕРИИ СООТВЕТСТВИЯ

Аксиоматические системы [1] (теории) в стандартном представлении строятся следующим образом: (E) содержательная часть, т. е. аксиомы, представляющие знания о некоторой предметной области, и (L) логическая часть, состоящая из аксиом и/или правил вывода определенной логики. Аналогичные компоненты – (E) базу знаний и (L) механизм вывода решений – содержат и интеллектуальные системы, программные (компьютерные) системы, предназначенные для моделирования и поддержки принятия решений («...способные не столько имитировать деятельность квалифицированного эксперта, сколько усиливать (в процессе взаимодействия человек + система) интеллектуальные возможности человека (эксперта)») [2]. Аналогия, несмотря на привычную «хромоту», поддерживается, кроме всего прочего, еще и тем, что в обоих случаях за L компонентой традиционно закрепляется лишь дедуктивная функция – обеспечивать структуру рассуждений, соответствующих отношению логического следования. Интересующая нас эвристическая функция, отвечающая за трансформацию, развитие системы, закрепляется исключительно за E-компонентой соответствующих систем. Определенного рода интригу создает привлечение к обсуждению понятия нормативной системы, обеспечивающей в качестве своих следствий связь случая с решением (нормативное следствие) [3]. Наша задача – критически взглянуть на традиционное распределение функций между E- и L-компонентами как в структуре аксиоматических теорий, так и в архитектуре интеллектуальных систем и, в связи с этим, обсудить статус нормативной компоненты: является ли она всего лишь версией E-компоненты, заменяет ли она собой L-компоненту в автономном режиме (нормативные следствия – особый вид следствий), имеет ли нормативная система синтетический характер.

Литература

1. Смальян Р. Теория формальных систем. М., 1981.
2. Гергей Т., Финн В. К. Об интеллектуальных системах // Финн В. К. Интеллектуальные системы и общество. М., 2001. С. 45.

3. Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В. Нормативные системы // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм. СПб., 2013. С. 90-94.

Климович Анна Игоревна
Кандидат философских наук, доцент
Белорусский государственный медицинский университет

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ РЕЛИГИОЗНОЙ БИОЭТИКИ

Проблемное поле биоэтики долгое время было ареной борьбы между представителями консервативного и либерального направлений. Первоначально биомедицинская этика ощущала тесную связь с системой христианской аксиологии, но начиная с 1960 г. последняя начинает сдавать свои позиции. Примером этому может служить биография известного американского мыслителя, считающегося одним из основателей современной биоэтики – Джозефа Флетчера, автора работы «Медицина и мораль» (1954), ставшей по сути одной из первых попыток критического осмысления феномена развития биоэтики в послевоенный период. Начиная свой путь с вопроса о том, как максимизировать христианскую добродетель любви в биоэтике, к 1980 г. он становится атеистом, поддерживающим идеи эвтаназии, ненасильственной стерилизации, евгенических программ, репродуктивного клонирования. Схожим образом складывается и судьба другого пионера этой области – Дэниэлла Каллахана. В 1990 г. в The Hastings Report выходит его программная статья «Религия и секуляризация биоэтики», в которой автор, сравнивая собственный творческий путь и эволюцию биоэтики, приходит к выводу, что атеизм и секуляризация закономерный итог развития данной области. Здесь же автор утверждает, что изгнание религии из биоэтики содействует лишь внутреннему обогащению последней. Каллахан также отмечает, что этика должна выстраивать систему идей на рациональном обосновании, а не на вере в иррациональное. Казалось бы, конец религиозной биоэтики был предречен и не вызывал сомнения.

Ситуация полностью меняется в начале XX века. Сегодня мы наблюдаем процесс возрождения и усиления идей консервативной этики, фундированной именно христианской системой ценностей. Во многом это связано с появлением новых авторов на постсоветском пространстве, отчетливо отделяющих себя от традиции западной биоэтики. Они ставят в упрек представителям западного течения отход от ценностей биоцентризма и замену аксиологической составляющей формализованным списком правил поведения в данной сфере, по сути сводя этику к этикету. Раздаются подобные упреки и среди западных интеллектуалов. Так Джозеф Тэм в работе «Секуляризация биоэтики» отмечает, что выбор теории биоэтических принципов Бичампа и Чилдреса, равно как и другие теории современной секуляризированной биоэтики (неоказуистика, этика согласия, контекстуальная этика) отвергают любые моральные запреты, базируя свои идеи на основании утилитаризма и прагматизма.

Таким образом, очевидно, что религиозное направление биоэтики имеет потенциал, способный помочь разрешению кризиса современного этического знания. В связи с этим встает вопрос – на каком основании религиозная биоэтика способна, если способна, построить собственную методологию? Возможным ответом на данный вопрос является концепция Дж.М. Густафсона. Беря за основу метод выделения идеального типа М. Вебера, Густафсон рассматривает три основных подхода, возможных в религиозной биоэтике. Каждый из них имеет свой специфический язык, являющийся, по сути, возможностью уступки либо сопротивления ценностям либеральной этики. Первый из них – автономный идеальный тип, тесно связанный с понятием искупления, как правило, он ориентирован на традиционные религиозные ценности и моральные нормы, такой вид этики выступает против либерального космополитизма и строго придерживается

теологического языка. Данный тип характерен для православия и некоторых ветвей протестантизма. Второй – преемственный идеальный тип пытается совместить религиозную моральность с этикой нерелигиозного толка, он отличается большей толерантностью, более характерен для западного типа культуры. Ярким примером такого типа является творческое наследие Фомы Аквинского. Одновременно, представители этого направления рассматривают веру в качестве необходимой структуры человеческой личности. Третий идеальный тип – диалектический, здесь происходит взаимопроникновение религиозного и светского языков, первый здесь теряет свою основу.

Колесников Илья Дмитриевич
Аспирант, 3 курс, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

«СРЕДИННЫЙ ПУТЬ» ФЕОГНИДА (АРЕТЕ ВНЕ ПОСТУПКА)

Гомер обрисовал два жизненных пути и их непреодолимое расхождение. Первый – путь Ахилла, стоящего перед выбором: погибнуть и прославиться навеки, или же вернуться живым в родную Фтию, но без славы того, кто всех превзошёл в воинской доблести. Второй – путь Одиссея, чьи действия сообразуются с обстоятельствами. Гомер не отдавал предпочтение одному из них: в военное время описывается доблесть первого, после войны – многоопытность второго (πολύτροπον). Ахилл и Одиссей являются носителями героической арете (одним этим словом древние именовали доблесть и совершенство). Нет выбора как такового, стать ли подобным Ахиллу или Одиссею – это разные этосы, разные судьбы. Спор за арете продолжался, на этот раз на путь Одиссея должен был вступить Феогнид Мегарский. Путь Одиссея отличал не одного только Феогнида: время от времени он становился уделом для целого слоя людей. По крайней мере, наставления Феогнида не являются чем-то исключительным: у Афинея (XII, 7) наряду с Феогнидом приводятся слова Пиндара и Софокла. Пиндар, фр. 43: «...Сын мой, / Да будет ум твой – как кожа твари из-под скал морских: / Так и разговаривай с людом всех городов. / Охотною похвалою вторь собеседнику, / Думай нынче так, а нынче иначе...». Также Афиней цитирует фрагмент из Софокловой «Ифигении» (фр. 286): «Как осьминог меняет цвет под цвет скалы, / Так ты меняй свой ум по собеседнику». Феогнид оказывается в таких условиях, когда быть видимым становится опасно, ему приходится скрывать свой образ мысли и свою аретэ, принимая видимость такой жизни, которая не противоречит этим условиям. Феогнид призывает держаться срединного пути (μέση ὁδὸς): чтобы сохранить доблесть (арете) в плохие времена, её нужно скрыть, быть «поворотливым и многоликим». Феогнид призывал не к внешнему героическому поступку, поскольку в тех условиях это стало бы поводом к гибели арете, а к сохранению арете.

Комлев Алексей Евгеньевич
Кандидат философских наук, доцент
Тимирчев Илья Константинович
Студент, 4 курс
Саратовская государственная юридическая академия

ВЛАСТЬ КАК РЕАЛЬНОСТЬ:
КОНТЕКСТ РЕЛИГИОЗНО-ТРАДИЦИОННОГО ВОСПРИЯТИЯ МИРА

Конструирование социального мира есть продукт противоречий оппозиций в мировосприятии личности. Такие противоречия возникают в следствии редукционного осознания действий акторов в состоянии порядка.

Как отмечают в своих работах исследователи структуралисты и постструктуралисты, конституционное состояние порядка в реальности не имеет практических оснований. Подчеркивая нереальность состояния социальной реальности, перед исследователями в

начале XXI века был заново поставлен вопрос об имманентных основаниях функционирования общества и власти.

Власть в конечном состоянии политического является моделью воспроизведения в социуме совокупности ценностей, которые имеют мифическую, религиозную природу. Сама ценность власти в иерархическом и архаическом виде находит бессознательную платформу в форме когерентной символизации ценности знания как доступа к авторитету. Иными словами, структура власти основана на феномене ритуального освещения человека как «человека легитимного», обладающего сакральным знанием для предводительства в среде равных ему.

Структуралистский, социологический анализ власти как дискурса интерпретируем фрейдистской трактовкой древнегреческого мифа о Прометее, аллегорическая и религиозная суть которого в формальном табу на «священный огонь» знаний в среде Богов, т.е. в среде акторов, единственных и избранных, имеющих право на власть. В данном мифе особенно характерно, что символическая сущность знания отражает структуру иерархии, в условиях которой право на лидерство имеет тот, кто обладает «священным огнем» как правом задавать социальное направление.

Трактовка данной аллегории наводит нас на гипотезу о том, что в основе власти лежит факт конструирования личности как бессознательного актора и связанный с этим фактом «первобытный страх» к «миру вне пещеры», который был впервые раскрыт в философии Платона. Механизм действия такого страха начинает формироваться в повседневном, бессознательном недоверии человека по отношению к неизвестному и новому. Производя различные акты социальных действий, человек должен получать перманентные коды в форме знаний о мире и его объектах, что является залогом доступа к «выходу из пещерного состояния» по отношению к собственному сознанию.

Двигаясь по экспоненте, количество знаний о мире каждого, отдельного актора растет, что способствует повышению уровня социального доверия и веры к «себе подобным», снижает аффект бессознательного страха, что конечном счете, позволяет делегировать власть и приводить её в легитимное состояние. Аффект страха перестает быть вписанным в реальность человека, а сам страх, с точки зрения социальной психологии, превращается в рудимент инстинкта самосохранения и проявляется в моменты близости кризиса легитимности. В свою очередь, легитимность и лидерство становится возможным лишь в том случае, если претендующий на право конструирования социального мира способен создавать реальность, отвечая социуму на имеющиеся вопросы путем воспроизводства дискурсивных оппозиций. Таким фактом, передача власти осуществляется по символическому праву «ответа мудреца на вопросы», к которому, как отмечал Платон, способен «философ на троне».

Таким образом, состояние власти и порядка в социальном мире становится возможным только в результате редукционного восприятия человеком воображаемого, социального мира. Такой порядок основан на крайне религиозном мифе о бессознательном страхе личности перед миром «по ту сторону пещеры», мостом по выходу из которой является легитимное знание о реальности как о невраждебной среде. Исходя из этого, актору, который получает право обладать, открывать, устанавливать и определять знание, делегируются полномочия в сфере создания социального доверия и веры, необходимого для перехода в состояние осознания социального порядка как нормального, вписанного в структуру здравого смысла явления.

Кондратенко Константин Сергеевич
Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ: ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

Этическое наполнение философских понятий в русском языке связано, в первую очередь, с грецизацией русского языка и введением в русскую культуру церковнославянской терминологии. Ряд индоевропейских понятий изначально не несли в себе этического содержания, которое сегодня вкладывается в такие понятия, как «истина», «разум», «творение», «опыт» и др. Незначительные морфемные изменения, которые произвели над этими понятиями Кирилл и Мефодий, связаны либо с изменением ударения слов или удлинением корневых гласных; эти изменения оказались необходимыми для существенного семантического и, вместе с тем, этического обогащения философской терминологии русского лексикона. Понятие «истина» приобрело значение «подлинного, настоящего» в отличие от ложного и неподлинного, «разум» приобрел смысл «благодатной способности разделять добро и зло», «творение» – «сотворенного Богом» и потому также сакрального и требующего к себе морального отношения, «опыт» – в том числе, «очистки души» в результате страданий. Вероятно, именно этический смысл данных понятий вызвал борьбу за сохранение исконно русского лексикона в XVII-XVIII вв. во время начала обогащения русского языка европейской философской терминологией. Так, например, в логическом лексиконе появились понятия «импликация», дизъюнкция», «предикат», «модус» и др. Однако базовые логические понятия все же остались «отвоеванными» – «понятие», «суждение», «умозаключение», несущие в себе именно этический аспект. Так, например, слово «понятие» обозначало на Руси «взятие в плен» (от «нятие» – «плен»). Вероятно, это слово в качестве научного было введено либо учеными монахами, либо профессурой первых высших учебных заведений и использовалось для обозначения духовного обогащения человека. «Суждение» происходит от слова «суд», «судилище» и имеет смысл «приговора суда», в том числе, Страшного суда, на котором и происходит процесс окончательного разделения добра от зла. «Умозаключение» – от слова «ключ», «заключить», т.е. взять под арест и посадить в темницу; умозаключение, тем самым, в этическом смысле обозначало приговор разума над явлениями внешнего мира, в первую очередь, их с точки зрения нравственности и богоугодности. Тем не менее, европейские понятия «концепт», «пропозиция» и «силлогизм» (который вошел в русский научный лексикон немногим позднее, чем «умозаключение», поскольку силлогизм является лишь одним из видов умозаключений), пришедшие, по всей видимости, из французского языка, также вошли в философскую терминологию и употребляются обычно в том случае, когда ученый хочет полностью в своей мысли изгнать метафизические смыслы и рассмотреть изучаемые явления с позитивистской точки зрения, редуцирующей этические аспекты философских понятий.

Королёва Влада Владимировна
Магистрант, 1 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА СЕКСИЗМА И РАСИЗМА В КИТАЙСКОЙ РЕКЛАМЕ

В последние несколько лет в мировом сообществе произошло несколько крупных скандалов на почве китайской рекламы, причем как непосредственно рекламы осуществляемой китайскими компаниями, так и рекламы иностранных транснациональных брендов в Китае. Все эти скандалы были связаны с тем, что рекламодатели, с точки зрения мировой общественности, переходили грань между «смешным» и «запретным». Особенно остро эта проблема наблюдается в областях сексизма и расизма. Для изучения данных

областей автор доклада обращался не только к современности, но и к тому, как проблемы сексизма и расизма развивалась на протяжении истории китайской рекламы (в данном случае имеется в виду период времени, когда мы можем говорить о формировании понятия «реклама», отвечающего определению рекламы данному С. Мориарти и Дж. Барнеттом). Кроме того, в случае с изучением рекламных образцов западных компаний, автор не ограничивался только лишь китайским рынком, но и изучал рекламу данных компаний в Европе в аналогичный период времени, для формирования более полной картины о том, используется ли это исключительно как прием адаптации рекламы в Китае или является последовательной политикой компании.

В ходе подготовки доклада было проведено социологическое исследование среди группы китайцев для того, чтобы сделать вывод о том, как сюжеты, вызвавшие наиболее крупные международные скандалы, воспринимаются самими китайцами и считают ли они их сексисткими, расистскими и оскорбительными. Данное исследование показало, что подобная реклама воспринимается китайцами положительно, а не негативно, в отличии от реакции европейских потребителей и экспатов, живущих в Китае.

Изучение материала, использованного при подготовке данного доклада (статьи, комментарии представителей «оскандалившихся» копаний, социологический опрос) выявило, что прежде всего эта проблема вызвана не желанием рекламодателей сознательно оскорбить какую-либо категорию граждан, а разностью в менталитете Китая и Запада. Китайские рекламодатели не находят сюжеты, вызывающие данные скандалы оскорбительными, а считают их юмористическими и отражающими настроения общества. Западные же компании, хотя и понимают, что данные рекламные образцы носят оскорбительный характер и нарушают их айдентику, в погоне за лояльностью огромного числа потребителей готовы закрывать глаза на обвинения, нарушая общепринятые (и юридически закрепленные на западе) этические нормы на китайском рынке.

Таким образом, на основе анализа китайской рекламы можно сделать вывод не только о том, что на восприятие и создание рекламы влияет этнопсихология жителей того или иного региона, но и о том, что несмотря на унифицирующую глобализацию, в мире сохраняется многообразие культур и культурная идентичность отдельных регионов.

Для проведения данного исследования был изучены ряд визуальных образцов китайской рекламы, статьи, новостные видеосюжеты, высказывания экспертов, а также статьи и книги посвященные этнопсихологии Китайцев. В частности книги Н.А. Спешнева «Китайцы: особенности национальной психологии» и Бо Яна «Эти отвратительные китайцы».

Костина Ольга Викторовна
Доктор философских наук, профессор
Жуков Дмитрий Александрович
Студент, 3 курс
Саратовская государственная юридическая академия

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ КАК МОЛЧАНИЕ

Рассказ Кафки «Молчание сирен» повествует, как известно, о судьбе Одиссея, которому предстояло проплыть мимо сладкозвучных сирен, ставших смертельным препятствием на пути мореходов. Важным здесь является в духе кафкианского мира всевозможных сдвигов и переворачиваний молчание сирен, несравненно более значимое, чем пение, от которого, наверняка, нет спасения. В. Беньямин называет Одиссея учителем Кафки в том смысле, что тот дает образец не столько терпеливого перенесения трагического, сколько его подрыва и обхода. Так может действовать ребенок, не зная об истинной опасности или догадываясь, но сразу забывая об этом.

Что означало это молчание? Страшный вызов мира, когда все твои действия, откликаясь на ложный зов судьбы оказываются несостоятельными, непригодными, недейственными. Что же следует делать, чтобы уберечься от опасности, согласно Одиссею? Это путь решительного поворота, и потом – вычеркивания, забвения как применение высшего вида исчезновения из сознания. Как раз тогда, когда сирены были совсем близко, они были не страшны Одиссею, поскольку он выбрал свой собственный путь дали, просто вычеркнув их из границ собственного сознания. «Может быть, он, хотя человеческим умом этого не понять, действительно заметил, что сирены молчали, и только до некоторой степени корил их и богов за то мнимое пение», – пишет Кафка.

Итак, поющие сирены молчат-бездействуют, пытаясь очаровать героя, а претерпевающие герои побеждают, направляя свой взор вдаль. В мире, где все перевернуто, где компрометируется сама сущность, разливается по миру бесконечная усталость и бессилие, спасение приходит от ребяческих, недостаточных средств.

Фигура молчания как территория экзистенциального есть территория действия высших сил и смыслов. Мы молчим, когда желаем вернуть себе себя самого. Язык, как и молчание, связан с бездной человеческой свободы от сократовского демона до кьеркегоровского Авраама. «Картонно – коробочное» мышление, усталость от бесконечного потока слов, где забалтывается и искажается сама суть происходящего, вялость и невнятность душевной жизни требуют индивидуального, частного, решительного жеста Одиссея перед механическим проигрыванием и разглашением всего и вся (В. Бибихин).

Не случайно французский философ Ги Дебор называет современное общество «обществом спектакля». Смысл данного понятия можно рассматривать широко, но основная мысль как раз состоит в том, что человек потерял способность критического мышления, «улегченность» жизни им воспринимается как зрелище, спектакль, игра. Отсюда и возникает ощущение тотальной потерянности в волнах холодного официоза и пафосной громкости современной культуры, где мало места живому, частному, осмысленному, отрефлексированному присутствию. Если проводить параллель между творчеством Кафки и мыслью Ги Дебора, то в современном обществе как раз не хватает той способности, что была доступна Одиссею – избежать всеобщего соблазна решительным поворотом к себе, возможностью дали, а не близости, радостью можествования и простора, а не бессилием сгорбленных фигур и привязанных к телу крыльев. В этом смысле общество спектакля – псевдо-мир, живущий движением неживого и требующий пассивного приятия, где человек никогда не чувствует себя дома. Отсюда – теснота, трясина болотной первобытности и усталость от всего. Сирены продолжают молчать… В этом смысле общество потеряло своих «одиссеев», прислушиваясь к очаровывающему пению жестоких сирен, ведущих человека к духовно – нравственной гибели.

Кочнев Владимир Спартакович
Магистрант, 2 курс, Кубанский государственный университет

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОНТОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ, ПРАВА И ПОЛИТИКИ

Соединяя разрозненные фрагменты знания, присущего феномену ценности, формируется следующая интегральная модель: сознание и чувственная плоскость рождают человеческую волю. От неё производны потребности, которые в свою очередь двигают волю к познанию вещей. Таким образом, возникает благо, и, если оно обладает свойством полезности, известно и применяемо, то последнее наделяется ценностью.

Открывая ценность вещи, субъект становится на дорогу, ведущую к этой ценности, но проходящую через Terra Incognita, поэтому ему неведомо время прохождения маршрута. Продвижение к одним ценностям приводит к открытию других – так происходит

становление и расширение культуры, как суммы ценностей и отношений к ним со стороны оценивающих индивидов. Как было отмечено ранее, каждый субъект наделён необходимыми для открытия ценностей параметрами, однако, начиная с рождения, он заимствует уже открытые его культурным сообществом ценности.

Со временем количество ценностей становится необъятным, их внутренняя и внешняя дистанции растут, и они начинают приобретать противоречивый характер. Поэтому культурными сообществами формируются нормы, составляющие план функционирования культуры, который является основой для системы отношения к ценностям. С этого момента рождаются правотворчество и политика, а в последующем – государственность, суверенитет, нация, идеология. Отныне культурная общность объявляется самостоятельным субъектом, обладающим коллективной волей, направленной к ценностям.

В этой связи человек не просто заимствует открытые ценности, он, посредством социализации, получает от культурной общности-домена систему координат, которая распределяет его отношения к ценностям, и тем самым формирует идентичность. В связи с оказывающей влияние на индивида деятельностью семьи, школы, университета, СМИ, и других социальных институтов, на протяжении всего жизненного цикла, в особенности в зрелом возрасте, достаточно трудно избавиться от воздействия культурной общности на определение отношения к ценностям. Существенно отклонившиеся от ценностной системы координат, которая сформировалась в конкретной культурной общности, признаются девиантными субъектами, чье отношение к ценностям может приобретать мирные (ученые, деятели искусств), но в то же время и радикальные формы, доходя до нигилизма и преступности.

Современный мир характеризуется тем, что большинству людей и стран мира открыты те же ценности, что и всем. Не существует индивидуальных ценностей, так же, как и не существует «своих» или «других, чем у них» – они интерсубъективны, разнится отношение к ним. Если мы не станем рассматривать отношения отдельных индивидов и стран к ценностям, то отменим политику как явление, потому что она зиждется на процессе соприкосновения и взаимодействия культурных общностей, обладающих различными, а порой антагонистическими системами отношений к ценностям. Поэтому политическое обязано ценностному миру, и дабы его постичь, нам необходимо обратиться к проблеме расположения субъектов и культурных общностей, как суммы субъектов, относительно общеизвестных ценностей, которые являют собой для всех народов мира абстракцию. Данный тезис даёт нам право говорить о субъекте, как о «человеке оценивающем». Вместе с тем, отмеченная выше позиция актуализирует проблему кодификации благ и производных от них ценностей в единую универсальную систему.

Крайнова Евгения Александровна
Студент, 4 курс
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ РАБОТЫ С СОТРУДНИКАМИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИИ ЭТИЧЕСКОГО КОДЕКСА

Этическая культура организации зачастую формируется без должного руководства, а значит, вбирает в себя элементы, которые затрудняют эффективную работу сотрудников и приводят к возникновению трудностей в рабочем процессе организации. Решение многих проблем можно найти, уделив внимание ценностям, принципам и нормам, заложенным в культуре организации.

Важными результатами работы с ценностями организации являются: укрепление моральной основы поступков людей, изменение моделей их поведения, формирование доверия к организации со стороны заинтересованных лиц.

Этические кодексы, как одна из составляющих этической программы организации, поддерживают ее этические ценности, которые выражаются в целях, бизнес модели, стратегии, манере управления, моделях взаимодействия сотрудников, этической политике. Проектирование этического кодекса один из самых распространенных способов трансформации этических ценностей в российских организациях. Такой способ благотворного влияния на корпоративную культуру имеет несколько проблемных моментов: не всегда то, что подразумевают под «этическим кодексом», на самом деле является им, часто происходит подмена морально-этического содержания кодекса административными, этикетными нормами поведения; этический кодекс должен состоять из конкретных, применимых на практике норм и принципов; важно выбрать правильный подход к процессу формированию норм и принципов этического кодекса. Первый подход к формированию положений этического кодекса – «сверху». Данный способ предполагает составление этического кодекса в форме императива, что в результате не приводит к желаемому результату. Второй подход к формированию положений – «снизу». Предполагает формирование этического кодекса путем активного включения в этот процесс работников организации, что способствует повышению его результативности.

Кроме проектирования этического кодекса, для трансформации этических ценностей в организации специалист по этике может использовать целый комплекс методов по работе с сотрудниками организации.

Во-первых, метод игры. Данный метод помогает расширить ролевые модели сотрудников; создать ситуацию конфликта, соперничества, поиска лучшего решения поставленной задачи; заменяет привычные установленные руководством рамки на те, что диктуются добровольно принятыми условиями в начале игры; процесс игры не воспринимается сотрудниками как тяжелый рутинный труд, а свобода воображения помогает находить нестандартные решения. Применяя метод игры, который предполагает рассмотрение участников игры как «субъектов морального выбора», специалист по этике может моделировать ситуации морального выбора для анализа нравственного климата организации, мотивов, средств и целей сотрудников, а также выделять ценности, лежащие в основе корпоративной культуры организации.

Во-вторых, метод «Дерево целей». Для формирования корпоративной культуры компании, проектирования этического кодекса прикладной характер имеют следующие концептуальные положения метода: 1) постановка цели организации (формулирование главной цели организации, ее осмысление и принятие всеми сотрудниками повышает эффективность этического кодекса); 2) формирование подцелей (реализация подцелей концентрируется на нижележащих уровнях организационной иерархии). Сотрудники самостоятельно формируют цели для командной работы отдела и личные подцели, в процессе достижения которых этический кодекс будет содержательно наполняться.

В-третьих, метод сценарного планирования. Стратегическое планирование работает с зонами риска, помогает предусмотреть возможные негативные воздействия, выявить необходимость в разработке этического кодекса, моделей этичного поведения, снизить риск возникновения неожиданных ситуаций, в которых можно принять необдуманные решения, нарушающие принципы этики. Своевременное устранение проблем в развитии этической культуры повышает вероятность принятия правильного решения, снизить этические риски для сотрудников и компании в целом.

Функциональная направленность методов определяется проблемными зонами организации: этический и психологический климат, рабочий процесс (недовольства, жалобы и неудовлетворенности сотрудников и руководителей) и состояние организации (этические, кадровые, финансовые потери/приобретения).

Краснова Любовь Алексеевна
Магистрант, 2 курс, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ЭТИКА И СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ:
ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Этика как направление философии, система идей, изучающая мораль, нравственное поведение и мотивы, представляется в сложившейся философской терминологии преимущественно в двух направлениях, а именно, как: теоретическая и прикладная этика. Тема доклада стоит на стыке этих направлений. Экспериментальная этика и, в частности, социальные эксперименты в этике, может выходить как на теорию, так и на практику.

В настоящее время в отечественной научно-философской мысли понятия «экспериментальная этика», «эксперименты в этике» мало изучены или вовсе не представлены. Одним из фундаментальных источников, на который мы вправе ссылаться, является статья «Экспериментальная моральная философия» Стэнфордской энциклопедии по философии. Здесь дается определение морали. Мораль не только о том, что люди могли бы сказать, но и о том, что люди замечают, делают и чувствуют, как рассуждают и реагируют на те или иные ситуации. Как раз об этом лучшим образом могут сказать социальные эксперименты, которые могут трансформировать рассматриваемую нами философскую дисциплину в «опытным путем хорошо осведомленную моральную философию» [empirically well-informed moral philosophy]. К такой «осведомленности» и стремятся те, кто проводил эксперименты, чтобы показать, что есть особые значимые моменты, которые должны быть рассмотрены и учтены в этике. Ведь сама суть эксперимента и состоит в том, чтобы ответить на конкретные вопросы, спрогнозировать или выйти на новый теоретический уровень.

Все известные на сегодняшний день социальные эксперименты ведут свое начало из социальной психологии. Это научные исследования, которые анализируют поведение, реакции, мысли человека, когда на него влияют другие люди. Например, эксперименты С. Аша, С. Милгрэма, Ф. Зимбардо. Полученные результаты вызывают тревогу о будущем человечества, о невозможности обезопасить человека не просто от бесчеловечных структур, институтов, но от самого себя.

Возникает особый вопрос со стороны профессиональной этики и этической интерпретации этих экспериментов: этично ли проводить их, и каким именно образом (не) может и (не) должен проходить эксперимент, не нарушая общеизвестные этические нормы и принципы?

Помимо экспериментов в социальной психологии, есть целый раздел исследований по мысленным экспериментам. Если обратить внимание на суть этих экспериментов, то мы можем обнаружить социальную составляющую. Именно с такой позиции важно рассмотреть ряд мысленных моральных дилемм, которые начались с исследований Ф. Фут и ее так называемой вагонеткологией. Современные зарубежные философы говорят, что моральные дилеммы мысленных экспериментов могут сказать нам существенно новое о природе морали. Исследователи мысленных экспериментов убеждены, что знакомства с экспериментами такого рода оказывают значительное влияние на человека, на формирование его моральной рефлексии. Как известно, в непрофессиональной, то есть в нефилософской, среде распространено мнение, что мораль и этика – это знание некого алгоритма, однако инструкций никаких нет, нет верного ответа. Мы неизбежно вовлечены в разные дилеммы и эксперименты. Этика учит понимать, применять моральную рефлексию, учит задавать правильные вопросы и сопротивляться давлению со стороны той или иной ситуации.

Этика может быть не только частью философии, но и сферой интересов других научных дисциплин, имеющих право давать свою методологию, оценку от имени этики, морали. С точки зрения экспериментов такой подход также будет рассмотрен в докладе.

Кречко Никита Геннадьевич
Магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

СЛОВЕСНЫЙ ПОЕДИНОК АНДРЕЯ КУРБСКОГО И ИВАНА IV. К ВОПРОСУ ОБ ЭТИКЕ УБЕЖДЕНИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Одна из первых и самых известных политических полемик в русской истории, – переписка Андрея Курбского и Ивана IV, рассматривается с точки зрения этико-культурологического подхода. На примере текстов исследуется внутренняя неоднородность и полемичность русской культуры. В качестве теоретико-методологического базиса в работе нашла применение этическая концепция немецкого социолога, философа Макса Вебера. Значимость этического компонента дискуссии, а также принцип бинарности (или биполярности) как эффективный способ компаративистского анализа предмета исследования, позволили выделить концепцию «этики убеждения» и «этики ответственности» в качестве наиболее действенного инструмента постижения отдельно взятого полемического нарратива. По Веберу, «этика убеждения» и «этика ответственности» – две «фундаментально различные, непримиримо противоположные максимы». Задача исследования состоит в том, чтобы через спор двух субъектов, понять характер эпохи, выявить ее этическую доминанту, определить степень ее влияния на участников полемического диалога, а также ее корреляцию с индивидуальными этическими установками Ивана IV и Андрея Курбского. Противопоставив субъектов спора, стало возможным вычленить полемический корень дискуссии, охарактеризовать оппонентов с точки зрения этико-культурологического принципа. Иван IV предстает в исследовании носителем «этики убеждения», а Андрей Курбский, «этики ответственности».

Предметом дискуссии, как показало исследование, стала специфика правления государством Ивана Грозного. В результате необоснованной жестокости монарха, Андрей Курбский, – один из образованнейших людей того времени, бежал в Польшу. Характерно, что инициатором переписки выступил именно опальный князь, который и наметил основные черты будущей дискуссии, очертил ее поле. В процессе исследования не было обнаружено знаков (с обеих сторон) разумно обосновать свои взгляды, доказательная база ограничивается личными наблюдениями, обращающимися вследствие обиды, в обоюдные колкости; кроме того, повсеместное использование текстов священного писания для обоснования собственной правоты. Князь в своих письмах оперирует в качестве аргументов, в том числе, фактами из европейской истории и научной мысли (в последнем письме приведены целые отрывки из трудов Цицерона) для демонстрации своего интеллектуального превосходства. Иван, со своей стороны, использует речевые обороты оскорбительного характера с целью указания оппоненту на разницу в их социальном положении. Необходимо отметить, что дискуссия носила свободный от церемоний, а также определенной цели, характер (мы видим лишь субъектные цели). Тональность полемики определялась настроением и личным отношением оппонентов друг к другу. Взятая за основу настоящего исследования теоретическая модель, примененная к изучению определенного текста, позволила иначе взглянуть на отдельный историко-литературный сюжет. Опыт использования этико-полемического подхода открывает перспективы дальнейшего его применения в области исследования русской культуры.

Кржевов Владимир Сергеевич
Кандидат философских наук, доцент
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

МОРАЛЬНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ.

Проблема «моральных императивов в политике» не может претендовать на новизну, но вместе с тем её осмысление обречено оставаться постоянно актуальным. В данном случае речь пойдёт о специфике общих установок и мотивов тех, выступает в качестве субъектов политической деятельности. В первую очередь интерес представляют политики «по призванию или по профессии». Известно, что мотивы профессиональных участников политических процессов ориентированы на отличные друг от друга культурные традиции. На долю философа здесь выпадает изучение влияние присущих культуре общих представлений и оценочных стереотипов (эталонов), влияющих на мотивы людей, профессионально занятых в сфере политики.

И сами политики, и их апологеты более чем охотно рассуждают о морали, декларируя высокую моральную ценность своих усилий. Однако вряд ли случайно, что наряду с этим среди них в широком ходу известное клише – «Цель оправдывает средства». Как понятно, под эту формулу легко подвести любое преступление, поэтому выяснение того, на какие цели в действительности устремлена деятельность политиков, требует всякий раз особого анализа.

Широко распространённой является идущая от Н. Макиавелли концепция политического, утверждающая, что мораль и политика существуют в никогда не пересекающихся пространствах – если политик попытается руководствоваться требованиями морали, его усилия обречены на неудачу. При этом стремление к власти считается главенствующим мотивом политической деятельности.

Однако здесь возникает вопрос: если власть самоцельна и самоценна, то какова её роль и назначение в обществе? Ответ может быть связан с тезисом М.Вебера о двух типах этики: убеждений и ответственности. Важнейшее отличие между ними в том, что во втором случае моральная оценка связана не с мотивами субъекта, а с конкретными результатами его действий – разумеется, в той мере, в какой поддаются установлению соответствующие причинно-следственные зависимости.

Здесь следует особо выделить проблему т.н. «неизбежного зла». Такой подход требует как раз и требует ответа на вопрос о критериях выбора конечных целей политики. Существуют две основные когнитивные стратегии поиска его решения, что возвращает нас к проблеме двух типов этики. В первом из них требуется неукоснительно следовать велениям «категорического императива» как непременного условия достижения общего блага. В этом случае решающее значение придается мотивам, обуславливающим поступки политиков. Но, как известно, в политике особенно актуален афоризм о «благих намерениях, устилающих дорогу в ад».

Вторая стратегия исходит из признания политики как деятельности, направленной к обеспечению общественных интересов – национальных или классовых. Но и в этом случае возникают проблемы, поскольку нужно выяснить, в чем конкретно эти интересы заключаются. В частности, далеко не всегда ссылка на обеспечение высших государственных интересов означает, что политические решения и действия и вправду направлены к их реализации. Представляется, что этика ответственности требует признать объективно-необходимую обусловленность человеческих интересов – как индивидуальных, так и групповых. Только тогда оказывается возможным выявить, в чем конкретно состоят такие интересы при наличных обстоятельствах, и на этой основе обеспечить не только текущие нужды общества, но и просчитать стратегическую перспективу его развития.

Крюкова Ксения Вячеславовна
Кандидат политических наук, ассистент
Овчинникова Елена Анатольевна
Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

МОРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Актуальность данной темы видится нам в двух аспектах: теоретическом и социально-практическом. Речь идет о предметном поле социальной политики и социальной этики, теоретико-методологических подходах к их изучению и о непосредственной социальной практике, реализации социальной политики с учетом моральных ценностей, идеалов и перспектив нравственного развития современного общества. В современной исследовательской литературе вопрос о предмете и определении социальной этики и социальной политики является дискуссионным. Не затрагивая все дискуссионные позиции, хотелось бы обсудить проблематику социальной политики с точки зрения моральных оснований и доминант.

В современной исследовательской литературе социальная политика определяется в широком и узком смысле слова. В широком – она представляет собой «общественную политику как модификацию, направленную в сторону общественных структур и институтов». В узком смысле – «это система мер государства по поддержанию тех общественных групп и слоев населения, которые в силу тех или иных причин оказываются в более трудном положении, чем другие (пенсионеры, дети-сироты, работающие матери и т.д.)» [1, 38-39]. Трактовка социальной политики в узком смысле слова, конкретизация ее предметного поля может быть соотнесена с проблемами социальной этики, внимание которой также обращено к положению наиболее незащищенных социальных групп общества.

В качестве моральных оснований социальной политики следует рассмотреть такие ценностные и императивные концепты, как солидарность, общественное благо, общественный идеал, справедливость, ответственность (как социальную, так и моральную). Социальные мыслители отмечали необходимость подчинения социальной политики общественным идеалам, общественному благу, формированию средствами социальной политики справедливых распределительных отношений и доступности социальных благ. В поле взаимодействия сфер социальной политики и социальной этики можно выявить следующие проблемы: проблема развития и совершенствования социальных и моральных институтов в обществе, соотношение морального субъекта и социального субъекта, общественной и индивидуальной морали, общественного сознания и социальной практики и др. В социальном пространстве формируются ценности, императивы, моральные установки общественного сознания. Цель социальной политики – формирование в обществе социального согласия, условий, обеспечивающих удовлетворение основных жизненных потребностей населения, в обеспечении этой цели социальная политика опирается на главенствующие моральные константы, формирующие ценностные ориентиры общественной жизни.

Литература

1. Стребков А.И. Социальная политика: теория и практика. Санкт-Петербург. 2000.

Кугушева Ирина Николаевна
Студент, 4 курс
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

НРАВСТВЕННЫЙ КЛИМАТ ТРУДОВОГО КОЛЛЕКТИВА КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В СФЕРЕ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

В процессе выстраивания системы нравственных ценностей в трудовом коллективе возникает определенная среда, в которой осуществляется взаимодействие сотрудников, – нравственный климат. Он оказывает колоссальное влияние на взаимоотношения, складывающиеся в процессе группового взаимодействия, на эффективность деятельности коллектива.

Хотя в настоящее время вопрос о значимости нравственного климата в организации активно освещается многими авторами, данный феномен до сих пор остается недостаточно описанным. Многие авторы трактуют понятие «нравственный климат» весьма неоднозначно, не проводят различие между нравственным и, к примеру, психологическим климатом. Крайне сложно найти работу, в которой конструировалась бы полная картина нравственного климата трудового коллектива: была бы дана четкая и аргументированная трактовка данного понятия, описаны основные компоненты, характеристики, факторы, влияющие на формирование нравственного климата, механизмы управления им.

Понятие нравственного климата может быть истолковано с точек зрения социокультурного и этико-философского подходов. С опорой на социально-психологический подход можно выделить особенности, присущие социально-психологическому климату, и как результат, провести четкую грань между ним и нравственным климатом.

В рамках этико-философского подхода феномен нравственного климата трудового коллектива может быть объяснен с опорой на концепции П. Сорокина и Э. Дюркгейма. Обращение к этико-философским категориям позволяет более тесно соприкоснуться с рассматриваемым феноменом, понять его специфику. С точки зрения данного подхода можно дать следующее определение понятия «нравственный климат трудового коллектива» – это особая надындивидуальная реальность, складывающаяся в процессе взаимодействия членов трудового коллектива и формирования их коллективной системы нравственных ценностей, представленная в коллективном сознании и поведении, задающая закономерности и определяющая специфику коллективного взаимодействия.

Важно отличать нравственный климат от корпоративной культуры, от системы нравственных ценностей и от нормативно-ценностной модели. Понятие корпоративной культуры может быть истолковано как как совокупность норм, правил и механизмов поведения, складывающихся на основе принятых в компании ценностей и обеспечивающих результативную деятельность внутри компании и ее эффективную внешнюю политику. Ценностная система собой совокупность нравственных идеалов и ценностей, формирующуюся на основе коллективных представлений о должном. Нормативно-ценностная модель – это некий метафизический образ, идеальная модель поведения, сконструированная на основе принятой системы нравственных ценностей, детерминирующая нравственные устремления личности и влияющая на ее поведение.

Формирование благоприятного нравственного климата – длительный и трудоемкий, однако, крайне важный процесс. Для осуществления этого процесса необходима грамотная этико-управленческая политика, применение широкого ряда инструментов. Для разработки прикладного инструментария этического управления нравственным климатом требуется обширная теоретическая база, дающая необходимые знания о данном феномене.

Литература

1. Васильевене Н. Институционализация деловой этики: инструментальное внедрение ценностей в деятельность организаций // Прикладная этика: «КПД практичности». Ведомости. Вып. 32, спец. / под ред. В. И. Бакштановского, Н. Н. Карнаухова. Тюмень : НИИ ПЭ, 2008. С.82–107.
2. Дюркгейм Э. Определение моральных фактов // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч.. М.: Книжный дом «Университет», 2002. Ч.1. С.11–30.
3. Самоукина Н.В. Психология профессиональной деятельности / Н.В. Самоукина. 2-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2004.
4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов; Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992.

Кузнецов Никита Всеволодович
Доктор философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

МАРКСИСТСКАЯ ЭТИКА В РОССИИ: Г.В. ПЛЕХАНОВ

РГНФ 16-03-00623 «Отечественная философская журналистика 1917-1922 гг.»

В сочинениях Плеханова можно обнаружить немало важных и глубоких мыслей о «моральной диалектике». Плеханов, возможно, один из немногих философов-марксистов, кто непосредственно обращался к основополагающим проблемам этики — вопросу об отношении между объективной стороной и субъективной стороной морали, о соотношении общественного интереса, лежащего в основе морали, и субъективной бескорыстной нравственности у отдельной личности, об отношении между сознательным моментом нравственности и безотчетностью человеческой совести. Этическое наследие Г.В. Плеханова, на наш взгляд, еще не получило достойной оценки в контексте современных теоретических проблем и социальных запросов.

Кузнецов Николай Сергеевич
Кандидат философских наук, доцент
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

К ПРОБЛЕМЕ ОСНОВАНИЙ БАЗОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В работе показывается, что определенное понимание человеческой природы всегда служило существенным компонентом в создании теорий общественного устройства, предлагавших различные варианты взаимоотношения личности и общества, социальных ценностей и норм. Начавшись с полемики Платона и Аристотеля, эти вопросы воспроизводятся в Западной Европе Нового времени, Просвещения, в социалистических и коммунистических проектах и сохраняют свое значение для современного обществознания.

Чем объяснить яростное неприятие «буржуазной» демократии основоположниками марксизма, русскими большевиками, коммунистами? Рационалистический взгляд не может не констатировать, что коммунизм с его требованиями уничтожения частной собственности, грубой уравнительности, контроля над мыслью и культурой возник в Западной Европе задолго до «Коммунистического манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса. Размышляя над содержанием марксизма и трагическими сторонами реализации идеи «человеческой эмансипации», нельзя не задуматься о том, почему его основоположники, неоднократно высказывавшиеся о ценности свободы, дающие высокую оценку роли буржуазии и вообще – капитализма в плане модернизации общества, – не оценили роли права так, как его оценил Аристотель и ряд мыслителей Нового времени и Просвещения? В определенной степени ответ на эти вопросы можно увидеть и в работах самого Маркса, который спрашивает: как случилось то, что опыт осуществления свободы (ан-

тифеодальные революции) – «великий успех человеческого освобождения», кончился торжеством эгоизма и частного произвола?

Здесь необходимо вспомнить о том, что становление «царства разума» сопровождалось жестокими противоречиями. Достаточно вспомнить широкое использование женского и детского труда на фабриках в XVIII–XIX века, что констатировалось тогдашними экономистами (С. Сисмонди и др.), описывалось в Англии в отчетах парламентских комиссий «Используя лозунг: „равная и свободная конкуренция для всех", не ограниченный и не регулируемый законодательно капитализм успешно препятствовал принятию какого-либо законодательства о труде до 1833 г. и еще в течение многих лет его практическому использованию» [1, 142]. К. Поппер считает, что отношение К. Маркса к либерализму и демократии – «интерпретация ситуации его времени, которая казалась вполне верной, поскольку беспрестанно подтверждалась печальным опытом» [там же]. Отсюда и вывод Маркса, что «политическая эмансипация» недостаточна, она привела лишь к «торжеству эгоизма».

Поэтому очевидно, что появление коммунистических и социалистических проектов можно рассматривать как реакцию на общественные противоречия в развитии раннего капитализма или еще глубже – как иную парадигму в решении «проклятых вопросов» общественного устройства.

Итак, можно считать, что существенную роль в становлении современного правового государства и общества выполнили идеи Возрождения, Просвещения, раскрывающие ценность человека, а также – его сложную социально-биологическую природу (что уже было намечено в трудах Аристотеля). Лишь всесторонний, целостный подход позволяет в полной мере учитывать жизненное значение потребностей физического существования (физиологических, в безопасности и др.), а также социально-индивидуальных, личностных – в признании, самореализации, а также – лучше понимать реальные причины асоциальных наклонностей – эгоизма, агрессивности, стремления получать блага путем насилия, обмана и эксплуатации. Целостный подход к человеку обосновывается сегодня и представителями эволюционной эпистемологии. Это показывает, что познание человека, человеческой природы является одним из важнейших условий выработки фундаментальных ценностей и институтов современного цивилизационного общества.

В критике несправедливостей капитализма своего времени Марксом и другими мыслителями есть нравственная составляющая. И одновременно – декларация грандиозных и утопических идей, реализация которых привела и к грандиозным трагедиям.

Литература

1. Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: Феникс, 1992.

Кулакова Татьяна Александровна
Доктор политических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОТЕНЦИАЛ ОБЩЕСТВЕННОЙ МОРАЛИ В КООРДИНАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЯХ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

грант СПбГУ (GZ 2018 «Социальные технологии формирования антикоррупционного климата в российском обществе»)

Необходимость интегративного подхода к анализу современного общества рассматривается как актуальная методологическая программа и стратегия социальных и политических исследований. Однако, следует заметить, что подчас теоретические наработки, новационные концепты и модели, возникающие в предметном поле одних социо-гуманитарных наук не включаются в своей полноте и плодотворности в междисциплинарные исследования других областей знания. Таким концептом, позволяющим рассмотреть многие совре-

менные политические процессы в обществе, может выступать «общественная мораль». В этических исследованиях (в работах А.А. Гусейнова, Р.Г. Апресяна) последних десятилетий делается акцент на изучении институционального характера морали, специфики этико-социального регулирования, анализе кумулятивного нравственного опыта, воплощенного в общественном сознании и нравственных практиках.

В понятии общественной морали выстраивается осмысление социально-регулятивной функции морали, актуализируется ее включенность в современные процессы политической координации и социальной организации общества. Общественная мораль выстраивается на таких концептуальных доминантах, как общественное благо, солидарность и свобода, справедливость и ответственность, они формируются в процессе социального взаимодействия и объективируются в общественном поведении, социальной практике. В российском публичном пространстве общество является уже не только объектом воздействия (правового, пропагандистского, идеологического, информационного), но и субъектом коммуникативного процесса, вырабатывая, принимая, распространяя, поддерживая ценности, принципы и нормы, позволяющие сохранять его целостность и культурную и моральную идентичность. Социальные и политические сети производят не только знания, но и ценности, которые могут воспроизводиться и как традиции, и как отражение исторического опыта, и как степень социокультурного развития, и как новации в результате самоорганизации сообществ и общества в целом. В различных социальных и профессиональных сетях формулируются ценности, способные иметь интегративный и мотивационный потенциал, описывать образ будущего и содержать новые смыслы в качестве инструментов политического управления и контроля. Особый интерес исследователей обращен к определению возможного баланса частного и общего блага через механизмы публичного управления, в том числе, координацию. Современное состояние общества характеризуется все возрастающей неопределенностью, сменой координационных стратегий государства. Включение в аналитические программы и стратегические перспективы политических исследований концепта общественной морали позволит выявить интегративный потенциал общества, его ценностные константы, институциональные особенности и основания координационных стратегий государства.

Куцев Александр Анатольевич
Магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ. САНКЦИЯ НА ПОВЕДЕНИЕ

Тезисы доклада:

1. Понятие поведения в предельно широком смысле. Единство поведения. 2. Откуда берётся санкция на поведение? 3. Мораль может быть санкцией на поведение, но это лишь одна из санкций. 4. Этические конфликты – это конфликты разных разрешений на поведение. 5. «Идеальная» санкция на поведения или подмена морали. 6. Действительное разрешение на поведение и мнимое. 7. Структура злоупотребления. 8. Этическая теория страстей. 9. Конкуренция этик. Побеждает лучшая.

Лисанюк Елена Николаевна
Доктор философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

МОРАЛЬНАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ МЕЖДУ РАССУЖДЕНИЕМ И ДЕЙСТВИЕМ

Аргументация в морали часто, если не всегда, касается действий и поступков людей, когда рассуждение рационального агента направлено на обоснование линии поведения путем продвижения какой-либо ценности, взвешивание альтернативных способов достижения некоей цели или на предъявление результатов этих размышлений в диалоге с

целью отстоять свое мнение о планируемом поступке перед лицом критики со стороны других участников диалога или убедить их поступать определенным образом. Особняком стоит аргументация, нацеленная обосновать либо отклонить какие-либо нормы или ценности. Всю эту совокупность рассуждений называют практической аргументацией, а также моральной, если она охватывает моральные аспекты поступков. В отличие от теоретической аргументации, где предметом обоснования и убеждения выступает истинность мнений о ситуации или положении дел, практическая аргументация отвечает на вопросы, как нужно поступить в данной ситуации, какими ценностями и нормами следует руководствоваться и почему. Главный вопрос сообщения заключается в том, следует ли считать моральную аргументацию рассуждением или действием? В пользу первого ответа говорит то, что она представляет собой мыслительную деятельность агента по порождению своей точки зрения, доводов в ее поддержку и возражений против критики в ее адрес. В пользу второго – то, что посредством моральной аргументации агент принимает линию поведения, которой намерен придерживаться, идет ли речь лишь о ментальном действии согласия с какими-либо нормами или ценностями, или о совершении поступков, обоснованных с их помощью. В сообщении отстаивается положение о том, что моральная аргументация имеется три аспекта, акциональный, интеллектуальный, и перформативный, связанный между собой, но играющие разную роль в зависимости от того, идет ли речь о порождении обоснования или о предъявлении его в диалоге. Это положение подразумевает, что принятие решений о действиях не относится к моральной аргументации: она может выступать для него инструментом, но не тождественна с ним.

Практическая и теоретическая аргументация отличаются строением и способом оценки аргументов. В теоретической аргументации аргументы состоят из посылок, выражающих знания и мнения агентов, представленных при помощи описательных предложений о фактах и положениях дел, обсуждение мнений о которых и составляет теоретическую аргументацию. Такая аргументация может состоять из логически строгих, правдоподобных или вероятностных умозаключений. Практическая аргументация носит правдоподобный и презумптивный, или отменяемый характер, потому что в практическом рассуждении помимо посылок, выражающих знания и мнения агентов о ситуации, аргументы содержат также посылки, описывающие последствия выполнения или невыполнения действия, а также цели, ценности, нормы и желания агентов, относительно которых можно располагать лишь предположительными сведениями. Заключение практического рассуждения может быть отменено, если этого потребуют изменения обстоятельств действия или оценки его последствий.

Маков Борис Васильевич
Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский Юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ

ГЕНЕЗИС АРХЕТИПОВ КОЛЛЕКТИВНОГО КОГНИТИВНОГО

Аналогично тому, как Логос культуры состоит из трёх эйдосов, когнитивный архетип состоит из трёх типов мировоззрения: монизма, дуализма и плюрализма. Типы мировоззрения не сменяют друг друга поочерёдно, а являются (а)синхронизаторами хроноса и топоса коллективного (общественного) Бытия. В концептуальной модели воспроизводства взаимодействий этих парадигм возможно три представления: эклектизм (разный тип мировоззрения описывает разные паттерны культуры), здесь мир бесконечен, случайность имеет равные права с необходимостью, когнитивная модель строится на альтернативах. Системность (сопряженность второстепенных с одним, доминирующим), в данной модели мир конечен (или редуцируется к конечным формам), детерминирован,

гносеологическая модель стремиться к однозначности значений и смыслов, альтернативность воспринимается, как нарушение закона непротиворечия. Синергетичность (один тип дополняет другой до некоторого расширения, называемого новой целостностью), круг проблем движения-развития-эволюции-самоорганизации. Во взаимоотношении «целого и части» можно выделить определенные принципы, фундирующие разные онтологии. Принцип аддитивности – целое равно сумме своих частей (догматика, математика, юриспруденция). Принцип эмерджентности – целое всегда больше суммы своих частей (системность, феномен жизни, сознания: биология, когнитология и т.д.) И, наконец, концептуальная модель, в которой «целое меньше суммы своих частей», находящая своё выражение в картинах голографической вселенной, фрактальной эпистемологии и квантовом подходе.

3-х частная структура анализа:

Вещь – явление – суть

Образ – знак – символ

хаотичность – линейность – спонтанность

энтропия – негэнтропия – информация

среда – система – элемент

Различные мировоззренческие платформы по-разному аппроксимируют базовые культурные ценности.

Взаимодействия элементов (подсистем) внутри одной системы описывается наиболее адекватным образом на языке плюралистического мировоззрения, эвристический потенциал – генезис и самотождественность. Статистическая закономерность (синергетическая в варианте полифуркация) в противном случае эклектика (путь муравья у Бэкона). Равенство по отношению к внешнему. Равновозможность – характеристика хаоса.

A = B; B = C; C = A отношение транзитивности, равенство, как подобие другогму

Трансформация самой системы описывается коцептуальным языком монизма, эвристический потенциал – возникает новое. Динамическая закономерность. Логика Аристотеля, закон тождества, равенство, как отсутствие иного (это ядро, а периферией выступает диалектика и неклассические логики

A = A тождество неотличимость от другого

взаимодействие системы и среды – на языке дуализма. Здесь эвристический потенциал – возникновение иного. Спонтанная закономерность (апериодическая, синергетическая, если бифуркация) ядро диалектическая логика, законы диалектики, периферия – классические и неклассические логики.

A= -B; B = -A равенство, как конгруэнтность – совпадение границ

Между ядром и периферией всегда существует взаимоотчуждение, но возможны варианты союза двух любых против третьего: классическая и неклассическая логика (символические) против диалектической (строгость определения используемых понятий), классическая формальная и диалектическая против неклассической (игнорирующей принцип однозначности истинности), диалектическая и неклассическая против аристотелевской (принцип непротиворечивости является синтезирующим основанием).

Если в модели, описанной монистическими параметрами (аврамические религии), мы ставим вопрос дуалистический (доказать/опровергнуть, что Бог есть) получаем антиномии. Если для дуалистической модели (две системы отсчета) ставим монистические вопросы, получаем апории (логически непротиворечивые, но невозможные в реальности следствия).

Языки дуализма и плюрализма могут быть совместимыми друг с другом: в одном случае (полная индукция) плюрализм может рассматриваться как расширение дуалистического языка, в другом случае дуализм становится наиболее строгим вариантом плюрализма.

Парадоксы возникают при решении монистическими методами дуа(плюра)листических задач и при решении синергетическими методами монистических задач.

Маркова Инна Викторовна
Давыдов Денис Алексеевич
Магистранты, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Цифровая революция – это резкий радикальный переход из аналоговой эпохи в цифровой формат, чему способствовало открытие новых материалов, методов, позволяющих во много раз повысить вычислительные мощности. Актуальность данной проблемы определятся необходимостью этического анализа современных процессов привнесенных цифровой революцией: (пр.: новые формы социализации, взаимодействие человека и машины).

Понятие оцифровка прочно вошло в обиход глобального масштаба. Внедрение цифровых технологий носит повсеместный характер, проникая во все сферы жизнедеятельности человека. Данная проблема изучена мало, многие вопросы еще не заданы. Исследования ведутся параллельно развитию научно-технического прогресса. К чему приведет цифровая революция в моральном и нравственном плане, куда качнет лодку развития нашего общества, что станет нормой, а что пограничным и общественно отрицаемым поведением?

К позитивным последствиям цифровизации можно отнести: скорость реакции/отклика, доступность /распространенность, снижение бюрократических издержек, экономия материальных и временных ресурсов. К негативным – принудительное внедрение/использование, проблема ответственности/безопасности/контроля, недостаточное материально-техническое обеспечение, социальная неподготовленность/беззащитность.

Цифровые технологии можно разделить на три блока: физический, цифровой, биологический.Физический блок включает в себя: беспилотные транспортные средства, 3D-печать, передовая робототехника, новые материалы. Ярко встает вопрос морально-нравственного и правового характера: ответственности/безопасности/контроля за использованием данных технологий (пр.: свободное изготовление при помощи 3D-принтера «оружия»).

Цифровой блок включает в себя: интернет вещей, цепочка блокчейн, технологические платформы. В данной сфере можно выделить ряд этических проблем, таких как: безопасность и ответственность за хранение, извлечение и удаления информации в облачных базах (пр.: размещенных по принципу блокчейн).

Биологический блок. Много инноваций привлекает к себе генетика, что способствовало значительному прогрессу в снижении стоимости и упрощении генетического секвенирования, активации или исправления генома, что ведет к революционному повороту в сторону индивидуализированной и эффективной системы здравоохранения (пример определения генетического компонента в сердечно-сосудистых заболеваниях).

Разные технологии сливаются и обогащают друг друга: 3D-производство может сочетаться с генным редактированием для производства живых тканей с целью их регенерации (биопечать) (пр.: массовое незаконное производство, подлежащих лицензированию товаров).

Цифровая революция порождает новые этические вызовы: расширение понятия «личность», проблема ответственности робота-помощника, вопросы хранения/использования, извлеченной информации из человеческой памяти, а также многое другое, что требует отдельной этической рефлексии.

Мартынова Марина Дмитриевна
Кандидат философских наук, доцент
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОГО РЫНКА ТРУДА: ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ

Качественное образование является безусловным ценностным приоритетом высшей школы. Показателем высокого профессионализма выпускника выступают освоенные компетенции, которые зафиксированы в федеральных государственных образовательных стандартов специальностей и направлений подготовки. В соответствии с этими требованиями выстраиваются все механизмы образовательного процесса. Однако провозглашенные ценностные приоритеты не всегда обеспечивают соответствие качества образования требованиям рынка труда и затрудняют успешное трудоустройство выпускников, что неизбежно сказывается на их благополучии и успехе. Возникает ряд несоответствий и этических конфликтов между системой высшего образования и современным рынком труда, требованиями работодателей и компетентностью выпускников. В качестве одного из таких упущений выступает низкий уровень общекультурных компетенций у выпускников, необходимых для соответствия требованиям корпоративной этики, значимость которой все чаще обозначается работодателями. Важнейшими требованиями корпоративной этики выступают умение работать в команде, разделять ценности компании, обладать эмоциональной компетентностью, то, что приобрело название «soft skills» – согласно Оксфордскому словарю, личные качества, которые позволяют эффективно и гармонично взаимодействовать с другими людьми.

Неоднократно отмечалось, что существует недостаток связи между системой профессионального образования и задачами современного производства. В настоящее время четверть выпускников вузов сталкиваются с проблемами трудоустройства, треть – работают не по профилю. Современные технологические процессы стремительно меняют рынок труда: все большее место в нем занимают профессии, основанные на высоких технологиях, а также междисциплинарные и формирующиеся на стыке профессий. «Атлас новых профессий» представляет широкий спектр профессий будущего, многие из которых уже требуют своих специалистов, однако в перечне направлений подготовки российских вузов таковые отсутствуют. Помимо хорошей профессиональной подготовки, все большее значение приобретают «надпрофессиональные навыки», к которым относят эффективное межличностное общение, мультикультурность, эмоциональную компетентность, понимание системы ценностей, лидерство, селф-менеджмент, стресс-менеджмент. Все они направлены на обеспечение эффективности и успешной работы в команде. Корпоративная этика становится обязательным условием организации партнерских отношений на предприятии, поскольку эффективность труда зависит от слаженной работы корпоративной команды. Происходит смещение ценностных акцентов с вертикальных служебных отношений на горизонтальные, где в приоритете сотрудничество, товарищество, равноправие, гибкая смена признания профессионального лидерства в зависимости от компетентности «узкого» специалиста.

Многие выпускники вузов стремятся развить в себе необходимые качества через дополнительные образовательные программы, частные школы, участие в тренингах личностного роста. Так же и корпорации вовлекают молодых специалистов в корпоративные тренинги. Однако, навык не будет успешно применяться, если не развито моральное сознание и нет внутренней личностной установки на уважение, почтение, любовь к своим сотрудникам и содержанию своей работы. Наиболее значимые этические принципы для установления доброжелательных отношений «уважение и признание самоценности

Другого» становятся залогом эффективного производства. Надо отметить, что современные процессы организации корпоративных отношений отвечают ценностным приоритетам поколения современной молодежи – поколения Z, которое выросло в виртуальной среде и социальных сетях и отдает явное предпочтение горизонтальным отношениям.

Поскольку наиболее распространенной формой решения производственных задач стал проектный подход, то в системе организации труда преобладает работа в команде. Общеизвестно, что хороший результат – создание нового продукта – может дать только работа с единомышленниками. Поэтому, это не просто команда с четким распределением ролей и обязанностей, это еще и команда единомышленников.

Маслевская Полина Витальевна
Студент, 3 курс, Самарский государственный технический университет

ФЕНОМЕН ДРУЖБЫ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Далеко не все могут дать определение понятию дружба. Понятие дружбы выглядит «само собой разумеющимся», ведь им оперирует человек с самого раннего детства и редко задумывается над его содержанием. Однако ответить на вопрос о специфических чертах дружбы и способах ее проявления, формах практикования однажды приходится каждому человеку.

Дружба как предмет философского анализа представляет интерес для мыслителей еще в античности. Древнегреческий философ Аристотель видит в дружбе наивысшее благо, проявления нашего «второго Я», и, по его мнению, построена она исключительно на искренней и бескорыстной любви к другу, как к таковому.

С течением времени общество изменяется, меняются и человеческие ценности, в том числе и значение дружбы. Многие философы перестают видеть в дружбе идеалы античности. Г. Зиммель утверждает, что человеку в современных условиях слишком тяжело полностью раскрыться, из-за чего теряется тот смысл дружбы, который вкладывал в неё Аристотель. Ф. Тённис в свою очередь утверждает, что с развитием капитализма дружба отходит на задний план, так как не может быть средством достижения целей.

Совершенно иначе считает Ф. Альбероне, говоря о том, что дружба в античном её понимании никогда не исчезнет и не потеряет смысл, она лишь имеет строгую модель, которой достаточно сложно следовать. Для социолога друзья – это люди со схожими мнениями и взглядами, между которыми идет обмен опытом. По мнению Альбероне, для друзей важен именно момент встречи, а не то, чтобы было до или после.

Со временем дружба видоизменяется. Об этом нам говорит Х. Лемке. По его мнению, дружба по-разному выражается в разных социальных слоях в определенный момент развития человеческого общества. Дружба для Лемке – это свобода, поэтому он поддерживает полезную дружбу и дружбу ради удовольствия, о неустойчивости которой говорит Аристотель. Дружба как социальная практика дает индивиду осознание, что он сам является другом другого человека. Философ также говорит о том, что понимание дружбы возможно при понимании одиночества, причем в каждом социальном контексте эти два понятия связаны.

Вряд ли можно дать однозначный ответ на вопрос, чем же является дружба. Это понятие многозначно, что отражает многогранность человеческих отношений. Отвечать себе на вопрос о дружбе в теоретических координатах, рефлексировать собственную практику дружеских отношений значит утверждать ее индивидуальную проекцию, понимая друга, понимая себя, понимая мир.

Мачкарина Ольга Дмитриевна
Доктор философских наук, профессор
Мурманский государственный технический университет

НРАВСТВЕННЫЙ ЗАКОН КАК ИСТИННОЕ БЛАГО В ОЦЕНКЕ И.М. СКВОРЦОВА (1795-1863)

И.М. Скворцов – воспитанник Санкт-Петербургской духовной академии, ординарный профессор Киевской духовной академии. В течение длительного времени преподавал философские науки. Особый интерес в его наследии вызывают работы, посвященные проблеме воспитания и образования человека, анализу норм, обуславливающих бытие человека в обществе. Как историк философии, изучивший труды античных мыслителей (Эпикур, академисты, перипатетики, Цицерон, Плотин и др.), на основе сравнительного анализа Скворцов предлагает собственную концепцию нравственности и естественного права. Будучи последователем лейбнице-вольфовской линии рационализма, протоиерей Скворцов настаивает на рациональном обосновании нравственности, в основе которой он видит свободную волю и правильный закон. В «Записках по нравственной философии», «Критическом обозрении учения древних об истинном благе человека», «Критическом обозрении кантовской религии в пределах одного разума» и других автор последовательно излагает свое видение нравственного закона, как необходимости», которая налагает на него обязанность сохранять его и действовать сообразно осознанию его важности». Отталкиваясь от убеждения о склонности человека к добродетельности, Скворцов считал, что «добродетель достойна искания сама по себе», несмотря на внешние и внутренние обстоятельства, вынуждающие человека бороться с самим собой, со злом, но для этого ему необходим эталон совершенства – идеал «человека совершенного». Для каждого исторического периода – свой идеал, но объединяет его осознание человеком долга – уважение к «другому» в словах и делах – «любовь к ближнему».

Однако человек обладает поврежденной природой, склонной к чувственным и корыстным действиям, в нем бушует огонь страстей и чистое пламя, но вместе с тем в нем есть «закон добра» и «закон истины», благодаря которым люди объединяются в сообщества. Посредством воспитания можно усилить нравственное чувство, но, с другой, и ослабить его. Но человек должен усвоить: закон справедливости: «не стесняй свободы другого или не нарушай прав ближнего твоего»; закон честности: « действуй всегда по внутреннему убеждению в сообразности действия твоего с благом других».

Человек не вещь среди вещей. Он – целеполагающая личность, основу которой составляет свобода, способность свободно определять себя и действовать сообразно собственным целям. Он – гражданин, который понимает различия между законом и правилами: правила, соответствующие закону и обуславливающие нравственные действия – это долг. Право – возможность действовать сообразно закону.

И.М. Скворцов подчеркивал необходимость воспитания нравственности и для этого разработал и предложил свою науку о добродетели или ифику, основные положения которой будут изложены в докладе.

Михайленко Анна Васильевна
Магистрант, 1 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

НЕЙРОЭТИКА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ БИОПОЛИТИКИ

Биополитика не имеет строго обозначенного определения, поэтому в данном исследовании мы будем придерживаться только той части определения, которая релевантна самому исследованию. В общем смысле под биополитикой понимается такой тип осуществления политической власти, при котором общество воспринимается как совокупность

не только индивидов и личностей, но и физиологических тел, обладающих свойствами живого существа. Иными словами, биополитика – это «исследование биологических оснований политического поведения» [Зуб, 1994. С. 5]

Актуальность исследования феномена биополитической власти, описанной еще М. Фуко в 70-е г, подтверждается востребованностью биологических наук не только в естественнонаучных сферах, но и социологии, этике, эстетике, политологии и культурологии.

В данном исследовании основная роль отдается такому направлению в биомедицинской этике как нейроэтика. Нейроэтика как наука на стыке нейробиологии и этики раскрывает сущность проблем, возникающих в условиях ежедневного усовершенствования нейротехнологий как инвазивного так и неинвазивного характера. В подобных условиях возникает ряд этических вопросов, связанных не только с проведением исследований и экспериментов, но и использованием нейротехнологий в качестве инструмента осуществления политической власти.

Реальная возможность в скором времени осуществления политической власти с помощью воздействия на мозг человека подтверждается рядом экспериментов, связанных с изучением нейротрансмиттеров. Так, например, доказано, что высокий уровень серотонина у приматов соответствует высокому рангу в сообществе и способствует доминирующему поведению. Напротив, снижение уровня серотонина приводит к агрессивному поведению, служит причиной апатий и депрессии.(McGuire, 1982; Masters, 1994; Raleigh, McGuire, 1994). Современные исследования доказывают, что блокада рецепторов NMDA в пределах вентрального гиппокампа позволяет подавлять агрессию у мышей (Нейрофармакология 2018, Chang CH , Su CL, Gean PW)

Очевидно то, что биополитика предполагает использование достижений нейробиологии в сфере политического управления, а также формировании законопослушного, подконтрольного общества (манипуляции). В данном контексте биополитика сталкивается с одним из основных постулатов биомедицинской этики об «информированном добровольном согласии». Согласно нему, даже в целях улучшения качества жизни пациента, необходимо его добровольное согласие ради сохранения принципа автономии личности. Биополитика, как и политика в целом, не является средством сохранения физиологического существования человека. Чем больше она не относится к вопросу физического выживания, тем более объективно информирован должен быть человек перед тем, как дать согласие на осуществление изменений в мозге в угоду политической власти.

Здесь встает вопрос не только о применении нейротехнологий в пенитенциарной системе и людей, которые частично или полностью не способны к свободному волеизъявлению по принципу возраста или в силу физиологических особенностей (об этом стоит говорить отдельно). Предтечей использования нейробиологических инструментов может являться идеологическая пропаганда, политический нейромаркетинг. Таким образом, «чистота» добровольного согласия оказывается под сомнением (или вовсе невозможной). Исходя из этого, задачей нейроэтики является аргументированное доказательство неэтичности использования нейротехнологий при осуществлении государственной власти.

Михайлова Виктория Михайловна
Аспирант, 3 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Направление, в сторону которого движется общество, во многом зависит от представлений его членов о справедливости. С целью задать обществу определенное направление, законотворцы вкладывают в право соответствующие представления о справедливости.

Человек, который осведомлён о различных концепциях справедливости, не ответит сразу положительно на вопрос, желает ли он жить в справедливом мире, прежде не поинтересовавшись, что имеется в виду под справедливостью. Это можно объяснить сложностью данного этического понятия. Ведь его содержание зависит от того, с позиций какой дисциплины (экономика, политика, право) подходить к его определению, какой политической школы при этом придерживаться (либерализм, коммунитаризм) и для какой сферы деятельности (сфера образования, сфера труда) его применять.

Становится ясно, что данное теоретическое пространство является сложным. Не менее сложны представления о справедливости в правовом пространстве, не говоря уже о реальности. Чтобы продемонстрировать эту сложность, проанализировано несколько нормативно-правовых актов и выделены зафиксированные в данных актах представления о справедливости.

В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» провозглашение светского характера образования (п.6 ч.1 ст.3), а также запрет на создание и деятельность религиозных организаций (ч.12 ст.27) выражают либеральные представления о справедливом обществе и соответствуют современной концепции прав и свобод человека. Однако указанные нормы соседствуют в Законе об образовании с нормами (ст. 87), которые подразумевают участие религиозных организаций в образовательных процессах, что является воплощением коммунитарных воззрений на справедливость. А Трудовой кодекс Российской Федерации, либерально провозглашающий свободу труда и право свободно распоряжаться своими способностями к труду, а также запрет на дискриминацию (ст. 2) вступает в противоречие с Постановлением Правительства Российской Федерации №162, утверждающим список из 456 видов работ, к которым запрещается применение женского труда. Этические противоречия существуют и в других нормативно-правовых актах.

Обсуждаемые противоречия можно воспринимать не только как несовершенства права или результат упущений законотворцов, но и как столкновение различных этических «моделей» – представлений о справедливости и справедливом обществе. Хотя важно не только то, чтобы законодательство было непротиворечивым, но и чтобы представления о справедливости, закреплённые в законодательстве, разделялись членами данного общества.

Мочалова Ирина Николаевна
Кандидат философских наук доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

УЧЕНИЕ ОБ УДОВОЛЬСТВИИ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУССИЙ IV В. ДО Н.Э. В АФИНАХ

РФФИ №17-03-00616 «Сократические школы как явление античной философии и культуры»

К началу IV в. до н.э. проблемы нравственности оказываются в центре внимания афинской общественности. В докладе будут раскрыты различные трактовки такого значимого этического понятия как удовольствие. В частности, будут рассмотрены концепции удовольствия Евдокса, Спевсиппа и их критика Аристотелем в «Никомаховой этике» (в первом и втором трактатах «Об удовольствии»).

Согласно Аристотелю, Евдокс высшим благом считал удовольствие, полагая, что «все тянется к нему, и обладающее суждением, и лишенное его». (Eth. Nic.1172b9-10, ср.: 1101b27-30). Анализ предложенной Аристотелем в «Никомаховой этике» реконструкции аргументации Евдокса позволяет утверждать, что удовольствие он понимал как самодостаточную цель для всего сущего, противопоставляя его страданию. Учитывая интерес Евдокса к медицине и знакомство с медицинской традицией, можно предположить, что страдание он понимал как переживание разрушенной соразмерности, потерянного равновесия. Соответственно удовольствие Евдокс связывал с правильной со-

размерностью, симметрией, равновесием, полагая, что все живые существа естественным образом стремятся к восстановлению пропорций, «тянутся к удовольствию». Такой взгляд вполне согласовывался с пониманием природы целого, которая также стремится к удовольствию как к соразмерности и гармонии. Отказ Евдокса от идей как отдельных самодостаточных сущностей означал в этом случае, что благо-удовольствие есть имманентное стремление всего сущего к соразмерности.

Включенность в полемику отражают этические воззрения Спевсиппа. Он выступает с критикой как гедонизма Аристиппа и Евдокса, так и воззрений Антисфена. Спевсипп утверждает, что для человека как разумного и добродетельного существа, стремящегося в соответствии с природой к счастью, целью не должно быть удовольствие. На том основании, что страдание есть зло, нельзя заключить, что удовольствие есть благо (Eth. Nic.1153b1-7; 1173a5-28). Истинное счастье состоит в достижении правильной пропорции между удовольствием (наслаждением) и страданием и заключается в отсутствии потрясений, в состоянии определенности (Eth. Nic. 1173a15-17), безмятежности (Clem. Strom. II 133, 4).

Предпринятое исследование позволит понять диалог Платона «Филеб, или об удовольствии» как отражение имевших место дискуссий между Академией (Спевиспп, Ксенократ, Гераклид) и так называемыми сократиками – Антисфеном и Аристиппом. В заключении будет показано, что аристотелевская концепция удовольствия формируется в ходе этой полемики

Муртазина Дания Камильевна
Магистрант, 1 курс, Саратовский научный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

РАЗВИТИЕ ПОНЯТИЯ СВОБОДЫ: ОТ АНТИЧНОСТИ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

В данной статье автор рассматривает формирование понятия свободы в новоевропеской философии. Употребление слова свобода встречается еще у древнегреческих философов, так же у Гомера, но это слово не является для них философской категорией. Отношение к свободе в Древней Греции складывается из политической принадлежности: гражданин полиса или раб. В древнегреческом языке слово ελευθερία используется для обозначения физической свободы человека, свободен тот, кто не раб. В Платеях и Сиракузах существовали праздники Свободы, на которых праздновали освобождение от захватчиков или от тирана. Позже в латинском языке слово libertas означает то же. Впервые свобода как философское понятие, встречается у софистов, они определили свободу как внутреннюю способность отдельного человека, а не внешнюю. Эта идея получила свое развитие в работах философов средних веков и нового времени.

В эпоху Возрождения христианское представление о свободе, данной богом человеку, трансформируется в свободу, определяемую самим индивидом. Обращение к проблеме свободы таким образом позволяет увидеть переходный момент мысли от свободы божественной к свободе, которую индивид сам для себя определяет, более того он определяет свое бытие через понятие свободы. С одной стороны обращение к свободе как самостоятельному философскому понятию обусловлено деятельностью человека, которая отделяет его от природы, человек уже не является неотъемлемой частью природы, с другой стороны мысль о деятельности человека отдельной от божественной деятельности, свободной творческой деятельности в эпоху Возрождения.

В философии Нового времени меняется не только точка зрения в отношении понятия свободы, но и сам метод постановки вопроса о свободе. Декарт, Спиноза, Локк, Гоббс, Лейбниц, после них Кант, Фихте, Шеллинг формулируют проблему свободы и ставят ее наравне с другими вопросами философии. В Новое время акцент перемещается в дру-

гую сторону – неотделимости индивида от природы. Новые философские методологии все больше отделяют человека от природы, но возможен ли этот разрыв до конца и какие вопросы он перед нами поставит. Вернувшись к мысли стоиков, мы увидим сходство между ними. Тема свободы, захватившая довольно большое пространство для размышления у философов XX века, как мы видим в ходе текста, формировалась на протяжении большого промежутка времени от античной философии до Нового времени, дальше получила свое развитие в немецкой классической философии. То привычное понятие свободы, о котором мы можем свободно говорить нужно, расшифровать, то есть проследить его возникновение.

Мухутдинов Олег Мухтарович
Кандидат философских наук, доцент
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина

ЭТИКА КАНТА И ОНТОЛОГИЯ ПРАКТИЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ

В «Основоположения метафизики нравственности» Кант приводит содержательную формулировку категорического императива. Согласно этой формулировке моральным считается поступок, максима которого позволяет рассматривать себя и в своем лице все человечество как цель, а не как средство. В «Критике практического разума» Кант использует внешне формальную интерпретацию категорического императива. Для представителей неокантианской и феноменологической философии это является поводом для критики формализма и выходящего за пределы здравого смысла рационализма кантовской этики.

Эта критика представляется сомнительной. Прежде всего, Кант прекрасно знал о различии материального и формального подхода к обоснованию системы морали. Вопрос заключается в том, почему Кант предпочел формальную интерпретацию категорического императива. Далее, несмотря на кажущийся формализм системы практического разума, не следует исключать возможности иной интерпретации.

Предпосылкой кантовской практической философии является феномен существования человека в мире. Исходным пунктом анализа является феномен личного мира. Максимой называется принцип организации системы ценностей такого личного мира. В этом случае максима является основоположением, определяющим горизонт такого мира. Движение исторической жизни осуществляется во взаимодействии различных личных миров. Взаимодействие личных миров осуществляется в универсальном горизонте всемирности. Выявление горизонта всемирности связано с преодолением ограниченных пределов конкретного личного мира и является свободным действием личности. Так возникает возможность содержательной интерпретации категорического императива Канта: «Поступай так, чтобы максима, являющаяся принципом организации системы ценностей твоего личного мира, могла равным образом рассматриваться в качестве условия возможности выявления универсального горизонта всемирности всех разумных существ».

Радикальной формой интерпретации кантовской этики является онтология практического существования человека в мире. В рамках этой интерпретации появляется возможность заново дать дефиницию основным понятиям системы практического разума Канта. Так, к примеру, доброй называется воля, действующая в рамках указанного универсального горизонта.

Предлагаемая интерпретация дает новые возможности для обсуждения этики в рамках систем классического немецкого идеализма и в современной философии.

Никифорова Анастасия Владимировна
Студент, 4 курс, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

МОДЕРНИЗАЦИЯ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ НРАВСТВЕННЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Образовательные реформы, начавшиеся в России ещё в 90-х годах, изменили не только саму систему школьного образования, но и привели к существенным переменам в этической деятельности самих педагогов.

В начале 90-х годов, после развала СССР, на фоне всех катастрофических событий стала распадаться и действующая на тот момент образовательная структура.

Во многом эти перемены привели к следующим последствиям:

1. Сокращение возможности получения высшего образования;
2. Падение качества образования по стране из-за недостатка финансирования и технического оснащения;
3. Приватизация образовательных учреждений и превращение их в коммерческий продукт для прибыли;
4. Противоречие Конституции, являющейся гарантом бесплатного полного среднего образования.

Известно, что одними из самых активных членов общества являются именно ученики и студенты, поэтому уже с конца XX века образовательная сфера оказалась самым настоящим идеологическим полем в руках действующего правительства, и не только Российского, но и зарубежного.

Принято считать, что российская культура обладает набором специфических этических ценностей, выделяющих её среди остальных: 1. Самопожертвование. 2. Коллективизм. 3. Нестандартность мышления. 4. Приверженность традициям.

В 90-х, в России данные ценности начали попадать под влияние западных и американских норм и правил жизни. В современном российском обществе традиционные этические ценности начали противопоставляться модным западным и американским. Данный аспект часто воспринимается негативно отечественными специалистами, поэтому вопрос о культурной самобытности России начинает подниматься всё активнее и активнее.

Однако тут следует задать два важных вопроса: так ли плохи эти ценности? Или главная проблема заключается в том, что в российском обществе они находят лишь своё крайнее проявление?

Следует отметить, что ценности, как таковые, не носят категориальный характер, их можно интерпретировать абсолютно по-разному, в зависимости от того, как, к чему и в каком контексте мы их употребляем.

Ценности, которые принято прививать нынешнему молодому поколению ещё со школы:

1. Индивидуализм. 2. Гедонизм и потребление. 3. Прагматизм.
4. Воспитание патриотизма.

Исходя из ценностей, приведённых выше, можно сделать вывод о том, что современное российское общество – это национал – либеральное общество.

Современное воспитание молодёжи базируется на двух противоположных, но в то же самое время взаимозависимых тенденциях: на патриотизме и экономике. Люди, в своём большинстве, патриоты, но при этом любящие деньги.

Из-за экономических проблем, существующих в современной России и из-за падения статуса такой профессии как учитель, такая американская ценность как утилитаризм начинает принимать крайнюю форму, становящейся в конфронтацию патриотизму.

Главная этическая проблема современного молодого педагога заключается не только в неумении считать культурный код общества, в котором он находится, но и в отсутствии

желания этот код модернизировать. Современная этическая составляющая молодого педагога должна базироваться, во-первых, на действительном желании помогать в образовании молодёжи, во-вторых, в возможности модернизировать и развивать нынешнюю систему образования, в-третьих, на открытом диалоге с детьми и их родителями, в-четвёртых, на собственном отражении всех культурных и нравственных начал человека, и, в-пятых, на создании единой национальной идеи.

В разрешении данной проблемы должны быть заинтересованы и государство, и общественные институты и все остальные российские граждане.

Новикова Ольга Валерьевна
Кандидат философских наук
Европейский Университет в Санкт-Петербурге

НЕЙРОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЭМПАТИИ

Говоря об эмпатии, мы можем иметь дело с рядом дисциплин: философией, антропологией, социологией, психологией, физиологией, нейрологией. У каждой из этих наук есть своя точка зрения на этот феномен. Ее можно рассматривать как процесс, как состояние, как инструмент. Более того, в исследовании может не быть определения вовсе – некоторые авторы полагают его общим местом, и нет нужды обращать внимание на такой очевидный момент. Эмпатия – важный объект для исследования, потому что ее определение отражает точку зрения на фундаментальные вопросы: проблема разума и тела, существование свободы воли и морали в целом, вопрос существования альтруизма. Более того, интересно изучить, физический или сознательный это феномен.

В этом исследовании мы рассмотрим эмпатию как сферу пересечения этики и нейронауки и посмотрим, есть ли общая точка зрения на на этот феномен и есть ли у нее прочное основание. В конечном итоге, на примере эмпатии мы постараемся проследить современные отношения между философией и естественными науками в целом.

Открытие зеркальных нейронов – нейронов, которые активируются и когда человек что-то делает, и когда он наблюдает, как кто-то другой делает то же самое, - с одной стороны, является прорывом в понимании эмпатии как биологического процесса. Они стали способом объективировать эмпатию и измерить ее, сделать ее проверяемым феноменом. С другой стороны, их активность была включена в уже существующие теории того, как эмпатия в целом работает, и это открытие не создало большого философского сдвига.

Несмотря на то, что есть доказательства того, что у эмпатии есть биологическое составляющее, особенно после открытия зеркальных нейронов, не ясным остается, является ли этот феномен полностью биологическим или, если нет, в какой мере. Некоторые авторы приписывают ей больше сознательных признаков, некоторые – чисто нейрологические функции мозга. Соответственно, мы видим либо свободного человека, либо заложника нейрологического детерминизма.

Новожилова Елена Олеговна
Доктор социологических наук, доцент
Галковская Оксана Альбертовна
старший преподаватель
Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК ВАЖНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ВРАЧЕБНОЙ ЭТИКИ

Толерантность – важное качество, помогающее человеку, живущему в сложных условиях современного общества, избегать конфликтов. Необходима она и врачу, которому приходится иметь дело с разными людьми, часто принадлежащими к другим культурам. Новая

модель взаимоотношений «врач-пациент» – модель информированного согласия – делает необходимым развитие ряда этических качеств, не свойственных – или не нужных – прежней патерналистической модели. К таким качествам относится толерантность.

Студенты медицинских ВУЗов называют тему толерантности одной из самых острых, вызывающих с их стороны неизменный интерес. Идя навстречу пожеланиям студенческой аудитории, кафедра социально-гуманитарных наук, экономики и права СЗГМУ им. И.И. Мечникова запланировала на первую декаду ноября круглый стол на тему «Экстремизм в молодежной среде и толерантность».

Преподаватели кафедры подошли к теме воспитания толерантного отношения у студентов неформально, с тем, чтобы проработать все аспекты проблемы. На семинарских занятиях по социологии, биоэтике, праву, культурологи и истории были организованы и проведены фокус-группы (участием в них было охвачено более 150 студентов Медико-профилактического факультета), предлагался тест, определяющий уровень толерантности к разным культурным проявлениям (всего около 500 человек лечебного, медико-профилактического и стоматологического факультетов). Кроме того, в качестве отборочного тура для участия в круглом столе всем желающим принять участие было предложено написать эссе на заданную круглым столом тему.

По результатам фокус-групп, тестирования и представленным эссе можно сделать ряд выводов:

1. Часть студентов понимают толерантность ограниченно, как терпимость к представителям других наций и национальностей, хотя большинство правильно истолковывают это понятие, как терпимое отношение ко всем культурным проявлениям, отличающихся от тех, что привычны для самого человека (при условии, что эти проявления не нарушают общественный порядок).
2. Уровень толерантности (а по 10-балльной шкале подавляющее большинство студентов оценили для себя этот показатель в интервале 7-9) определяется культурой, в которой происходила первичная социализация человека. Так, замкнутые культуры (деревни, небольшие города) воспитывают в человеке меньшую терпимость к чуждым культурным проявлениям. Студенты, выросшие в мегаполисе или воспитанные в семьях эгалитарно-демократического типа, легче выстраивают отношения с разными людьми, диапазон приемлемого для них шире, а подходы к решению конфликтных ситуаций более гибкие.
3. Студенты, требующие по отношению к себе большей толерантности со стороны других людей, чаще всего сами понимают толерантность узко и односторонне. Они не готовы идти на компромиссы и наименее толерантны к представителям субкультур и маргинальных социальных групп.
4. В целом, молодое поколение проявляет большую толерантность в сравнении с представителями старших поколений. Не последнюю роль здесь играют уровень образования и опыт жизни в сравнительно открытом обществе, разнообразном и сложном по своей сути. Первостепенное значение для молодежи начинает приобретать персональный комфорт, и проблема толерантности становится проблемой, только если она представляет угрозу персональному комфорту.

Обидина Анна Сергеевна
Студент, 4 курс, Саратовская государственная юридическая академия

ЭМПАТИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Эмпатия развивается у человека естественным путем, начиная с рождения. Способность поставить себя на место другого человека заставляет людей следовать определенным моральным принципам, что по мнению Мартина Хоффмана, является корнем нравственного поведения. Однако моральные требования меняются со временем. В прошлые столетия

люди узнавали новости из газет, радио. Для них кричащие заголовки были лишь предметом обсуждения и развлечения. Сообщения в газетах не имели к простому гражданину того времени никакого отношения, он не видел страдания этих людей. Поэтому требования по эмпатии и сочувствию распространялись только на узкий круг близких и знакомых. В конце XX в. и в XXI веке расширение информационного пространства изменило ситуацию. Заходя в социальные сети мы уже видим пострадавших и непосредственно общаемся с ними. В новой системе от нас требуется совершенно иной уровень транспарентности и эмпатии. Глобальное информационное пространство слишком стремительно изменило социальные связи между людьми и многие пока не привыкли открыто и постоянно выражать свои эмоции. В этой связи формируется ряд проблемных сфер социального взаимодействия. Первая- люди самостоятельно формируют свою ленту новостей в социальных сетях. Однако постепенно лента событий начинает восприниматься ими как объективная реальность. Это неизбежная аберрация мышления, но она довольно непредсказуема и опасна в новой информационной реальности. Каждый человек исходя из своей ленты формирует новые этические принципы, которые зависят от того насколько человек устал из-за необходимости постоянно сопереживать другим в публичной среде. Вторая- как происходит манипулирование информационным пространством. Этические принципы, формируются исходя из социальной установки. Но, что будет если через информационное пространство менять ценность и представления о нормальном. Третья – формирование новой ритуальности через социальные сети. Например, через ритуал публичной скорби. Люди, узнавшие о катастрофе, массово приносят цветы, свечи, игрушки к значимому месту. В России, по мнению Екатерины Шульман, «спонтанно формируется новая ритуальность». Ритуалы- это значимый социальный конструкт. Этими ритуалами повышается эмпатия к людям из другой части мира.

Таким образом, информационное пространство может действовать на нас двояко. Сближая людей или же разобщая. Преимущественно социальные сети и информационная открытость повышают этические стандарты. Все люди с аккаунтами в социальных сетях чувствуют, что они обязаны как-то выступить в публичном пространстве (написать пост, выложить новую фотографию). Высказать мнение о каким-то значимом событии и почувствовать свою социальную значимость.

Павлова Дарья Александровна
Аспирант, 1 курс
Саратовский государственный университет имени Н.Г.Чернышевского

ТРАНСФОРМАЦИЯ БАЗОВЫХ ЭТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ АНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Все люди необходимо действуют в соседстве с другими людьми, вслед за Аристотелем говорит Х. Арендт в книге «Vita activa, или О деятельной жизни», и сразу же делает важное замечание: современный человек утратил смысл πολῑτική, который был у древних греков, заменив его на «homo est naturaliter politicus, id est, socialis». У Сенеки ζῶον πολιτικόν становится animal sociale, политическое замещается общественным, хотя в древнегреческом языке слово социальный отсутствует. Общественность для древнего грека была не особенной чертой человека, но, напротив, указывала на его сходство с животными, потому βίος πολιτικός противопоставляется οἰκία. Еще одним искажением в понимании человека стал перевод аристотелевского «ζῷον λόγον ἔχον» как animal rationale, причем Аристотель не стремился здесь дать определение человека, но отметить, что человек – гражданин λόγον ἔχον, в отличие от рабов и варваров, которые вне логоса.

Что касается образа жизни древних греков, то Арендт говорит о жизни свободных людей, которые могут участвовать в политической жизни, для чего человек должен обла-

дать мужеством «выйти из дома» (наличие которого как раз и отличает его от рабов) на агору, произвести впечатление своей речью на публику, тем самым остаться в памяти граждан, неготовность же к этому считалась рабской чертой – трусостью. Жизнь домашнего хозяйства обеспечивала благоприятную жизнь полиса: наличие частной собственности служило границей между интимным и публичным и знаком того, что гражданин, обладающий частной собственностью, уже не занят увеличением богатства, и потому свободен для дел во благо полиса.

Но в Новое время политическое пространство сопоставляется с домашним хозяйством. Эта тенденция стремительно утверждалась, все сильнее подавляя значимость сферы интимного, а вместе с тем и значимость поступка, совершаемого в публичном пространстве. Тогда же более явным становится различие между трудом интеллектуальным и созданием, причем в этом смысле интеллектуальный труд, не связанный напрямую с материалами и предметами, воспринимается как менее производительный за счет сложности оценки его продуктивности, хотя остаётся важным для функционирования общества.

На смену homo faber пришел animal laborans, стремящийся к изобилию вещей, он больше не строитель мира и не ищет в нем своего места, а производитель продуктов, которые подлежат потреблению, и тем самым он, в качестве рабочего, теряет политическое значение – его сфера теперь – общество, социальное; утрачивает чувство необходимости жизни, а за ним и не-обходимости собственной смерти.

Х. Арендт пишет, что античное понимание вечности мира, способности к созерцанию, где было место для философского удивления, утрачено, классические вопросы, касающиеся существа и смысла политики и власти, которые прежде ставились философами, отодвинуты на второй план рассуждениями об условиях человеческого существования и их изменении с помощью политического действия, а с другой стороны, об изменении природы человека во благо общества. Теперь речь идет о прогрессе общества, промышленной революции, разделении труда, эмансипации и т. д. Общественное в современном смысле слова появилось вместе с упадком значения семьи, и то, что мы называем сегодня социальным у греков было помещено в приватное. Мы видим, что и экономика (οἶκος) перестала быть частным делом, сегодня это также деятельность общества, стерто понятие человеческого рода, а политическое не отличается от общественного. Начало таких изменений Ханна Арендт видит в технической революции, кардинально изменившей порядок мира. Такое положение дел для современной философской мысли представляет существенный вызов.

Парфёнов Василий Андреевич
Студент, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕВОЛЮЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРЕДПОСЫЛКИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Говоря об искусственном интеллекте, прежде всего, нужно прояснить, что для этого не следует использовать будущее время. Искусственный интеллект существует достаточно давно, а сейчас уже занимает крайне важное место в жизни человека. Некоторые этические проблемы уже появились на горизонте теоретической этики, некоторые уже рассматриваются (проблемы, связанные с автопилотируемыми автомобилями) Пришлось все таки упомянуть!

Ряд ученых убежден в том, что в обозримом, а, возможно, и ближайшем будущем круг проблем несоизмеримо увеличится. Явление это они склонны называть революцией. Почему? В подтверждение скорым изменениям существуют два основных довода. Первый – закон эксподенциального роста, или закон ускоряющегося развития, как основная

объективная предпосылка революции ИИ. Второй – механизмы работы нейросетей, и процессы самообучения как основная субъективная предпосылка.

Когда это случится? Для начала необходимо разделить уровни искуственного интеллекта на ANI (слабый), AGI (сильный) и ASI (сверхинтеллект). Первый уровень уже существует, и широко распространен в мире. Настолько, что его внезапное исчезновение способно остановить работу в некоторых сферах экономики и человеческого функционирования, ведь очень строго говоря, ИИ, который мы имеем сейчас – любая прописанная и заданная человеком программа. Под двумя другими видами я подразумеваю нечто другое, более сложное и комплексное. Сейчас прежде всего речь идет о времени появления AGI. Прогнозы различны и разделяются на три основных варианта: не ранее 2030, 2050 и 2075 годов. Сам по себе сильный интеллект откроет большой спектр моральных проблем, способных привести к серьезным социальным изменениям.

Прежде всего, когда ИИ достигнет человеческого уровня интеллекта, перед нами встанет вопрос о его положении. Равен он нам или подчинен? Если равен, то необходимо наделить его правами и свободами. Если свободами, то, стало быть, и ответственностью. И как, исходя из чего мы будем эту ответственность оценивать? В конце концов возможен ли глобальный конфликт между интересами человечества и ИИ? Другой ветвью может стать проблема сознания, о котором и у человека выяснено очень немногое. Если сознание обретается с социализацией, то почему бы ему не возникнуть у сложной программы, способной анализировать происходящее вокруг?

Куда большее влияние на человечество может оказать ASI. Британский философ Ник Бостром выделяет здесь две перспективы развития человечества: либо мы полностью вымираем как вид, либо обретаем бессмертие. Подобное заявление носит весьма провокационный характер, однако возможно. На помощь приходит опыт жизни и вымирания всех биологических видов и нанотехнологии.

Прогнозы здесь делятся на оптимистичные и пессимистичные. «Не существует сложных проблем, есть только проблемы, которые сложны для определенного уровня интеллекта». С появлением ASI есть риск, что бессмертие войдет в сферу этических вопросов. То, что оно может повлечь, уже колоссально для человечества. Оно поменяет очень и очень многое в существующих человеческих взаимоотношениях. Например, до сих пор философия и этика была ориентировано на то, что человек смертен, конечен. С исчезновением этого важного момента, как человек воспримет бесконечность? Может ли он ее вообще воспринять? Если сможет, то какое место в жизни будут иметь аффекты и чувства? Также важен вопрос, который при разговоре о сверхинтеллекте не может не возникнуть: кто станет господином на земле? Останется ли этот статус за человеком или перейдет в те руки, поведение которых мы предсказать, возможно, не сумеем.

Однако, в сфере ИИ следует соблюдать определенную осторожность. Чем выше изменения, тем больше возможностей развития, тем больше сценариев. Ученым противопоказано гадать. Все, что они могут делать сейчас – это опираться на предполсылки настоящего, выбирать наиболее вероятные сценарии и прорабатывать их, потому что если революция ИИ случится (в чем убеждено подавляющее большинство научного мира, занимающегося этим вопросом), то это случится неожиданно, а человечество должно хотя бы быть об этом осведомлено.

Перова Нина Вадимовна
Студент, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ВОЛИ В ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ НЕЙРОЭТИКЕ

Проблема свободы воли всегда являлась одной из ключевых в этико-философских исследованиях. На сегодняшний день существует множество концепций, по-разному относя-

щихся к существованию свободы воли. Однако появление и активное развитие нейроэтики во второй половине XX века дало возможность изучать этот вопрос в новом ключе. Такие ученые как Б. Либет и Д.-Д. Хайнес хотели найти ответ на вопрос о наличии свободы воли и ее природе путем проведения экспериментов. Результаты этих экспериментов имеют большое значение для нейроэтики. Они позволили определить со значительной точностью момент формирования потенциала готовности, опытным путем прийти к выводу об абсолютном нейрофизиологическом детерминизме деятельности человека, а также определили введение Либетом понятия «вето». Однако многие ученые считают выводы подобных экспериментов менее однозначными, а некоторые даже оценивают их как неверные.

Вопросы вызывают методологии двух экспериментов. Время формирования потенциала готовности часто списывают на ошибки ученых. К тому же, понятие «потенциала готовности» и его роль в процессе движения не столь однозначны, как считают Либет и Хайнес. Наиболее активная критика этих экспериментов касается не их хода, и даже не терминологии, а сделанных выводов. Учеными ставится под вопрос логический переход от полученных в ходе эксперимента данных о простых действиях к выводам о деятельности вообще. Результаты, отражающие информацию о простейших движениях рук, Либет и Хайнес обобщают до выводов о всех видах деятельности, включая сложные процессы принятия решений. К тому же, действия, которые они исследуют, не требуют совершения какого-либо нравственного выбора, что также ставит под вопрос универсальность сделанных выводов.

Критики также привлекают внимание к тому, что Хайнес и Либет в значительной мере упростили понятие «свободы воли», что фактически делает и их выводы слишком упрощенными для этических дискуссий.

Несмотря на активное развитие нейроэтики в XXI веке, на многие вопросы ответов до сих пор нет. Наиболее важный из них: как выполнить переход от дескриптивных данных, полученных в ходе экспериментов, к нормативным выводам? И именно в этом заключается одна из наиболее существенных проблем современной нейроэтики.

Петрова Надежда Валерьевна
Кандидат культурологии, ассистент
Санкт-Петербургский государственный университет

НАСИЛИЕ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

Актуальность исследования феномена насилия и форм его проявления таких как война и терроризм, что на данном этапе человеческого развития приобретает значение синонимов, в межкультурном взаимодействии связана с углублением кризисных тенденций современного мира, ростом социальной напряженности и конфликтности общества. Мирные стратегии управления социальными противоречиями, разрабатываемые в мире, «культура мира и согласия», к сожалению, не приносят своих плодов, поэтому переосмысление восприятия насилия во взаимодействии между культурами является проблемой не только политической власти и социокультурных институтов, но и научной проблемой в том числе. Подходов к анализу феномена насилия, сложившихся в истории философской, социологической, политической и конфликтологической мысли, оказалось недостаточно для полного анализа причин увеличения крайних (экстремизм, терроризм, война) насильственных проявлений, происходящих в различных точках земного шара. Объяснение проблем проявления насилия в культуре является весьма актуальным, так как культура, как внебиологическая форма деятельности человека, формирует личность, создает механизмы взаимодействия в социуме, в которых и проявляют себя различные насильственные формы. Таким образом, большинство насильственных, кон-

фронтационных процессов современного общества разворачивается в плоскости культуры и вызваны деструктивными тенденциями в самом межкультурном взаимодействии. Это по большей мере связано с тем, что именно культура отвечает за аксиологическую (ценностную) составляющую человеческих отношений, формирует идеологический контекст взаимодействий в обществе придавая любому фактическому «объективному» действию «субъективную» окраску, приводя тем самым к оправданию любого насильственного акта.

Рассматривая различные формы межкультурных контактов можно сделать вывод, что насилие выступает в качестве имманентного механизма конституирования социокультурной реальности, наряду с другими ненасильственными формами взаимодействия. И радикализм а вслед за ним экстремизм, терроризм и война также выступают в качестве хоть и преступных, но попыток изменения существующей реальности. Радикализм, экстремизм и терроризм являются формами противостояния «мейнстриму» глобалистских тенденций в мировой культуре и как одна из форм проявления насилия в современности. Определение насилия как неотъемлемой составляющей межкультурного взаимодействия доказывает эвристическую целесообразность использования категорий насилия при анализе любых актов межкультурного взаимодействия. Так как, межкультурное взаимодействие, помимо мирных «диалоговых» форм, протекает и в формах конфронтации, соответственно, при построении и прогнозировании возможных моделей развития социокультурных ансамблей необходимо не исключать, а включать насилие как имманентную самой культуре структуру.

Пионткевич Лариса Юрьевна
Кандидат философских наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

ЦЕННОСТЬ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Современный американский гуманист Пол Куртц в работе «Запретный плод. Этика гуманизма» предлагает следующий каталог общих моральных ценностей: честность, правдивость, обязательность, искренность, верность, преданность, надежность, благожелательность, доброжелательность, непричинение зла другим людям, непричинение ущерба частной или общественной собственности, благодетельность, совестливость, порядочность, благодарность, ответственность, справедливость, терпимость, сотрудничество.

Можно согласиться с автором, что все перечисленное качества и принципы воспринимаются как ценные, т.е являются значимыми для человека и общества. Но действительно ли все они имеют отношение к нравственности? Существует множество человеческих качеств и черт характера, которые моральными не являются. Например, сила, ловкость, обаяние, улыбчивость, хороши сами по себе, но никакого отношения к нравственности они не имеют. Следовательно, чтобы ориентироваться в мире нравственных ценностей, необходимо иметь четкий критерий, позволяющий отличать нравственное от безнравственного.

Древнегреческое слово «добродетель» («arete») первоначально означало качество, делающее предмет пригодным к выполнению какого-либо действия. Нравственные добродетели у Аристотеля – это особые arete. Это такой «склад души», который превращает человека в zoon politikon – «политическое животное», по определению Аристотеля.

В первом параграфе «Никомаховой этики», предваряя свои рассуждения о добродетелях и счастье, Аристотель довольно четко определил роль государства в жизни граждан, настаивая на приоритетном характере блага государства по отношению к благу

каждого человека. Благо человека желанно, разумеется, но «прекраснее и божественней благо народа и государства». Являясь существом общественным «в большей степени, чем муравьи и пчелы», человек не может позволить себе произвольные действия, как бы хорошо он их не совершал и какую бы личную выгоду они ему не сулили.
Абстрактная концепция обособленного, «деконтекстуализированного» индивида, поведение которого базируется на строго рациональных предпочтениях сегодня не выдерживает критики. Человек не выбирает себя на пустом месте. Ему нужна община, которая определяет горизонт его самоопределения и выбора через нормы социального контроля и другие механизмы общности. Формальные и неформальные институциональные правила, социально-культурные эмоции чести, совести, гордости, стыда, смеха – все это уже содержится в ценностях конкретного социально-политического уклада конкретного социума. Общество всегда больше, чем совокупность составляющих его индивидуальных элементов, т.к именно общество формирует составляющие его элементы, как это показал Бертран Рассел в теории логических типов.
Статус социального существа обязывает человека вести себя вполне определенным образом, сверяя свои поступки с поведенческими моделями, признанными правильными в конкретном обществе, полагаясь на них как на условиях совместной кооперации. Совершать же правильные действия может только человек, обладающий определенными качествами – добродетелями: поделиться с ближним может только щедрый, т.е. обладающий добродетелью щедрости, прийти на помощь – милосердный, не спрятаться за спину товарища в бою – мужественный и т.п. Именно поэтому добродетели характера, задавая четкие ориентиры человеческому поведению, представляют собой ценность для всех взаимодействующих индивидов: они выполняют роль своеобразного индикатора нравственной состоятельности или несостоятельности, позволяя каждому понять, в какой мере и насколько можно рассчитывать друг на друга в осуществлении совместных проектов, (если рассматривать любое объединение как проект).
Таким образом, благодаря действующим в обществе нравственным ценностям формируются поведенческие эталоны – «поступай по совести», «будь справедливым» и «никогда не лги» и т.п. – посредством которых могут оцениваться последствия отдельно взятых действий или типов действий с учетом их влияния на весь социальный организм. Следуют этим эталонам добродетельные люди, способные сохранять и поддержать сложившуюся социальную целостность. Эти эталоны и определяют, какое социальное поведение признаётся хорошим (добро), а какое плохим (зло). Без них никакой союз невозможен. Причем уровень сложности и качество совместной организации здесь значения не имеют. Не важно, идет ли речь о существовании такой разветвленной социальной структуры, как государство, полис, община, племя, или же это просто студенческая группа, молодежная компания, творческий коллектив и т.п. Везде с необходимостью формулируются правила, главная цель которых сориентировать каждого члена объединения на признание другого в качестве ближнего, равного, достойного уважения. Так формируется единственный в своем роде аспект реальности, где существование само по себе, вне отнесенности к целому, есть лишь беспочвенное бытие, фрагментарное существование, и, по большому счету, лишено смысла.
Вывод: ценность нравственных ценностей обусловлена их способностью обеспечивать интеграционные процессы конкретного этоса посредством внедрения типовых поведенческих моделей, реализуемых на индивидуальном уровне как движение навстречу Другому. Ведь мораль, по справедливому замечанию Э. Дюркгейма, начинается там, «где начинается привязанность к группе, какой бы ни была последняя».

Лишь в той мере и настолько, в какой и насколько «всеобщее» признается отдельными индивидами и ориентирует их реальное поведение, превращая его в нравственное, лишь постольку это «всеобщее» существует.

Вопрос, который должен быть поставлен далее, когда благородная миссия нравственных ценностей в целом определена, состоит в следующем: чем обусловлен описанный выше эффект – сохранение целостности совместной кооперации, или иначе: каким образом моральные ценности способствуют общественной сплоченности?

Познякова Ольга Леонидовна
Кандидат философских наук, доцент; зав.кафедрой философии и политологии
Белорусский государственный медицинский университет

СОЦИАЛЬНАЯ ДРАМАТУРГИЯ И. ГОФМАНА: ЭТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Традиционно понятие драмы рассматривается в эстетическом, культурологическом, филологическом, искусствоведческом, литературоведческом контекстах с целью более детального изучения ее сущности, специфики, формы и содержания на различных этапах исторического эволюционирования. Исследователей, как правило, интересуют проблемы, связанные с выявлением родовых литературных отличий драмы от эпоса и лирики; трудности при выявлении содержательно-жанрового своеобразия трагедии, драмы и комедии; состояние указанных проблем в истории мировой эстетической и литературоведческой мысли, и т.п. Характерно, что драма всегда была объектом исследования прикладных, узкопрофильных дисциплин в сфере искусства и никогда не становилась предметом метатеоретического уровня исследования. Иными словами, драма никогда не выступала в качестве философской категории с инвариантной структурой, в качестве методологического инструментария анализа макроструктурных процессов в обществе.

Трансдисциплинарное использование драматургической терминологии становится возможным только к середине XX века, когда в практической социологии актуализируются исследования законов и ритуалов социального поведения людей. Так, И. Гофман (1922-1982), американский социолог канадского происхождения, в своей работе «Представление себя другим в повседневной жизни» [1] разработал уникальный драматургический подход, который обычно используется в микросоциологических исследованиях для описания социальных взаимодействий в повседневной жизни. По мнению американского мыслителя, «если мы представляем себя в роли режиссёров, наблюдающих за тем, что происходит на сцене повседневной жизни, то мы проводим драматургический анализ, – изучение социальных взаимодействий, используя терминологию театрального представления» [2, с. 133].

Основной недостаток данного подхода связан с тем, что социальное взаимодействие здесь трактуется преимущественно как игра людских воображений друг о друге. Человек непосредственно существует для другого человека лишь как воображаемая сущность, воздействующая на его разум. Взаимодействие происходит не столько между индивидами как субъектами, целостными неделимыми личностями, сколько между разными социальными ликами индивидов, как бы между изображаемыми ими персонажами. Подобную позицию Джордж Герберт Мид назвал «социальным солипсизмом». Более того, в контексте такого анализа форм и ритуалов межличностого взаимодействия нет места действию моральному, поскольку все нацелено на решение прагматических задач, и свобода воли совпадает с необходимостью. В связи с этим современный американский социолог Джон Уэлш в своей статье «Драматургический анализ и социальная критика» назвал теорию И. Гофмана «продуктом потребления» [3, с. 35].

Автор доклада в своих рассуждениях предлагает вариант преодоления этических затруднений микросоциологической драматургии И. Гофмана. А именно, рассмотреть драму не как метафору для описания микрокосма, в котором живет человек, а как формулу или модель реально происходящих глобальных процессов в обществе, как идею, которая несет в себе организующее, центрирующее и моделирующее начало, в своей инвариантной структуре содержащее все аспекты социальной драматизации.

Для того, чтобы в доказательной форме положительно ответить на вопрос, обладает ли драма по своей инвариантной структуре всеми аспектами социальной драматизации, необходимо, в первую очередь, выполнить морфологический анализ драмы на наличие в ней неких обязательных, инвариантных компонентов, которые могут отражать специфику процесса социальной драматизации. После этого необходимо провести структурно-функциональный анализ и показать, что каждая структурная единица драмы выполняет свою функцию в составе единого целого, что эти функции могут полагаться как в поле драмы, так и в поле социальной реальности. И наконец, при помощи выстроенной модели драмы эксплицировать возможность конструирования и прогнозирования реальных макроструктурных процессов в обществе.

Такова стратегия оптимизации метода социальной драматургии И. Гофмана. Она позволит скорректировать направленность макропроцессов в сторону так называемого «катарсического глобализма» – глобального сообщества, вечного мира, избегая фрустрирующих сознание людей последствий, приводящих к социальным катастрофам.

Литература

1. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни // Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. М. : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. – 304 с.

2. Macionis L., Gerber K., John C., Linda E. Sociology, 7th Canadian Ed. Toronto, Ontario: Pearson Canada Inc. 2010. Pp.125-140.

3. Welsh J. Dramaturgical Analysis and Societal Critique Piscataway, New Jersey. Transaction Publishers, 1990. – 68 p.

Положенцев Андрей Михайлович
Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОЕКТ КАНТА: КАКОВО БУДУЩЕЕ У ЭТИКИ?

РФФИ-ОГН №16-03-00388

Кантовская философия в целом видится нам как проект онтологии, гносеологии и метафизики, даже новой науки, в котором центральное место принадлежит разуму, сердцем которого является моральность и ее безусловное условие – свобода. Проект пока не реализованный, но безусловно, что сама возможность его была заложена Кантом.

Гносеология. Словарям Кант известен как агностик. Вещи-в-себе непознаваемы, и не могут проявиться в феноменальном мире. Однако все мы помним, что агностицизм Канта имеет моральное основание. Мы не знаем и никогда не узнаем решения двух основных вопросов метафизики – о существовании Бога и бессмертии души – потому, что иначе человек перестанет быть моральным существом. При этом третья вещь-в-себе, свобода, напротив, очевидна самим фактом того, что мы мыслим. Разум именно таков, потому что он – свободное существо.

Онтология. Во времена Канта детерминистская метафизика являлась фундаментальной. Детерминизм является основным постулатом метафизики в отношении внешнего мира, «порядка природы». Кант скорее разрушает его. Мир природы таков для того, чтобы в нем был возможен поступок. Целевая причина вкрадывается в саму ткань реальности,

не разрывая ее, а обслуживая. И потому и онтология, и гносеология у Канта есть антропология.

Антропология. Если человек определяется через свободу, то очевидно, что основным долгом и моральной добродетелью его является следование истине. Она есть то единственное, что делает его разумным существом. У человека нет права лгать – это не высокий, но неисполнимый мотив. «Не лгать» значит становиться личностью.

Речь идет о том, как возможен человек. То есть, здесь решается трансцендентальный вопрос антропологии, а не конкретная ситуация. Если угодно, задача Канта – не решить моральную дилемму, а с ее помощью окунуться в самую гущу идеи «человек».

Волить и существовать. И тогда возникает вопрос: а кто именно в таком случае волит? Что значит быть разумным и, главное, какова технология становления разумным? Культура в таком случае есть инструмент культивации воли и разума, но не их источник. Но их источником не может быть и природа! Природа может порождать лишь порядки вещей, но не порядки свободы.

Материя свободы. Две сферы сущего, которые определяет кантовская трансцендентальная позиция требуют своей метафизики. Это – метафизика естествознания и метафизика нравов. Нравы составляют материю царства свободы, ее атомы и кирпичики. В субъекте этики мы не находим ничего, что не состояло бы из известного нам вещества – свободы. Тогда можно сказать, что материя «я» есть воля. Однако откуда берется сама воля?

Практическое «я» состоит из желания. Желание оказывается феноменологическим содержанием свободы. Согласно этой новой метафизике человек стал единственным существом, обладающим признаками разума. Т.о. человек «ввязан в ход вещей». Он действует и он поступает – его действия производят нравственные события. Человек становится самой важной частью мироздания, без него ничего не будет происходить в мире, лишь только случаться. Целевая причина, на самом раннем этапе становления новоевропейской метафизики исключенная из физики, возвращается в природу, но через человека. Мир становится завершённым, лишь когда в нем появляется разумное существо.

Что можно сказать в заключение об этом проекте? То, что по сей день проект Канта в этой своей части продолжает оставаться на периферии. Всем понравилась его гносеология и метафизика «порядка природы». Но его эвристический агностицизм, антиномизм, антропологизм и телеологизм никак не может быть принят майнстримом современной мысли, поскольку ей тогда придется распрощаться со своим основанием.

Поляков Александр Валерьевич
Аспирант, 2 курс, Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н.Г.Чернышевского

ПРИНЦИП «ТОЧНОГО МЫШЛЕНИЯ» М.К. МАМАРДАШВИЛИ И ПРОБЛЕМА РАЗДЕЛЕНИЯ ДУШИ И ТЕЛА У ДЕКАРТА

Речь пойдет о вопросе, который так или иначе возникал у каждого мыслителя, соотносящего себя с традицией картезианства: каким образом в человеке совмещаются мыслящая и протяженная субстанции, принципиально отличные друг от друга? Уже Мальбранш отвергает положения Декарта о шишковидной железе и «животных духах». Духовной и телесной субстанциям он отводит сугубо пассивную роль, полагая причину их объединения в Боге. При этом, постулируя необходимость такого божественного акта, он изымает из пространства cogito факт мышления о протяженных вещах, подспудно предполагая его осуществленность. За счет этого жеста ослабления cogito и выявляется мыслящий субъект, идентификация которого будет состоять в противопоставлении внешним для него объектам. И в дальнейшем плоды рассуждений Мальбранша уже не

дадут толчок для возникновения новых ходов в рамках данного вопроса, но скорее послужат закреплению восприятия философии Декарта как философии дуализма.

Декарт в разработке своего метода не раз упоминает необходимость математической точности при разработке любого вопроса. Соразмерность актов мышления идеальным фигурам (чаще всего он приводит пример с треугольником) обеспечивает надежность, которая противопоставляется ненадежности чувственных актов восприятия. Следствием этого является простота разрабатываемых положений, что позволяет с легкостью возвращаться к ним вновь и вновь. Соотнесенность с идеальными объектами также удерживает res cogitans в пространстве, свободном от чрезмерных измышлений. Такого рода чрезмерность Декарт связывает с сиюминутностью воображения индивида и описывает как всегда влекущую за собой погрешность в высказывании.

Мераб Константинович Мамардашвили разрабатывает этот момент строгого усмотрения как момент сугубо этический. Одним из мотивов его философии является выражение: «дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно». Неточность мысли, которую человек всегда каким-то образом смутно воспринимает, в противопоставлении живого мертвому непосредственно отсылает нас ко второму. Живое с необходимостью разрабатывается в рамках символического мышления – в соотнесенности с тем, что чуждо конкретной индивидуальной жизни, поскольку само начало (причина) мышления не дается, не вычленяется в процессе мышления. Эту соразмерность Мамардашвили называет «плодотворным воображением». Именно его точность удерживает мысль в рамках того, что ее породило, а значит – позволяет ей продолжаться как живой.

Полякова Наталья Валерьевна
Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

ФЕНОМЕН ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРАХА: ЭТИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ

Феномен страха настолько многогранен, что его исследования составляют сегодня широкое междисциплинарное поле, вбирающее в себя как естественнонаучные, так и социогуманитарные проекты. Особое место в этом пространстве занимает тема политического страха, которая особо актуализируется в переходные и кризисные периоды общественного развития, когда повышается интенсивность и широта распространения данного феномена, захватывающего отдельные социальные группы или целые сообщества.

Несмотря на то, что с развитием цивилизации происходила постоянная модификация форм политического страха, сама его суть, а также способы применения и культивирования сохраняют свое влиятельное значение в пространстве политического. В отличие от индивидуальных форм, страх политического плана зарождается внутри самого общества и в обязательном порядке имеет далеко идущие общественные последствия в самых различных сферах социально-политического бытия, оказывая, например, влияние на определение векторов внешней и внутренней политики, на способы рекрутирования и характер политической элиты, и даже на формирование законодательной базы. Возникая из конфликтов внутри определенного общества или между отдельными сообществами, он служит одним из самых эффективных инструментом политической власти. Но вместе с тем именно эта инструментальная, репрессивная реальность политического страха в современных условиях предстает хорошо завуалированной.

Репрессивные функции политического страха оказываются сегодня скрытыми под слоем социокультурных и политико-идеологических установок, предпосылочное оформление которых происходило в течение всего предшествующего периода, начиная с эпохи Возрождения. В классический период мораль, общество, политика были вписаны в естественный порядок вещей, из которого человеческая личность черпала истоки своей

идентичности. Поэтому и представления о страхе зависели от предшествующих представлений о добре и зле, которые в свою очередь выкристаллизовывались благодаря традиции, законам и социальным институтам, в частности, таким, как религия и образование. Именно благодаря предварительной этической рефлексии и сознательному сотрудничеству индивида, общества и государства оформлялись представления об объектах политического страха, а также о его индивидуальных и общественных последствиях. В условиях же современности, когда личность сама становится творцом своей собственной идентичности, а также творцом морали и политики, страх не только лишается своих предварительных этических оснований, но и приобретает самостоятельное значение: в нем самом начинают видеть основание для духовного и гражданского пробуждения, для морального и политического обновления. При этом сами объекты страха выводятся за пределы политического, поскольку только их деполитизация позволяет добиться морально-политического единения как предпосылки гражданского обновления и воспитания в духе определенных политических ценностей.

В результате подобного мировоззренчески обусловленного переосмысления феномен политического страха выводится за пределы политико-инструментального контекста и начинает трактоваться как возможное основание обновления общественной жизни, что на самом деле осознанно или неосознанно приводит к сокрытию подлинных социальных противоречий и морально-политических проблем, к производству и усилению в современных обществах скрытых форм политической репрессивности.

Попов Данил Сергеевич
Магистрант, 1 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

СТОИЧЕСКАЯ МОРАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ: СЛУЧАЙ Ж.-П.САРТРА

Стоическая моральная философия сегодня имеет особую популярность в рядах военнослужащих (прежде всего, это касается США). Сам характер стоического нарратива, с провозглашаемым им презрением к смерти и боли, с проповедью мужества и необходимости следования долгу, с декларируемой необходимостью служить «общественному» легко воспринимается теми, кто идет на войну. Широко известен случай американского офицера Дж. Стокдейла, следовавшего учению Эпиктета во вьетнамском плену (1965-1973); оценки стоицизма М. Энтони (ветеран Иракской войны) и М. Харди (военный из Великобритании) как наилучшей для военного философии. Однако существует и противоположный взгляд. Ж.-П. Сартр, будучи мобилизован на военную службу в период «Странной войны» осенью 1939 г. вел подробный дневник (сентябрь 1939 – май 1940 гг.), где полемизировал со стоической философией как философией-для-войны, анализируя и подвергая критике ряд её основных постулатов. Сартровскую критику стоицизма можно свести к нескольким основным аспектам.

Во-первых, в теоретическом плане философ критикует стоическое разделение вещей на независящее (τὰ οὐκ ἐφ' ἡμῖν) и зависящее от нас (τὰ ἐφ' ἡμῖν). Приняв вслед за стоиками идею о «внешнем» для нас характере войны, рассматривая её как болезнь или бедствие, не достигающее нашего внутреннего «Я», человек впадает в «ловушку неподлинности». Согласно философу война – важный модус бытия-в-мире, имманентность которого человеческому «Я» Сартр подробно доказывает феноменологически.

Во-вторых, Сартр осознает, что выбор им стоической позиции перед лицом войны есть лишь неискренняя уловка, «хитрость самоуспокоения» для бегства от подлинной реальности: средство, применяемое с тем, что бы по прошествии опасности вновь отложить его в сторону, как сыгравшее свою роль орудие.

В-третьих, по мысли философа стоическая позиция заключает в себе иллюзию человеческого достоинства, в то время как современная война (её неприглядный быт, серость, зачастую бессмысленная и «антигероическая» повседневность) делает это достоинство невозможным.

В четвертых, Сартр считает, что стоический прием – хранить на войне «светлую умиротворенность», превратен, поскольку в современной войне нет ничего мудрого и возвышенного, а военные добродетели полностью отличны от гражданских. Война по мысли философа есть «чистое разрушение».

Таким образом, подробная критика Сартром стоицизма в аспекте пригодности-для-войны выходит за рамки собственно военной тематики. Рассуждения «Дневников» показывают философское развитие их автора. Более того, можно говорить о том, что именно в контексте полемики со стоиками выкристаллизовывался философский пафос «Бытия и ничто» – главного труда Сартра, – который был написан спустя несколько лет после событий «Странной войны».

Разин Александр Владимирович
Доктор философских наук, профессор; зав.кафедрой этики
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

СВОБОДА ВОЛИ И МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В докладе рассматривается проблема детерминизма, свободы воли и моральной ответственности. Критикуются взгляды аналитических философов, считающих свободу воли иллюзией. Демонстрируется, что свобода воли заключена уже в психических механизмах, связанных со способностью ориентации на основе идеальных образов. Она возникает в силу того, что мозг прорабатывает все возможные ситуации действия в гипотетически полагаемой реальности, состояние которой относится к некоторому моменту в будущем. Это заставляет ставить себя на место другого и отсюда возникает первичное нравственное отношение. В какой-то степени это доступно и для высших животных, но человек способен более глубоко анализировать ситуацию действия, относить свои представления к отдаленному будущему в силу того, что язык позволят ему преодолеть непосредственные эмоциональные реакции на ситуацию.

В разрешении проблемы о свободе воли я принимаю теорию эмерджентной причинности, т.е. представление о том, что одни нейронные сети могут управлять другими и это позволяет интерпретировать идеальное на основе материального. Идеальное в такой интерпретации оказывается некоторым смыслом, порожденным сложноорганизованными взаимодействиями мозговых сетей. При этом порождаемые работой мозга смыслы учитывают феноменальный опыт субъекта, его прошлые эмоциональные реакции на разнообразные события индивидуальной жизни. Это дает возможность классифицировать события, отделять важное от неважного при планировании будущих действий.

Саввина Ольга Владимировна
Кандидат философских наук, доцент
Российский университет дружбы народов

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ, РЕПРОДУКТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И «НОВЫЕ» СЕМЬИ»

Жизнь обычного человека в современном мире уже не мыслима без Интернета, который проник не только почти в каждый дом, но и в каждый смартфон. Люди любого социального достатка, пола и возраста ежедневно пользуются Интернет у себя дома и мобильными приложениями, где бы они не находились. Уже давно появились сайты знакомств и приложения, помогающие людям встретиться и создать семью. В 2000-х годах появи-

лись социальные сети и быстро завоевали популярность среди населения во всем мире. Параллельно с распространением и популяризацией Интернет в конце 1990-х годов стали более доступны вспомогательные репродуктивные технологии – технологии, помогающие людям лечить бесплодие. К ним следует отнести экстракорпоральное оплодотворение, искусственную инсеминацию, суррогатное материнство и некоторые другие. Экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО) – это оплодотворение в пробирке, вне тела женщины, с последующим переносом эмбриона в матку женщины.

Вместе с ЭКО и суррогатным материнством не редко применяется донация гамет. Доноры гамет предоставляют клиникам или отдельным пациентам женские и мужские гаметы, чаще всего на платной основе. Донация гамет может быть как анонимной, так и не анонимной. Сейчас развитие социальных сетей и репродуктивных технологий приводит к новым формам общения и новым общественным практикам.

Ещё до создания социальных сетей ЭКО, суррогатное материнство, донация гамет и другие репродуктивные технологии использовались не только с целью лечения бесплодия, но и исходили из других мотивов. Гомосексуальные пары, одинокие родители прибегают к репродуктивным технологиям порой не из-за бесплодия, а потому что их стиль жизни по тем или иным причинам не предполагает наличие традиционной семьи. Распространение донации гамет при лечении бесплодия и среди нетрадиционных семей (гомосексуальные семьи, одинокие матери и отцы) подняло вопрос об отношениях детей от одного донора, ведь по сути они являются родными. В английском языке появился даже специальный термин: diblings (от donor siblings), означающий братьев или сестер от одного донора гамет. Такие дети ищут своих братьев и сестер в социальных сетях, основывают сообщества, общаются в Интернет и даже встречаются в реальности, публикуя отчёты о встречах в социальных сетях и видеоролики на youtube, мотивируя, тем самым, таких же подростков или уже совершеннолетних людей искать своих генетических родственников. Масштаб распространения репродуктивных технологий и количество пользователей социальных сетей в современном мире меняют наши представления о семье и родственных связях, образуя новые, неведомые ранее формы семьи и семейных связей. В Facebook появляются группы братьев и сестер от одного донора. Часто эти группы обозначаются по номеру, данному при регистрации анонимного донора и слово Diblings (примеры, которые легко находятся в поиске социальной сети: 11541 Diblings, 2969 Diblings). Некоторые люди ищут себе партнеров, с которыми они могут родить детей при помощи ЭКО или других репродуктивных технологий, но при этом не состоять в романтических и сексуальных отношениях. Предполагается, что такие со-родители договариваются до рождения ребенка о материальном вкладе в будущее чадо, а также о совместном воспитании ребенка. Примером такой социальной сети является https://www.coparents.com/. Таким образом, две технологии, возникшие независимо друг от друга породили новые моральные дилеммы, заставили переосмыслить семейные отношения.

Самойлов Александр Александрович
Магистр культурологии. Инженер лаборатории технических средств обучения
Санкт-Петербургский государственный университет

КОНЦЕПТ «ЗРЕЛОЙ ЛИЧНОСТИ» В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ КАК ЭТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ

С момента зарождения психологического знания до описания психических процессов в разработанной системе категорий Аристотелем между представлениями о природе человеческого сознания и полем общезначимых ценностей проводилась достаточно строгая демаркация. Не смотря на то, что разработку этических категорий, основанную на

рассмотрении психологии индивида, можно найти уже у Гоббса устойчивое влияние представлений о природе личности на систему общезначимых ценностей и норм можно проследить только с момента институционализации психологии как позитивной науки. В это же период формируется и её специфическая позиция по отношению к этике: от критики культуры в психоанализе до отрицания автономности этики у Фромма. Однако здесь мы ещё не имеем возможности говорить о тотальности влияния этих представлений на складывающиеся ценностные системы.

В современности мы можем наблюдать, как психологическое знание активно включается в экономическую реальность и структуры потребления, что делает более отчетливым процесс разделения психологии на области науки и практики. Становление новых школ, методик и направлений психологической помощи, консультирования, коучинга фундируется ценностями «саморазвития» и «личностного роста», что с необходимостью подразумевает образ «зрелой личности» как горизонт этого предполагаемого развития. Во многом эклектичные системы этих школ в большинстве своем заимствуют основные черты этого образа из фундаментальных работ по психологии личности XX века.

Описанию фигуры «Зрелой личности» (Олпорт) или «Самоактуализирующегося человека» (Маслоу) посвятили свои работы многие признанные авторы. Необходимой чертой такого конструкта является вменяемое ему построение так или иначе понятых гармонических отношений с социальной средой и, следовательно, с системами моральны предписаний. Так Берн, описывая личность в терминах гармонии, относит этику к внутриличностной фигуре Родителя, которая, для достижения гармонии с другими структурами личности, должна «выработать свою систему ценностей». Другим важным моментом является индуктивный характер сборки такой системы ценностей. Поскольку теоретическая база психологии становилась в процессе анализа практики, то черты «Зрелой» или «Оптимально функционирующей» личности вырабатывались через отрицание частных психических процессов тормозящих развитие и травмирующих индивида. Так Хорни в своей критике господствующих в культуре ценностей понимает «нормальную личность» главным образом как не-невротическую, то есть способную отреагировать на внешние условия не деформировав свою структуру.

Этические системы, подспудно данные в этих теориях, организуются вокруг творческого момента переосмысления ценностей и норма общества, выработке собственного корпуса правил, этического творчества, самодостаточности, независимости и свободы, понимаемой как способность к спонтанности.

Становление этих представлений как общезначимых ценностей обеспечивается статусом и престижем психологии, концептуальная база которой претендует на роль одного из магистральных метаязыков интерсубъективной коммуникации в современной культуре.

Сандакова Людмила Борисовна
Кандидат философских наук, доцент
Новосибирский государственный технический университет

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ МОРАЛИ В КОНТЕКСТЕ НЕЙРОНАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

РФФИ №17-29-02053 «Регулятивные возможности нейроэтики в предупреждении дискриминации личности»

Современные нейроисследования оказывают значительное влияние на различные вопросы философии морали. Так новый содержательный импульс развития получила проблема происхождения морали. Здесь в наибольшей степени влияние нейронаучных исследований обнаруживается в натуралистическом и социокультурном подходах. Этические концепции, апеллирующие к Богу или экзистенциальным переживаниям, выходят

за пределы объективируемого опыта, поэтому в науке, как правило, редуцируются к двум выше обозначенным подходам.

Натуралистические направления в этике объясняют мораль как механизм организации социальной жизнедеятельности, возникший в процессе эволюции вида Homo sapiens, и усматривают причины нравственных чувств и моральных решений в природных особенностях функционирования психофизиологической системы «человек». Данный подход отвечает устремлениям естественных наук объяснить любую действительность природными механизмами и закономерностями. Современные нейроисследования действительно позволяют обнаруживать связь особенностей функционирования мозга с этически значимыми феноменами. Например, полагается, что эмпатию и способность к пониманию другого позволяют объяснять зеркальные нейроны (Gallese, 2001, Decety & Jackson, 2004, Gazzola et al, 2006, и др.). А Дж.Грин, изучая с коллегами эмоциональные и когнитивные параметры морального выбора/суждения, делает вывод о связи этих параметров с типами этических суждений (деонтологических или утилитаристских) (Greene, 2009). Очевидно, что характер интерпретации обнаруженных взаимосвязей является вопросом методологической культуры исследователя. Поэтому понятны дискуссии, возникающие вокруг такого рода работ. В этом научном поиске может реализовываться как редукционистская установка, так и содержательное усложнение этической теории (без сведения последней к нейрофизиологическим процессам). Хотелось бы обратить внимание на необходимость в осторожном представлении результатов и рабочих гипотез данного направления широкой публике, поскольку они имеют серьезный мировоззренческий смысл. В общественном сознании уже существует представление о социальной опасности редукционистских подходов к пониманию моральных феноменов. Прежде всего, это опасения по поводу возможности диагностики и отбора/дискриминации по естественным маркерам нравственно неблагонадежных индивидов. Не менее опасной представляется и возможность устранения из этического дискурса вопроса о моральной ответственности.

Социокультурный подход в понимании морали апеллирует к социологическим и историческим объяснениям ее природы и различных форм. Нравственные отношения, моральное сознание, этические представления, ценности и т.д. рассматриваются как функционально значимые составляющие социальной системы и развивающиеся вместе с ней. Данный подход тоже весьма восприимчив к возможностям, предоставляемым нейроисследованиями. Так уже второе десятилетие бурно развивается междисциплинарное направление, получившее название «культурная нейронаука». И здесь обращает на себя внимание возможность коэволюционной трактовки развития социокультурных и биологических детерминант морали и других сложных форм человеческого поведения. Как отмечают в своем обзоре результатов работ в данном направлении М.Фаликман и М.Коул, современные исследователи склоняются к представлению о биосоциальной природе мозга (Фаликман, Коул, 2014). Поэтому мораль и соответствующие ее проявлениям нейрофизиологические процессы имеют сложную коэволюционную обусловленность, не допускающую редукционистскую методологию.

Полагаем, что развитие рассмотренных подходов под влиянием нейронаучных исследований может стать основой более глубокого, синтетического понимания морали при следующих условиях 1) внимание к методологии исследования и качественной интерпретации данных; 2) удержание исследований природы морали в оптике сложной биосоциодуховной природы носителя морали – человека.

Свет Анна Александровна
Аспирант, 1 курс, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

НРАВСТВЕННЫЕ МОТИВЫ В САМОРЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ

На сегодняшний день вопросы саморегуляции человеского поведения могут рассматриваться как с точки зрения психологии, социальной философии, так и с точки зрения этики. Согласно В.Моросановой, саморегуляция – это механизм целепостановки и целедостижения. Этот процесс может быть представлен не только как внутренний, но и, в соответствии с концепцией Л.Выготского, как культурно-опосредованный.

Саморегуляция, как процесс непрерывно сопровождающий человеческую деятельность тесно связан с нравственными мотивами активности из-за высокой значимости деятельности в обществе.

Уровень саморегуляции на различных возрастных этапах неодинаков. В соответствии с этим изменяется роль нравственных установок в процессе постановки цели, планирования, моделирования и программирования активности, демонстрируемых гибкости и самостоятельности, оценке результатов деятельности. В младшем и подростковом возрасте при социализации происходит освоение нравственных установок, высока роль «внешних регуляторов» в деятельности. Уровень саморегуляции невысок. Средний возрастной этап характеризуется наибольшей активностью человека и наибольшим количеством социальных ролей. На данном этапе усвоены нормы поведения и наступает время для передачи нравственных ориентиров следующему поколению. Уровень саморегуляции высок, в полной мере могут учитываться нравственные установки. Однако могут возникнуть внутренние нравственные конфликты, в том числе из-за широких возможностей этого возрастного периода. Саморегуляция в старшем возрасте претерпевает существенные изменения в связи с ослаблением физических возможностей и потерей социальных ролей. Роль нравственных мотивов снижается из-за нехватки активности, болезней, субъективного ощущения «конца жизненного пути».

Возвращаясь к вопросу о нравственном воспитании в младшем и подростковом возрасте для процесса саморегуляции следует отметить важность развития необходимых качеств и освоения нравственных ориентиров для дальнейшего построения успешной деятельности в обществе. На данном этапе социальные институты демонстрируют морально-допустимые варианты активности. При отсутствии подобных установок из-за проблем внутри социальных институтов происходит полная, либо частичная потеря нравственных мотивов в деятельности и, соответственно формирование неполноценного механизма саморегуляции личности.

Также высока роль нравственных установок на этапе целепостановки, целедостижения и оценки результатов деятельности как профилактического элемента, способствующего поиску социально-приемлемых альтернатив аддиктивному поведению. Нравственный мотив является неотъемлемой частью саморегуляции человеческого поведения

Севастьянова Алина Дмитриевна
магистр прикладной этики
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ПРАВА В КОНЦЕПЦИИ ДЖ. ФИННИСА

Вопрос о взаимосвязи права и морали был предметом множества дискуссий, ему посвящены последние работы в области философии и этики права таких известных авторов как Г. Харт, Л. Фуллер и Дж. Финнис. Ключевой вопрос о моральном содержании права рассматривается в рамках полемики между представителями юспозитивизма и юснатурализма. Настоящая статья рассматривает эту проблему на примере концепции

Джона Финниса, одного из самых ярких современных философов права, его неонатуралистическая концепция естественного права включает некоторые идеи современного позитивизма.

С точки зрения Дж. Финниса естественное право выступает как набор принципов практической разумности для упорядочения человеческой жизни и человеческого сообщества. Право выступает как способ обеспечения «общего блага» сообщества и основано на семи самоочевидных, как он полагает, основных человеческих благах, необходимых для процветания людей. Требования практической разумности, которые составляют содержание естественного права, содержат рекомендации о том, как выполнять эти самоочевидные блага. Для Финниса целью права является предоставление условий, в соответствии с требованиями практической разумности, в которых эти семь благ могут быть реализованы. В статье обосновывается позиция о том, что Дж. Финнис рассматривает право как социальный институт, целью которого является регулирование человеческих дел, и, таким образом, содействие созданию сообщества, в котором каждый может реализовать семь основных человеческих благ.

Синюкова Наталья Алексеевна
Аспирант, младший научный сотрудник
Институт философии и права Сибирского отделения РАН

СУБЪЕКТИВНЫЙ ОПЫТ БОЛЕЗНИ В СОВРЕМЕННОЙ БИОЭТИКЕ

Блестящие достижения медицинской науки и технологий актуализировали «латентные» для медицинского дискурса нравственно-экзистенциальные проблемы области медицины. Становление биоэтики способствовало переориентации медицины высоких технологий на этико-гуманистическое осмысление происходящего в современной медицинской науке и практике. Критическое осмысление и гуманитарная экспертиза высокотехнологичной клинической медицины способствовала формированию гуманистического взгляда на оказание медицинской помощи, ориентированного на индивидуализацию и персонализацию клинической практики.

В русле гуманистически-ориентированных исследований в последнее десятилетие активно развиваются концепции нарративной медицины и феноменологии медицины, связанные с концептуализацией субъективного опыта больного. Оба подхода критикуют биомедицинскую модель медицины за редуцированное понимание болезни как «заболевания» или дисфункции, патологии организма; как объективированной, абстрактной сущности, отделенной от того, кто ей болеет. А так же больного как обезличенного, объективированного телесного механизма и совокупности биологических параметров. В противоположность биомедицинскому взгляду на клиническую практику как пространство медицинского знания о заболевании, цель которого контроль и управление организмом человека, предлагается идея комплексного ухода за страдающим больным. Клиническая практика рассматривается «гуманистами» как пространство интерсубъективных взаимоотношений врач-пациент в их эмоциональном, ментальном, экзистенциальном, этическом аспектах. Медицинское знание не исключается, но преодоление натуралистического взгляда на болезнь и больного становится необходимой основой врачевания.

Феноменология медицины сфокусирована на индивидуальных переживаниях изменений, происходящих в жизни больных. Изменения телесности, вызванные болезнью трансформируют способ бытия человека в окружающем мире и переживаемые им смыслы мира. Здоровое тело, функционируя как гармоничное целое, позволяет ощущать себя в мире «как дома». Окружающий мир переживается как неделимый горизонт интерсубъективных смыслов. В болезни происходит изменение смысловой структуры окружающего мира, больной ощущает себя чужим в окружающем мире. Возникает ощущение «ненадежности» и «враждебности» мира, усиливающееся при соприкоснове-

нии человека с клинической медициной. В современной больнице объективизация больного переходит в технологизацию, формируя негативный аспект опыта болезни. Происходит изменение восприятия естественности собственного тела. Тело фрагментируется и отчуждается.

Обращение к опыту больного в современной биоэтике связано с возникновением идей «моральной экологии» или обустройства окружающей среды больного таким образом, что пространство медицинского учреждения, понятный больному язык медицинских специалистов будут являться уже частью лечения, обеспечивая восстановление автономии больного. Предполагается, что проблемы «моральной экологии» в ближайшее время сформируют отдельное направление деятельности клинических этических комитетов.

Представители нарративного подхода опираются на признание особенностей опыта болезни, его уникального смысла для больного, открывающемся в нарративном диалоге врача и пациента. Они рассматривают медицину как искусство врачевания, которое включает слушание и понимание индивидуальных историй переживания болезни. Использование нарративной теории в медицине формирует в медицинском сообществе условия для понимания и практического использования нарративов о болезни, а в итоге предпосылки для «исцеления» больного на ментальном уровне. «Нарративный поворот» имеет важнейшее значение для современной биоэтики и этической экспертизы, связанное с переходом от использования универсальных принципов к смысловому анализу конкретной ситуации больного, его субъективному опыту. Сформировалось три подхода к соотношению нарратива и теории в практике обсуждения этических проблем и принятия решений: нарратив, как 1) основа, 2) дополнение, 3) альтернатива универсальным принципам биоэтики. В работе клинических этических комитетов наиболее востребован первый подход. Он компенсирует ограниченность и абстрактность принципов, обеспечивая полноту и целостность этического анализа в конкретном случае.

Биоэтика в рамках гуманистической парадигмы характеризуется расширением проблемного поля, обостренной теоретико-методологической рефлексией оснований нравственности в клинической медицине, формированием новых представлений о моральных ценностях, опираясь на «живой» опыт переживания болезни.

Snezhana Starovoitova

INTERNATIONAL ETHICS FROM THE STANDPOINT OF NEOLIBERALISM

Старовойтова Снежана Сергеевна
Магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭТИКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

The modern world is a complex social, political and economic system in which different actors exist and function. For the successful system functioning, it is necessary to pay a big attention to the concept «international ethics». International ethics implies the order that develops between all countries of the world, the totality of which is conditionally called international community. International community relations exist within the limits of the low order level organization, which embodies the diversity of interaction between different countries, including the contradictions existing between them in ideological, cultural, confessional and other spheres. If we start to speak about how neoliberalists explain international ethics, we have to emphasize that neoliberalism considers international institutions as the regulatory tool or mechanism of inter-state cooperation, which is capable to provide reconciling and restraining influence on the behavior of individual countries in the interests of the community as a whole. Neoliberalists argue that an important mean of international relations is to observe international morality, which is based on the ideological basis of human rights. Considering such problem as terrorism from the neoliberal point of view, it is necessary to note that in many respects the impossibility of taking tough measures against terrorism is characterized by the fact that in this outcome of the events, great damage will be inflicted to human rights. Summarizing all of the above, it should be said that the

neoliberal paradigm helps to prevent possible conflicts and threats that may arise at an early stage of their emergence and replace them with states cooperation.

Степанян Србуи Араиковна
Студент, 4 курс, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНТИМНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ И НОВЫЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ

Трансформация интимности – категория, предложенная и подробно разработанная Э. Гидденсом, связала такие важные понятия как семья, брак, любовь и сексуальность. Прослеживая смены любовных типов, либерализацию нравов, Гидденсу удалось показать, как после сексуальной революции близкие взаимоотношения начали освобождаться от влияния социальных институтов и регулироваться потребностями индивида в удовольствии и удовлетворении. Трансформация интимности за последние десятилетия стала общепризнанным термином, ссылаясь на который, мыслители XXI столетия строят новые теории в области любви и сексуальности.

Трансформация интимности в современных реалиях также наглядно демонстрирует, как изменяется мышление субъекта, а вместе с ним и его поведение в дискурсе современной культуры, в рамках конструирования новых смысловых полей и стирании традиционных поведенческих установок. Это касается и любви, и брака, и других форм отношений между полами. На наш взгляд, изменения культурных установок и поведенческих стереотипов в интимной сфере наиболее ярко можно увидеть в публичном пространстве и продуктах масс-медиа. Поэтому, опираясь на теорию медиа Маршала Маклюэна, мы хотели бы показать, что сами условия виртуальности оказывают влияние на содержание отношений между полами, создавая новые правила сексуальных взаимоотношений и распространяя их между все большим количеством людей. Тем самым виртуальное пространство становится одним из ведущих каналов трансформации интимности. Таким образом, социальные сети и популярные сайты знакомств становятся для нашего исследования весьма продуктивным эмпирическим материалом, исследуя который, мы можем сделать выводы об изменениях паттернов в любовной сфере и проследить формирование новых культурных стереотипов. В качестве материала, применяемого в целях сравнения традиционных паттернов и норм, складывающихся в рамках современной культуры, мы предложили бы рассмотреть также работы израильской исследовательницы Евы Иллуз.

Если мы обратимся к структурам таких популярных сайтов знакомств, как Tinder, Badoo и т.д., исследуем их интерфейс, то мы с легкостью убедимся в том, что сама форма подобных приложений ориентирует их пользователей на поиск партнера, в первую очередь, по физиологическим и биологическим признакам. Внешность выступает главнейшим фактором при выборе партнера, кроме того, в краткой характеристике к фотографиям пользователи преимущественно указывают информацию о параметрах своего тела. Таким образом, подобные приложения формируют норму выбора партнера, в первую очередь, по внешним данным, красота партнера связывается главным образом с телесностью, а не с характером человека, как это было в Викторианскую эпоху. Также претерпевает трансформацию такая категория как «обольщение». Сайты знакомств устроены таким образом, что оба партнера, вне зависимости от пола, должны проявлять инициативу и интерес к собеседнику. Женщина так же, как и мужчина, применяет методы обольщения, стремясь «завоевать» собеседника. Таким образом, «обольщение», которое традиционно ассоциировалось со стратегией поведения мужчины, становится нормой и для женщины. В дискурсе современной культуры и мужчина, и женщина мо-

гут быть как объектами, так и субъектами обольщения, стирается дихотомия мужское/женское, размывая традиционный стандарт завоевания мужчиной женщины.
Кроме того, пространство подобных сайтов усиливает ситуацию конкурентности, флирт зачастую становится самоцелью несмотря на то, что среди самых популярных сайтов наибольшим успехом пользуются те, что в качестве своей главной цели и рекламного слогана позиционируют себя как сайты «для серьезных» знакомств и «серьезных отношений». Подобный «рынок» диктует и способы того, как человек себя может «подать», открыто характеризуя себя по требуемым параметрам и то, что он может предложить партнеру и ждет от таких отношений, рационально подходя к вопросам подбора и выбора партнера.
Таким образом, ведущим каналом реализации интимности и ее последующей трансформации в условиях современной культуры выступает виртуальная сфера, структура и специфика которой видоизменяют содержание любовных отношений. Несмотря на то, что этической оценке в эпоху доминирования пострациональной морали подобные отношения не поддаются, нам представляется важным констатировать изменения, происходящие в интимной сфере, так как они трансформируют такие важнейшие этические категории как «любовь», «верность», «близость» и смысл самих близких взаимоотношений.

Сычев Андрей Анатольевич
Доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
Коваль Екатерина Александровна
Доктор философских наук, профессор
Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске
Жадунова Наталья Владимировна
Кандидат философских наук, декан факультета дополнительного образования
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЗАЦИИ ЯЗЫКА ВРАЖДЫ (ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

РФФИ №17-03-00094

Обсуждение субъектами с разными убеждениями вопросов о базовых нормах и ценностях в современном мире становится все более конфликтным. На телевизионных программах, в газетных статьях, высказываниях на Интернет-форумах все чаще встречаются дискриминационные по отношению к представителям чужих групп оценочные слова, реплики, призывы, которые в совокупности можно охарактеризовать как язык вражды.
В последние десятилетия феномен языка вражды является предметом анализа социогуманитарных исследований и изучается с использованием подходов и методов, разработанных в разных областях научного знания – лингвистике, психологии, социологии. Важным условием для изучения этого феномена является типологизация языка вражды, позволяющая выделять и ранжировать различные его проявления. На настоящий момент существуют различные классификации языка вражды (А. Верховский, А Крушинский, А. Игнатович и др.), однако они не всегда пригодны для нужд исследований, поскольку предлагают разнородные основания для классификации, из-за чего выявленные типы языка вражды частично пересекаются друг с другом и содержательно не охватывают всех примеров языка вражды. Это свидетельствует о необходимости разработки новых классификаций, не только дополняющих существующие, но и интегрирующих их в единую систему.

Определение формальных критериев осложнено многообразием средств выражения негативного отношения к субъектам языка вражды (текстуальные особенности) и контекста, в котором они используются (контекстуальные особенности). Однако, на наш взгляд, существует необходимость изучения также метатекстуальных характеристик языка вражды, что требует выхода за пределы частных наук к философским обобщениям и этическим экспертизам.

Под текстуальным языком вражды в нашей классификации понимается характеристика объекта, выраженная при помощи слов, жестов, изображений, которые имеют устойчивые негативные смыслы. Для изучения текстуального языка вражды может применяться количественная методология исследования (контент-анализ).

При использовании контекстуального языка вражды отдельные элементы текста приобретают дискриминирующее значение лишь в общем контексте всего высказывание. Достаточно показательным примером является использование иронии и сарказма. Отметим, что на выявление контекстуального языка вражды часто влияет субъективная позиция исследователя, его способность и желание «вычитать» из контекста реальную позицию участников коммуникации. Соответственно, для изучения контекстуального языка вражды необходима качественная методология.

В отличие от предыдущих типов, метаконтекстуальный язык вражды можно выявить лишь на основании системного анализа всего дискурса, в котором воспроизводят отрицательные стереотипы в отношении объекта вражды. Тексты, в которых, казалось бы, воспроизводятся исключительно факты (например, статьи о преступлениях мигрантов, в которых обычно указывается национальность преступников или указывается, что они мигранты) приобретают ценностное наполнение лишь при сравнении их с другими текстами (в статьях о преступлениях, совершенных местными жителями, национальность преступников обычно не указывается). Базовым методом такого исследования, по нашему мнению, может быть метод дискурс-анализа (М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс), позволяющий выявить ценностно-нормативные предпосылки возникновения проблем, обозначить возможные пути реконструкции дискурса. Для анализа дискурса крайне ценными представляются экспертные навыки специалистов в области этики.

Существующие рекомендации по ограничению использования языка вражды в публичном дискурсе, как правило, связаны с требованиями изменения риторики на текстуальном уровне (т.н. политкорректный дискурс), несколько реже – на контекстуальном уровне. Однако, по мнению авторов, наиболее перспективным путем решения проблемы является раскрытие метаконтекстуального уровня освещения и восприятия острых социальных вопросов и усилия, направленные на изменение характера всего дискурса по их поводу.

Тарковский Владимир Николаевич
Кандидат философских наук, Доцент
Костромской государственный университет

ВОПРОС О ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Конференция предлагает осмыслить одну из идей заложившую основание современного философского мировоззрения. Эта идея (проект) всеми исследователями приписывается Ф.Ницше. Задумав в 1886г четырехтомник, он в частном письме пишет: «Один заголовок вселяет ужас: «Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей»«. Работа не была реализована, но остались заметки и афоризмы, созданные в процессе ее подготовки.

Н.Гартман в «Этике» характерно назвал соответствующий параграф: «Открытие Ницше и ошибка первооткрывателя». Да Ф.Ницше «впервые с полным осознанием» поставил вопрос о содержании добра и зла независимо («по ту сторону») от всего, что таковым считается. Да необходимо «овладеть открытым царством ценностей». Но, по мнению

Н.Гартмана и многочисленных исследователей, в учении о «переоценке ценностей» заложено положение о ценностном релятивизме. Если ценности можно «переоценивать», то их можно и обесценивать, можно создавать и уничтожать. Но выдуманные ценности не имеют власти над человеком. Ценностное сознание в первую очередь есть ценностное чувство, «некий первичный контакт с ценным». Каково же происхождение действительных нравственных ценностей?

М.Хайдеггер в лекциях посвященных Ф.Ницше был более обстоятельным в работе с его наследием. Он обращает внимание на план будущей работы. Первая книга – «Европейский нигилизм» – описание духовных процессов начавшихся еще в дохристианские века и их последствия: «разложение» и «физиологическое вырождение». Вторая книга – «Критика высших ценностей» – описание обесценивания современных ему ценностей: христианских догматов, философии и морали. Прежде всего, утрата обязательной и творческой их силы. Философское мировоззрение Платона и его последователей постулирует отдельное существование царства идей, или форм, где справедливость, добро и проч. «существуют сами по себе». Нельзя отождествлять философию Платона с философией вообще. Например, учение об идеях, принадлежит исключительно Платону, но не Сократу, как иногда думают. Основное положение морали такой онтологической картины: этот мир ни на что не годен, должен существовать «лучший» мир, в отличие от этого – погрязшего в чувственности. Ницше говорит, что «истинный мир» морали – мир вымышленный.

Третья книга – «Принцип утверждения новых ценностей» – по мысли М.Хайдеггера, должна была быть ключевой. Раскрытие воли к власти как основной черты сущего должно упразднить ложь в опыте. Жизнь сама есть воля к власти, она сама есть основание и принцип полагания нравственных ценностей. «Когда мы говорим о ценностях, мы говорим, находясь в состоянии вдохновения, в той оптике, которой нас наделяет жизнь: она сама заставляет нас полагать ценности, сама через нас вершит их, когда мы их полагаем…». Он выделяет следующие принципы полагания ценностей:

– «Задача – видеть вещи, как они есть!»

– «Моя философия – вырвать человека из кажимости и будь что будет! И никакого страха перед возможностью гибели жизни!»

– «Вы лжете о том, что есть, и потому у вас нет жажды того, что должно быть!»

Эти принципы «воли к власти», вероятно, Ницше противопоставляет

«воле к счастью», «воле к наслаждению», «воле самовыражению» и пр. Он пытался систематизировать деятельность их в познании, природе, обществе, индивиде, искусстве. «Искусство есть самая известная и самая прозрачная форма воли к власти».

Четвертая книга – «Воспитание и дисциплина» – указывает на его вклад не только в метафизику, но и в борьбу со спекулятивным мышлением и вовлечением мышления в жизнь.

Тимофеева Анна Владимировна

Студент, 4 курс, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

ЭТИКА SCIENCE-ART: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Сайнс-арт, или технобиологическое искусство, определяется теоретиком современного искусства Д.Х. Булатовым как актуальное направление современного искусства, представители которого используют новейшие технологии, исследовательские методики и концептуальные основания для создания своих произведений. Проекты сайнс-арт являются результатом сотрудничества художников и ученых и связаны с новейшими достижениями синтетической биологии, биомедицины, робототехники, когнитивных исследований. Значимо для нас, что получивший наибольшее распространение синтез худо-

жественного творчества с биологическими разработками, называемый био-артом (Марта де Менезес «Природа?», 2002), претендует на использование самой жизни в качестве выразительного средства.

Закономерными при таком рассмотрении представляются вопросы об этическом измерении научного искусства. Существуют ли пределы права деформировать мир, подчинять его творческой воле художника? Оправдан ли переход от эстетизации собственных переживаний к их материальному воплощению? Д.Х. Булатов, рассуждая об этической компоненте научного искусства, подчеркивает: «Конструируя материальность на уровне влажно-биологического строения и научаясь его изменять, мы тем самым получаем доступ и к своей собственной эволюции, с необходимостью задаваясь вопросом, что вообще значит быть человеком». В связи с этим определение «этики» как некоего кодекса овнутряемых правил человеческого поведения в условиях Третьей модернизации кажется ему значительно устаревшим. Научное искусство, открывая новые горизонты, заменяет прежние представления об «устойчивом» должном – «аскетикой, постоянным скрупулезным испытыванием себя и своего «места обитания» этой невозможной возможностью присутствия Другого» [1] .

С другой стороны, мы можем констатировать существование ряда законодательных ограничений, затрагивающих общие правила сайнс-арт. В частности, био-арт перформанс «Пусть лошадь живет во мне» (2011) Марион Лаваль-Жанте, в ходе которого женщина на протяжении нескольких месяцев вводила в собственную кровь иммуноглобулины лошади, как и все подобные испытания на людях, был запрещен к показу в Западной Европе (в отличие от Словении, где и состоялось представление). Рамки «демиургического процесса», как бы противоречиво это ни звучало, признаются необходимыми к установлению. «Современное общество имеет достаточно времени, чтобы сосредоточиться на обсуждении кодекса по использованию новых возможностей и научиться решать связанные с ним проблемы», – заключает Д.Х. Булатов [3].

Солидаризируясь с исследователем, мы могли бы добавить, что в области сайнс-арт практическая реализация проектов в рамках музейных инициатив значительно опережает их теоретическое осмысление. Однако в том, что касается этических проблем данного вида современного искусства, необходимо, на наш взгляд, упреждающее рассмотрение и дискуссионное обсуждение границ творческого вмешательства.

Литература

1. Булатов Д. Бодрийар тобой недоволен // Художественный журнал. 2005. №57.
2. Эволюция от кутюр: искусство и наука в эпоху постбиологии. Часть 1-2 / Сост. и общ. Ред. Д.Булатова. Калининград: КФ ГЦСИ, 2009, 2013.
3. BioMediale. Современное общество и геномная культура / Сост. и общ. Ред. Д.Булатова. Калининград: КФ ГЦСИ, ФГУИПП Янтарный сказ, 2004.

Ткаченко Галина Сергеевна
Студент, 4 курс
Труханов Виктор Александрович
Доктор политических наук, профессор
Саратовская государственная юридическая академия

ПОНЯТИЕ «СВОБОДА» В РЕЛИГИОЗНОЙ ЭТИКЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В докладе раскрывается понимание феномена «свободы» через призму религиозной этики народов Северного Кавказа. Статья предназначена для студентов-политологов и всех тех, кто интересуется религиозной этикой стран мира.

Понятие «свобода» является одним из важнейших философских вопросов волнующих людей на протяжении многих лет. Что странно, прийти к общему мнению в отношении данного термина до сих пор не удалось. Так, например, один из известнейших французов Вольтер писал: «Делать то, что доставляет удовольствие, – значит быть свободным», однако в противовес знаменитый британский писатель Бернард Шоу был убежден в том, что: «Свобода – это ответственность. Вот почему все ее так боятся».

В религиозной этике понятию «свободы» уделяется особое внимание. Конгломератом разных религий, национальностей, сочетанием совокупности разнообразных традиций и менталитетов является Северный Кавказ. Он имеет свое, отличное от общероссийского, культурное и религиозное пространство. Данный регион включает в себя огромное традиционное многообразие народов, одними из которых являются автохтонные народы – адыги, и черкесы, а также азербайджанцы, осетины, грузины и иудеи. Основными религиозными течениями в регионе является христианство и ислам, и меньше иудаизм. И что интересно каждое религиозное течение имеет своё в какой-то степени уникальное понимание феномена «свободы».

Например, в исламе принцип свободы не был эволюционным следствием или же последствием революции, которая требовала его установления. Итак, первая свобода, объявленная Исламом, – свобода вероисповедания и убеждений. Данный принцип был по своему уровню гораздо выше тогдашнего сознания общества. И существовала необходимость привести человечество к прогрессу при помощи установления этого принципа – принципа свободы убеждений и вероисповедания. Вторая свобода, которая провозглашалась Исламом была свобода мышления и рассуждений. Исламская этика призывает людей мыслить, рассуждать и размышлять об окружающей их среде, и об обществе.

Для христиан феномен «свободы» является тем свойством, при утрате которого личность будет деградировать. Пока самосознание сохраняется над свободой не будет властен ни человек, ни общество, ни государство, ни законы и даже не Сам Бог. Человек создан Богом и поэтому является зависимым от него. И эта зависимость не рабская, не гнетущая, а радостная, потому что Бог олицетворяется со свободой и общается с нами на расстоянии двух свобод – Своей и нашей. Он только лишь призывает нас к себе, а если человек откликнется, то это и будет являться лучшей жизнью – жизнь вдвоём с богом. Понимание свободы воли у иудеев является метафизическим понятием, как и душа. Если понимать свободу на физическом уровне, то по факту она принадлежит человеку и является в его сознании, а не навязана кем-то другим. Свобода воли по факту очень большое обобщение. Ее позитивные и негативные проявления очень разнятся. Позитивные действия чаще всего основаны на человеческом опыте, а в свою очередь негативные обычно зависят от простых убеждений, больше напоминающих традиционную концепцию свободы воли. В отсутствие свободы воли не может быть ни посмертной награды или же напротив наказания, потому что считается, что награждать или наказывать «робота» нет смысла.

Таким образом можно сделать вывод, что феномен «свободы» затрагивает внимание людей на протяжении всех времен. Интересно, что при всём своём многообразии и вариативности сам термин до сих пор не удалось привести к единому знаменателю, который бы служил столпом как в философии, религии так и в других науках.

Туманян Тигран Гургенович
Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

ЛИТЕРАТУРА АДАБА: ЭТИКА И ПОЛИТИКА

Философская мысль мусульманского Средневековья выработала различные концептуальные направления построения государства и общества. Импульсом к поиску социаль-

но-политического идеала ислама всегда было явное несоответствие религиозно-этических норм реальному их воплощению в жизни. Неудивительно, что выдающиеся мыслители мусульманского Востока в попытках формирования доктрины государства и власти, не только опирались на сугубо религиозные основы, но часто заимствовали те или иные интеллектуальные традиции.

Известно, что в рамках социально-политической мысли классического ислама развивалось несколько основных теоретических подходов или направлений в разработке концепций государства и власти. В их числе – нормативно-юридическое, этико-философское (фалсафа), а также морально-дидактическое (адабные учения) .

Литература адаба, а точнее жанр так называемых «поучений владыкам» или «княжьих зерцал», являющихся собранием назидательных книг для правителей, занимает в этом перечне особое место. Развитие дидактической традиции «поучения владыкам», истоки которой восходят, по крайней мере, к временам Сасанидского государства, имело социально-политические основания, и во многом было связано с постепенной деградацией власти аббасидских халифов, утратой ими реальной политической силы, а также усилением роли правителей иранских и тюркских династий. Последствия этих событий, конечно же, не могли не найти отражение в дальнейшем развитии социально-политических учений, представленных в трудах мусульманских мыслителей Ближнего Востока.

Вместе с тем, характеризуя наиболее важные особенности формирования назидательного жанра адаба, необходимо отметить, что ранние представители этого направления общественной мысли мусульманского Средневековья не являлись арабами. Будучи, как правило, иранцами по происхождению, они во многом считали себя наследниками персидской цивилизации. Кроме того, их проекция исламских норм в политико-правовую область отличалась тем, что она во многом исходила из сасанидской традиции государственности, которая едва ли могла соответствовать положениям шариата.

Произведения адаба, безусловно, дополнили и обогатили социально-философскую мысль ислама, прежде всего, политические идеи и этические учения тех ее представителей, которые исходили из полезности рецепции прежнего интеллектуального наследия в вопросах формирования целостной концепции государства и власти.

Турко Дмитрий Сергеевич
Магистрант, 2 курс, НИУ «Высшая школа экономики»

КАНТОВСКАЯ МОРАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ ВОЛИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ АНАРХИЗМА

Одна из ключевых работ философского анархизма последних лет – книга Роберта Пола Вольфа «В защиту анархизма» [2]. Центральной проблемой, от которой отталкивается Вольф, является конфликт между властью и моральной автономией. Понятие автономии воли было введено Кантом в «Основоположениях метафизики нравов». Согласно Канту, «Автономия воли есть такое свойство воли, благодаря которому она сама для себя закон (независимо от каких бы то ни было свойств предметов воления)» [1, с.219]. Принцип автономии Канта требует от нас поступать так, чтобы максимы, определяющие наш выбор, содержались в нашем волении как всеобщий закон. Другими словами, автономная (или попросту свободная) воля сама черпает из себя закон своего поведения, который должен быть таким, чтобы он мог в любой момент стать всеобщим законом.

Автономии воли концептуально противостоит её гетерономия. Гетерономия воли – «источник всех неподлинных принципов нравственности», ситуация, когда «воля ищет закон, который должен её определять, не в пригодности её максим быть её собственным всеобщим законодательством, а в чём-то другом», или, другими словами, когда «она

ищет этот закон в характере какого-нибудь из своих объектов». «Воля в этом случае не сама себе даёт закон, а его даёт ей объект через своё отношение к воле» [1, с.219].

Вольф обнаруживает концептуальное противоречие между этим кантовским требованием автономии воли и ключевым понятием политической философии – властью. Власть, по Вольфу, есть притязание на право распоряжаться (the right to command) [2, с.4]. Если мы признаём легитимность этого притязания, мы, таким образом, отказываемся от своей автономии: наша воля находит определяющий её закон не в своих собственных максимах, а во внешних по отношению к воле властных субъектах. Другими словами, если мы соглашаемся подчиняться власти (например, государственной) наша воля теряет свою автономию и становится гетерономной.

Согласно Канту, автономия воли является условием свободы воли мыслящего существа [1, с.243]. Свобода воли и разумность – условия нашей ответственности за свои поступки. В строгом смысле индивид, который лишён того или иного (безумец или «метафизический» раб, полностью подчинённый чужой воле), не может считаться несущим полную моральную ответственность [2, с.12]. Ключевая характеристика государства – его притязание на власть. Моральная обязанность человека – его автономия, то есть отказ быть таким, над которым властвуют. Поскольку мы считаем себя творцами своих поступков, постольку нам, чтобы быть моральными индивидами и обладать свободой, следует отвергать притязание государства властвовать над нами. Другими словами, автономный человек не станет подчиняться командам и законам лишь потому, что их издаёт некий авторитетный институт, и не признает ни за какой властью легитимного права распоряжаться.

Анархическое общество Вольф представляет себе таким, в котором никто не высказывает притязания на легитимную власть, или же никто не поверит таким притязаниям, если они будут высказаны [2, с.79]. Как заключает Вольф, анархизм представляется единственной политической доктриной, согласной с ценностью автономии, а значит и подлинной моральной свободы [2, с.18].

Литература

1. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 4. М.: Чоро, 1994.

2. Wolff, Robert Paul. In defense of anarchism. University of California Press, 1998.

Тухватулина Лиана Анваровна
Кандидат философских наук, младший научный сотрудник.
Институт философии РАН

ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРАВА: ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ VS ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Для современного права в значительной степени характерна тенденция, которую немецкий социолог М.Вебер назвал «материализацией» его рациональности [Вебер, 2016; Kennedy, 2004]. «Материальная рациональность … предполагает, что на решение юридических вопросов существенное влияние оказывают нормы, отличные от тех, что получены в результате логического обобщения абстрактных принципов юридической интерпретации. Материальная рациональность требует учета по преимуществу (accords predominance) этических императивов, утилитарных и прочих эмпирических правил, политических максим, которые в целом расходятся с установками формализма,… апеллирующего к логическим абстракциям» [Kennedy, 2004].

Характерной особенностью «материализации» рациональности в праве оказывается размывание формальной рациональности («сугубо технической»), которая обеспечивает логическую упорядоченность правовых норм, герметичность правового корпуса и, как

следствие, создает основу для единообразия правоприменения. Однако существенно, что процесс «материализации» юридической рациональности является обоюдоострым. Так, с одной стороны, он выражает потребность современного общества во все более гибкой (точечной) регуляции правовых отношений. Это, в свою очередь, является проявлением нарастающей гуманизации права. Но, с другой стороны, размывание формальной рациональности чревато легитимацией «децизионизма» (К.Шмитт) в праве, что опасно переводом правовых отношений в режим «ручного управления» и оправданием произвола, учиняемого «именем закона». Как представляется, конкретная мера соотношения позитивного и негативного измерений «материализации» рациональности зависит, главным образом, от специфики правовой культуры и наличия независимого суда.

Однако у этого процесса есть и значимое эпистемологическое измерение. «Материализация» юридической рациональности, предполагающая все большую открытость права, объясняет в том числе и заинтересованность юридической науки в кооперации со смежными областями социального знания. Так, эпистемологическим измерением «материализации» оказывается размыкание границ позитивистской науки о праве и развитие междисциплинарных исследований. Наиболее ярким примером эпистемологического синкретизма здесь является направление «право и экономика» (Law & Economics). Успешность взаимодействия между правом и экономикой обусловлена тем, что каждая из областей знания оказывается вспомогательной для прояснения «среды» (Н.Луман) другой области. Институты правоприменения (главным образом, судебные практики) рассматриваются здесь как механизмы верификации экономической теории (практическим результатом которой, в конечном счете, являются законы, регулирующие экономическую деятельность). В свою очередь, экономический анализ рациональности дает правоведам информацию о ценностных предпочтениях и мотивационных особенностях индивидов, выступающих в том числе и в качестве субъектов правоотношений. Союз с экономикой оказывается для правоведения альтернативой «безрезультатному» взаимодействию с философией, которая так и не смогла дать вразумительного ответа на вопрос о природе человеческой мотивации и целеполагания, столь значимый для юристов [Калабрези, 2015].

В целом, экономической понимание целесообразности правоприменительных практик предлагает своего рода альтернативное решение традиционной философской проблемы соотношения морали и права. В условиях плюрализма ценностей, в отсутствии и нежелательности единой (и потому заведомо репрессивной) системы морали ценностно-нейтральные категории экономического анализа позволяют создать научные основания для анализа проблемы соответствия правовых норм и практик интересам индивидов и общества. В свою очередь, экономическая категория эффективности выступает в качестве своеобразного аналога философского понятия общего блага. Кроме того, внедрение метода экономического анализа права позволяет вывести анализ этического измерения права из абстрактно-нормативной в прикладную плоскость. Взаимодействие права и экономики имеет свои теоретические и практические результаты. Однако вопрос о правомерности осмысления этического измерения права в категориях экономического анализа нуждается в серьезной философской рефлексии.

Часовских Григорий Александрович
Аспирант, 2 курс, НИУ «Высшая школа экономики»

ПОНЯТИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭТИКЕ

В данном докладе представлен анализ общей риторики вокруг понятия справедливости в современной эволюционной этике.

С одной стороны, в дискурсе этологических статей, в той или иной форме исследующих такие явления, как парохиализм, или влияние нейромедиаторов на просоциальное поведение способно касаться проблем генезиса морали без апелляций к философии вообще. Более того, говоря об моральной оценке поведения других и воздаяния за него, самого слова «справедливость», многие этологи стараются намерено избегать. Однако вот уже за последние полвека, со времён К. Лоренца этология не избавилась до конца от метафизики в описании нравственного чувства. Это во многом обусловлено введением понятия моралистической агрессии Р. Триверса, дополнившей и усложнившей «механическую» агрессию К. Лоренца. В похожих рамках работают мыслители вроде М. Хаузера, предлагающие для полноты своих концепций сверх этологических исследований некоторую философскую надстройку. Здесь полнота механизма оценки справедливого действия достигается привлечением известных этических систем, но наравне с этим особую ценность имеют и конкретные эксперименты.

Есть и другой вектор, показанный в работах Р. Джойса, К. Бинмора и К. Боэма, где мы видим отход от фактологии в сторону более абстрактной концептуализации эволюционного процесса применительно к нашей морали. Вместе с этим заметен вектор этизации природы, заложенный ещё П.А. Кропоткиным. Возвышенные рассуждения русского анархиста о моральном чувстве животных моментами идеологизированы, что вкупе со значительным влиянием Шефтсбери и Гюйо вредит как убедительности, так и эвристической ценности и общему изложению некоторых замечательных идей-философа моралиста. Сейчас подобную линию продолжает Ф. де Вааль. Однако она лишена некоторых недочетов предшественника. Это обусловлено, во-первых, общим принятием онтического разрыва между человеком и животным. А, во-вторых, врожденным «расположением» мозга к взаимному альтруизму в свете специфики работы зеркальных нейронов у человека. В целом, несмотря на сверхдинамичное развитие дискурса и настоящий прорыв в эмпирической базе эволюционный этики, консенсуса по поводу одной из базовых категорий этики нет, однако у отдельных направлений есть свои преимущества, открывающие новые возможности в становлении эволюционной этики без замены понятия «справедливости» менее перегруженными этологическими альтернативами.

Шаммасова Лейсан Зямиловна
Магистрант, 1 курс, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ

Выбранная нами для исследования тема ценностно-нормативных ориентаций современных интернет–сообществ актуальна из–за возрастающего влияния виртуальной реальности на нашу жизнь. Сейчас каждый человек привязан к миру Глобальной Паутины посредством своей почты, аккаунта в социальной сети. Важным в этой связи становится изучение новых форм коммуникаций и взаимодействия индивидов в виртуальной среде, которая является публичным пространством. Одним из новообразований Мировой паутины послужило появление интернет-сообществ. Актуальность нашей темы определяется проблемными ситуациями, возникающими у пользователей при участии в интернет–сообществах, а также опытами нормативной саморегуляции сообществ, которые появляются в последнее время.

Говоря об объекте нашего исследования, важно понять, что в широком смысле речь идет о самом Интернете. Чтобы понять природу изменений, происходящих в Интернете, мы будем изучать одну из его важнейших базовых единиц – интернет-сообщество. В этом смысле, предмет нашего исследования обозначится более узко – этические нормы и ценности, существующие в рамках такого новооброзования Глобальной сети, как ин-

тернет–сообщества. Термин относится к книге «Виртуальное сообщество», опубликованный Говардом Рейнгольдом в 1993 году. Целью доклада является рассмотрение ценностного поля и практик этического регулирования, существующих в пространстве интернет-сообществ и затрагивающих их участников.

Для достижения поставленной цели требуется решить следующие исследовательские задачи:

- Изучить возникновение Глобальной Паутины и современное состояние Интернета.
- Выявление специфики организации и функционирования интернет-сообществ.
- Проведение классификации интернет-сообществ и их участников;
- Выявление этических проблем, связанных с функционированием интернет-сообществ;
-Анализ различных практик саморегулирования интернет-сообществ;
- Выявление ценностного содержания деятельности интернет-сообществ.

Появление глобальной сети привело и к появлению множества коллизий, главные из которых – этические. В связи с этим возникает компьютерная этика, «сосредотачивающая в себе вопросы поведения и нравственного выбора, порождаемых интенсивным развитием науки, техники и экономики». Она является одним из направлений прикладной этики. Последняя решает проблемы взаимодействия в сети, отношения между концепциями, учет постоянно изменяющихся тенденций современных технологий.

Многие коллизии, которые есть в сетевых сообществах, на самом деле есть и в реальной жизни. Например, этическая проблема жестокости и подлости людей. В реальности мы также не можем быть уверены в искренности и честности окружающих. Очень часто оказывается так, что друзья или близкие человека могут нанести «удар в спину». К тому же каждый человек может надевать различные маски и в реальном мире. И уже здесь можно поставить новый вопрос: в ком мы можем быть больше уверены, в человеке из реального мира или из искусственного?

Какие же нравственные принципы, идеалы и ценности лежат в основе интернет-сообществ?

Во-первых, это – основные права и свободы человека, имеющие отношение к информационной сфере и принятые международным сообществом в качестве международного эталона: право на свободу слова, право на получение информации, право на тайну переписки, право на неприкосновенность частной жизни.

Во-вторых, это те ценности, которые развили сами интернет-сообщества.

Шевченко Александр Анатольевич
Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Институт философии и права Сибирского отделения РАН

СНОВА О СВЯТЫХ И ГЕРОЯХ: ИДЕЯ СВЕРХДОЛЖНОГО В ЭТИКЕ

Действия, выходящие за рамки должного («supererogatory actions»), имеют следующую парадоксальную особенность: при том, что обычно они получают высокую моральную оценку, отказ от их выполнения не считается предосудительным. После статьи 1958 г. «Святые и герои» Дж. Армсона [1], эти действия стали активно обсуждаться в моральной теории. В качестве примеров он приводит подвиг солдата, в броске закрывающего своим телом гранату, и врача, который добровольно отправляется в охваченный чумой город.

Теоретическая проблема состоит в том, что, хотя их высокая оценка вполне соответствует нашим моральным интуициям, ни одна из основных моральных теорий не может их убедительно обосновать. Так, в теориях, основанных на правах человека, трудно объяснить, почему высокую моральную ценность должны иметь действия, превосходящие законные ожидания и требования людей. В рамках утилитаризма неясно, как могут существовать действия, выходящие за рамки должного, если само должное поведение

понимается как максимизация некоторого «Х» – пользы, блага, предпочтений, ожиданий, т.е. по определению не имеет верхней границы. Для кантианцев проблема состоит в том, что моральное действие должно выполняться из уважения к моральному закону, из чувства долга. А поскольку сверхдолжные действия выходят за эти рамки, они уже совершаются по каким-то другим основаниям и, следовательно, утрачивают моральную значимость. Вопрос, таким образом, состоит в том, как действие может одновременно быть морально «хорошим», но не быть морально «правильным», т.е. предписанным некоторой моральной теорией?

Одно из следствий такой ситуации заключается в том, что общепринятое деление моральных действий на обязательные, возможные (безразличные) и запрещенные не охватывает всего диапазона моральных поступков и нуждается в пересмотре и расширении наших представлений о моральном пространстве в целом. Представляется, что пространство моральной нормативности можно представить, как сферу, нижняя граница которой фиксируется известным принципом «долженствование предполагает возможность» («ought implies can»), а верхняя – зоной «сверхдолжного», т.е. действиями, сопряженными с большим риском, угрозой для жизни, самопожертвованием. В относительно современном виде этот принцип обычно возводят к Канту, в трудах которого хотя и отсутствует явная его формулировка, однако встречается ряд высказываний, где сопоставляются долг и возможность, например: «В самом деле, если моральный закон повелевает, что мы должны теперь быть лучше, то отсюда неизбежно следует, что нам необходимо и мочь это» [2, с. 296].

Однако, как это часто бывает, из одного и того же принципа разные люди с разными интересами могут выводить самые разные следствия. Так, принцип «ты должен – значит можешь» можно трактовать и как призыв к своеобразно понимаемому реализму, а фактически к оппортунизму. В такой трактовке требования практической морали следует формулировать с учетом того, на что реально способен человек со всеми его ограничениями разума, воли и ресурсов. Конечно, важен и социальный контекст. Так, в неидеальных политических условиях, когда нарушаются основные права людей, а стремление к справедливости создает угрозу для жизни, даже самое обыденное гражданское действие может стать героическим. Нормативные же этические теории как раз и можно различать по тому, как именно они проводят границу между должным и «сверхдолжным».

Литература

1. Армсон Дж. О. (Urmson). Святые и герои // Аспекты: Сборник статей по философским проблемам истории и современности: Вып.VIII, 2013. С. 247-264.
2. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты. СПб., 1996.

Шестакова Виктория Денисовна
Магистрант, 1 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ТВОРЧЕСТВА

В настоящее время существует большое количество философских концепций, которые пытаются объяснить сущность и природу творчества. Все эти концепции можно разделить на два принципиально различных направления в исследовании вопросов творчества. Первое направление усматривает творчество в свободной, ничем не обусловленной, произвольной активности человека. Представители второго направления связывают творчество с деятельностью Бога, творящего мир природы и самого человека. Категории свободы и творчества, рассматриваемые философами и учеными, совокупны в том плане, что проявление творческого начала в деятельности человека есть его естественный импульс не только в познании мира, но и в созидании, синтезировании. Именно

поэтому принцип свободы творчества должен гарантировать личную независимость и самостоятельность в сфере реализации творческого потенциала, творческих замыслов личности.

Вместе с тем, влияние этических и моральных норм на реализацию свободы творчества может рассматриваться дуалистично. Через свободу творчества автор художественного произведения стремиться показать не только красоту каких-либо явлений внутреннего или внешнего мира, но и сделать акцент на животрепещущих проблемах, которые происходят в современном обществе, конечно, используя в своей работе многие философские категории. Вместе с тем, закостенелость моральных и этических стереотипов в обществе зачастую негативно влияют на восприятие произведений в искусстве, подвергая их общественному порицанию.

Любые табу, распространяющиеся на изобразительные средства или темы, ущемляют самовыражение автора и ограничивают общество в приобщении к истинным произведениям искусства. Здесь стоит отметить, что сторонники принципа свободы творчества выступают за безграничное творчество, считая его более ценным, чем моральные или политические мотивы, с помощью которых данную свободу пытаются ограничить. С другой стороны, возможна ситуация, когда деятель искусства намерен специально эпатировать публику, используя средства и приемы, воздействующие на привычные мифологемы этических и нравственных устоев в обществе.

Принцип свободы творчества находится в достаточно сложных и неоднозначных отношениях с общественной моралью, религией и государственной политикой, в частности, с принципом терпимости. Моральные и религиозные принципы включают запреты на определённые темы и средства выражения (запрет на употребление табуированной лексики, на оскорбления, запрет на обнажение тела, на описание сексуальных действий во многих религиях, собственно религиозные запреты и так далее). Проблема всех мотивов для ограничения свободы творчества в том, что их обоснованность в каждом конкретном случае, как правило, очевидна только для сторонников, так что при возникновении конфликта «защитников моральных ценностей» с «борцами за свободу слова» найти компромисс удаётся крайне редко.

В настоящее время вопрос о свободе творчества является актуальным среди российской общественности. Необоснованным субъективным оценкам подверглись различные произведения кинематографа: усмотрение антироссийской и антирелигиозной культурной провокации в к/ф «Матильда» (реж. Алексей Учитель, 2017), наличие признаков идеологической борьбы в к/ф «Смерть Сталина» (реж. Армандо Иануччи, 2017). Какие именно моральные устои попираются, остается понятным только для инициаторов подобных введений. Данные коллизии все более ясно указывают на необходимость всестороннего изучения границ творчества авторов, выявления спорных моментов в оценке произведений искусства, их этической и нравственной составляющей, недопущения необоснованной цензуры и заполнения пробелов в законодательстве.

Шкрябина Светлана Сергеевна
Студент, 4 курс, Саратовская государственная юридическая академия им.Курского

КОНФЛИКТ МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Научный руководитель: кандидат философских наук, доцент Комлев Алексей Евгеньевич.

Аннотация: В статье рассматривается содержание конфликта моральных ценностей в современном информационном обществе. Ключевое место отводится осмыслению состояния современного информационного общества с позиции традиционных морально-

нравственных установок. Выделяется, что основной причиной конфликтов на современном этапе является увеличение влияния информационных технологий на общество.

Общество на современном этапе своего развития представляет собой активно развивающуюся систему. Изменения происходят во всех сферах общественной жизни. Становятся явными противоречия между социально – технологической и духовной сферой жизни. В новой реальности информационного общества происходит формирование новой системы ценностей. В современных условиях эта система неизбежно вступает в противоречие с традиционными аксиологическими представлениями. Данное противоречие имеет двойственный характер. С одной стороны, очевидна неизбежность социального прогресса, в том числе информационных технологий, с другой, также нельзя отрицать кризиса традиционных моральных ценностей, обусловленного новой стадией социального бытия.

Моральные ценности являются элементом, определяющим бытие человека. Они вбирают в себя наиболее важные представления человека о его целях, сущности и предназначении, определяют мировоззрение. Из-за активного развития информационных технологий появляется конфликт традиционных моральных ценностей и ценностей современного информационного общества, который проявляется в условиях гипертрофированного техническое развитие общества и бесконтрольного роста объёмов информации.

Главной задачей статьи является попытка анализа противоречий между этическими ценностями информационного и традиционного обществ. В современном обществе главенствующей стороной выступает коммуникативная. Именно коммуникационность информационного общества, на наш взгляд, является источником ценностных противоречий. Формируется особый тип общественных отношений, в котором «жизнь людей стала определяться их взаимоотношениями» .

Противоречия между моралью традиционного и моралью информационного общества определяется основными ценностными предпочтениями конкретного общества. Так, ценностными установками информационного общества выступают: высокая степень индивидуальной и социальной мобильности, ценностный релятивизм, превращение коммуникации в безликую передачу информации. Основными ценностными установками традиционного общества являются: духовная устойчивость, приоритет смысла над информацией, нравственно-аскетические принципы.

Поддаваясь воздействию СМИ, люди нередко забывают об истинных моральных принципах, становятся заложниками столкновения информационных возможностей. В итоге человек превращается в безразличное существо с приобретенным набором стереотипов поведения и отношения к другим членам общества. Возрастает чувство межличностного отчуждения, в свою очередь генерирует одну из главных антропологическую проблему современности – проблему одиночества.

Шпенглер Любовь Станиславовна
Магистрант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

АУТЕНТИЧНОСТЬ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ВЫБОРА

Можно ли рассматривать мораль, как вписанную в контекст культуры речевую структуру, функционирующую по определенным правилам «языковой игры» и обретающую свою подлинность внутри определенного сообщества? [1] Или это диалектическая антиномия жизненных установок и ценностных ориентаций, возможных в единстве и взаимообусловленности, но зыбко абстрактных и невозможных в качестве основы морального поведения? Новый аспект понимания фундаментальных категорий этики мог бы стать дискурсом, внутри которого они заиграли совершенно другими оттенками.

Нравственность «устоялась» и моральное содержание мышления превратилась в мутный осадок, не воспринимаемый как осмысленная часть какого-либо контекста эпохи – оторванное содержания событий.

Ж.-П. Сартр отвечает так: «онтология и экзистенциальный психоанализ должны открыть моральному субъекту, что он является бытием, посредством которого существуют ценности» [2]. То есть, точкой отчета и первоимпульсом моральной системы координат выступает индивид во всем многообразии своей проективной работы над бесконечным авторством самостановления. Быть подлинным для себя значит быть тем, чем ты являешься. Подлинность – источник данности или авторства. Но различие между аутентичным как функцией онтологической категории и его производной – искренностью, как характеристикой, присущей людям, – более сложно. В этом случае возникает закономерный вопрос: Что значит быть собой или представлять себя?

Быть собой – неизбежность, ведь каждый раз, делая выбор или действуя, мы являемся тем, кто это делает.

С другой стороны, иногда можно говорить, что некоторые решения, действия и даже мысли – «наши собственные». Некоторые решения, действия и даже мысли ДЕЙСТВИТЕЛЬНО наши собственные и, поэтому, не являются по-настоящему выражающими то, кто мы есть [5]. Б. Уильямс определяет подлинность как «идею о том, что некоторая вещь в некотором смысле действительно вы или выражаете то, что вы есть, а другие нет» [8].

Череда значимых культурных преобразований XVII и XVIII вв. способствовала появлению нового антропологического идеала. Люди стали восприниматься как отдельные индивидуальности. Этот антропоцентрический акцент выражался в распространении все большего количества материала автобиографического характера. Значимыми становятся не результаты деятельности (подвиги, достижения, обладания специальными знаниями и т.п.), но результаты становлении как индивидуальности. Как указывает Ч. Тэйлор, под человеком теперь понимается его наилучшие достижения, возникшие благодаря уникальности и оригинальности, без связи с социальными нормами [5]. Понятие искренности и честности безнадежно устаревают. Прежде искренний человек понимался, как стремящийся честно не нарушать ожиданий. Но ко времени Гегеля искренность как идеал обесценился и утерял свою нормативно-моральную привлекательность.

Термин подлинности определяется новом понимании. Старый идеал искренности, которая относится к правдивости, честности заменяется концепцией подлинности, которая понимается «для себя и собственной выгоды». Концептуальные изменения термина «подлинность» явственно маркирует новый набор добродетелей. Ранее мораль предписывала: чтобы быть подлинным, необходимо быть правдивым, – для того, чтобы быть верным другим. Из этого следует: быть подлинным по отношению к себе значит являться средством достижения успешных социальных взаимоотношений. В новом контексте подлинность является качеством добродетельного характера, который можно рассматривать как относящийся к такому способу действия, которое самоцельно [6]. Но самоцельное действие это проявление целостного и самооправданного бытия. Такой характер бытия и должен быть подлинным. Но тогда что значит быть? [2].

Литература

1. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. Екатеринбург. Издательство: Деловая книга, 2000.
2. Сартр Ж.-П. Бытие и Ничто. Москва: Издательство: АСТ, 2015.
3. Сартр Ж.-П. Тошнота. Санкт-Петербурге: Азбука, 2007.
4. Sartre J-P, Notebook for an ethics. Translated by Pellauer D. The University of Chicago Press, 1992.

5. Taylor C. The Ethics of Authenticity, Cambridge: Harvard University Press. 1991.
6. Varga S. Authenticity as an Ethical Ideal. "Self-Realization and Owing to Others. A Morality Constraint?" International Journal of Philosophical Studies, 2011.
8. Williams B. Truth and Truthfulness: An Essay in Genealogy, Princeton: Princeton University Press. 2002.

Штарк Елена Владимировна
старший преподаватель, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого

ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО (ВОЛОНТЕРСТВО), КАК ЭЛЕМЕНТ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

За последнее десятилетие российской общественностью все чаще поднимается актуальность развития и преобразования современного социума в культурном, социальном и моральном плане. Одним из факторов, которые сегодня призваны совершенствовать общество – является развитие и поддержка государством добровольческих инициатив и волонтерского движения. 2018 год объявлен Президентом Российской Федерации – Годом добровольца (волонтера) [Указ Президента РФ «О проведении в Российской Федерации Года добровольца (волонтера)» от 6.12.2017 №583 Москва, Кремль], а также, 5 декабря, начиная с 2017 года, официально, на государственном уровне утвержден День добровольца (волонтера) [Указ Президента РФ «О Дне добровольца (волонтера)» от 27.11.2017 №572 Москва, Кремль].

Рассмотрение мировоззрения добровольца (волонтера), представляет безусловный интерес, как с исторической точки зрения, так и наблюдение за современным развитием данного вопроса, который можно отнести к актуальным проблемам современной прикладной этики. В момент становления мотивации добровольца (волонтера) происходит серьезная переоценка ценностей, мнение А.В. Разина, с нашей точки зрения справедливо можно отнести к становлению мотивации добровольца, подобный человек, преодолевая свои физиологические потребности, стремится к совершенству, делает свой сознательный моральный выбор, относится с уважением к накопленному опыту знаний и моральным ценностям общества. «Моральный выбор неизбежно проявляется здесь в том, чтобы правильно оценить свои предпочтения, найти правильный путь к контакту с другими людьми… Поэтому, реализуя программу своего нравственного развития, человек должен думать не только о том, как не навредить другим, но и о том как стать полноценной общественно развитой личностью, приобрести специальные знания и профессиональные умения» [1, с.266]. Таким образом, добровольчество призвано развивать и совершенствовать как личность в частности, так и общество в целом. С законодательной точки зрения, внимание Правительства Российской Федерации на развитие добровольческих инициатив обращалось уже и ранее - Федеральный закон от 11 августа 1995 г. «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», а также Концепции содействия развитию благотворительной деятельности добровольчества в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2009 г. N 1054-р. В соответствии с Федеральным законом от 12 января 1996 г. N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» развитие добровольчества выступает важной составной частью в деятельности по поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций. Но если до настоящего времени, первые добровольческие (волонтерские) организации в основном опирались на зарубежный опыт и сталкивались с противоречиями в законодательной базе, а также смутным представлением граждан по отношению к некоммерческим организациям (НКО), то теперь, когда «свое участие в добровольческой деятельности в настоящее время подтверждают 15% опрошенных взрослых российских граждан. В то же время, по данным социологических опросов, свою готовность работать на добровольной основе декларировали 50% опрошенных»

[Проект Распоряжения Правительства РФ <Об утверждении концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года> (по состоянию на 26.06.2017) (подготовлен Минэкономразвития России http://liga-volonterov.ru/wp-content/uploads/2._proekt_koncepcii_razvitiya_volonterskogo_dvizheniya_do_2025_goda.pd] , безусловно, отмечается тенденция развития данного вопроса. Но, несмотря на признанную важность развития добровольческих инициатив, что отмечается и общественностью и Правительством, существует много проблем в фактической мотивации и реализации труда добровольцев, а также государственного контроля в данном секторе, которые, прежде всего, связанны с экономическим состоянием современного общества. Следует отметить, что Правительством объективно оценивается отношение общества к развитию добровольчества и помимо существующего законодательства в сфере НКО, также внедряются законопроекты, которые рассматривают развитие данного направления в российском обществе в перспективе.

Литература

1. Разин А.В. Свобода выбора и принципы нормативного самоопределения личности. Философия религии: Альманах. Москва: Восточная литература, 2013.

Yadzviha Yaskevich

THE CONCEPT OF COMMUNICATIVE AND MORALLY ORIENTED PERSONALITY

(Яскевич Ядвига Станиславовна, Доктор философский наук, профессор;
зав.кафедрой социальной коммуникации, Белорусский государственный университет,
«Понятие коммуникативной и нравственно ориентированной личности»)

In communication theory, the notion of a communicatively oriented and moral personality is filled with a special meaning. This concept here denotes one of the forms of manifestation of personality, associated with the quality of its performance of functions as a subject of communicative interaction. It is known that a person, as a social subject, a socialized individual, can exist only as a «person communicating», communicative and moral. If a person as a biological subject does not participate in communication processes, he will not be able to turn into a social subject, into a person, i.e. on the socio-philosophical level, the concept of «personality» and «communicative personality» coincide in their content. In this case, we can talk about a broad understanding of the concept of communicative personality. In a broad sense, the term «communicative personality» is equivalent to the term «personality». Communicative personality in the narrow sense in the theory of communication means a stable system of socially significant properties and qualities that characterize an individual as a subject of social communication (the communicative subject is morally oriented and observes moral principles in various spheres of communication. its implementation through the social roles of the source / recipient of the messages. The identity element of time can function in various social roles, can be realized through various behavioral forms. When these behavioral forms take the form of a communicative action, the person's being as a communicative person takes place. then, applying to his understanding of the category of communicative personality, we abstract from all his social roles that are not related to communication.

A communicative person is at the same time «a person communicating in the past, a subject and a product of previous communication», «a person communicating really in the present» and «a person communicating potentially, ready for communication in the future». All these three time slices are past, present and future / potential communication. «A person is communicative» with his openness to everything new, ready to communicate in the future, and at the same time focused on the traditions of the past, is especially necessary when evaluating innovative technologies used in modern medicine, biology, genetics, which really change his status.

«КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ И ЦЕННОСТИ В КОНФЛИКТЕ»
«CONFLICT OF VALUES AND VALUES IN CONFLICT»

материалы круглого стола

в рамках реализации проекта, поддержанного РФФИ-ОГН №16-03-00388 «Этический анализ конфликтов ценностей»

Абакарова Райганат Магомедовна
Доктор философских наук, профессор
Дагестанский государственный университет

КОНФЛИКТ ТРАДИЦИОННЫХ ЭТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ И ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

В каждую эпоху или исторический период для человека актуальны проблемы морального выбора ценностей и нравственного поступка, человеческого достоинства, нравственного долга, чести и достоинства. В каждую эпоху восклицали «О времена, о нравы!», современное общество тому не исключение. Моралисты согласятся с тем, что в наше время, отсутствие общепринятых моральных ценностей и безнравственность, порой становится пугающей нормой. Это касается сфер бизнеса, корпоративных интересов и особенно, в части личного обогащения. Человек думающий оказывается беззащитным и растерянным, особенно, когда о культуре, нравственности и духовности рассуждают с высоких трибун безнравственные люди, сознательно прикрывая фасадом суждений свою глубокую непорядочность, или безнравственные поступки.

Важно сформировать нравственный иммунитет против вируса бездуховности, что возможно только через внимательное изучение истории вопроса, и, объективной оценки современного состояния, прикрывающейся в современные одежды из ярких речей. Проблема актуальна в связи с тем, что преподаватель этики или профессиональной этики является не столько носителем информации, сколько экспертом ситуации в глазах подрастающего поколения студентов. Сегодняшний, многовариантный, в сфере поступков, и поведения, мир, сложно оценить с позиции нравственных ценностей. Сформировалась надэтическая сфера оценки должного/сущего – сфера «понтов», где истинные этические ценности подменены кейсами. Весьма трудная, нелегкая задача стоит перед преподавателями ВУЗов, и в этнокультурном образовательном пространстве, в особенности в многонациональном, поликонфессиональном и поликультурном пространстве, где все смешалось.

Я хочу говорить о Дагестане и о собственном опыте преподавания дисциплин «этика» и «профессиональная этика». Здесь в синкретизме сосуществуют традиционные, религиозные и правовые нормы регуляции межличностных отношений. При преподавании и формировании ценностей добра, красоты и истины, преподаватель должен быть не только профессионально подготовленным, но и очень толерантным (корректным), иначе может оказаться жертвой какого-либо религиозного экстремиста. Известен случай нападения студента на преподавателя дисциплины религиоведение, по причине расхождения взглядов на предмет истории ислама. При изложении категорий и понятий добра и зла, должного и сущего, достоинства и чести, этикета и справедливости, преподаватель вынужден знать и учитывать все возможные интерпретации данных понятий. Если правовое поле в сознании большинства обнаруживает нигилизм, то религиозное сознание находится на уровне возрождения. Социально-экономические причины реставрации религиозного мировоззрения на Северном Кавказе изучены и они очевидны.

Этика, преломленная в свете ислама, требует рассмотрения этических категорий в мусульманской интерпретации. Так в исламе присутствуют этические понятия «ахляк» (اخلاق) и «адаб» (ادب), которые имеют значение этики, морали, нравственности и практической философии в целом. «Ахляк» определяется как нрав, а именно, сфера самосо-

вершенствования, самовоспитания, внутренние качества человека, наполняющие его человеческое достоинство, а «адаб» – внешнее выражение ахляка, сфера этикета, демонстрации воспитанности, поддерживающий честь мусульманина и проявляющийся публично, вовне (на людях). «Ада́б» – исламский этикет. Нормы поведения, предписанные шариатом, включают в себя хорошие манеры, нормы приличия, порядочность, человечность. Адабу в исламе придают большое значение и примером высоконравственного поведения для мусульман выступает пророк Мухаммад.

Артёмов Георгий Петрович
Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОРАЛЬНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ЦЕННОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ

РФФИ-ОГН №16-03-00388

В докладе рассматривается влияние моральных установок и социальной принадлежности людей на ценностные конфликты. Анализ эмпирических данных позволяет сделать вывод о том, что приверженность людей противоположным жизненным целям связана с их предрасположенностью к противоположным типам отношения к окружающим. Основой ценностных конфликтов служат не просто «противоположные» по смыслу жизненные цели, а жизненные цели, противопоставляемые друг другу представителями разнородных социальных сообществ. Приверженность человека одним ценностям и неприятие им других ценностей сопровождается позитивным и негативным его отношением к носителям этих ценностей. Ценностный конфликт связан с социальным конфликтом – столкновением групп людей с противоположными интересами. Согласно теории социальных расколов (социальной поляризации) С. Роккана и С. Липсета, возникающие в результате трансформации общества базовые конфликты, обусловливают разделение населения на слои с противоположными интересами и формирование у этих слоев противоположных ценностных ориентаций. Расколы сначала порождают социальную напряженность в отношениях между социальными слоями, а затем приводят к открытым столкновениям представителей этих слоев, к социальным конфликтам, которые неразрывно связаны с ценностными конфликтами – столкновением убеждений в приоритетности, исключающих друг друга (в конкретном культурно-историческом контексте) жизненных целей. В качестве источника эмпирических данных в докладе используется интегрированная база (1981-2014 гг.) Всемирного исследования ценностей (World Values Survey – WVS), включающая данные шести волн опросов населения большинства стран мира. В этой базе имеются переменные, характеризующие моральные установки (уверенность в честности или своекорыстии большинства людей), объективный и субъективный социальный статус (принадлежность к различным слоям населения и самоидентификация с этими слоями) и ценностные приоритеты (выбор в пользу одной из противоположных жизненных целей). Анализ взаимосвязи этих переменных позволяет утверждать, что люди, придерживающиеся промежуточных оценок характера своих отношений с окружающими и занимающие средние позиции в социальной структуре, склонны ориентироваться на сочетание противоположных жизненных целей. Эти люди в большей степени, чем те, кто занимает крайние позиции в оценке ожидаемого поведения окружающих и в системе социальных статусов, склонны доверять окружающим и уважать их право на самостоятельный выбор жизненных целей. Увеличение удельного веса этих людей в составе населения создает благоприятные условия для разрешения ценностных конфликтов.

Баталыгина Юлия Александровна
Кандидат философских наук
Санкт-Петербургский государственный университет

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ КОНФЛИКТАМИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

РФФИ-ОГН №16-03-00388

Социальное проектирование является одной из инновационных социальных технологий, активно применяемых в последние десятилетия в российском обществе. Данная технология оказывается пограничной областью между социально-культурно-нравственным знанием и социальной деятельностью, что делает социальный проект актуальным и действенным в области социальной политики. Социальное проектирование, как результат работы социальных институтов, является элементом социальной политики, целью которой является создание в обществе благоприятного социального климата и социального согласия, условий, обеспечивающих удовлетворение основных жизненных потребностей населения.

От социальной политики государства зависят развитость, многообразие и действенность социальных технологий. Связь госструктур и гражданских организаций необходима для развития социальной стороны жизни общества. Социальное проектирование является социально значимой деятельностью, объединяющей общество и государство, и являющейся результатом их совместных усилий, поэтому активное межсекторное социальное партнерство может стать залогом создания и успешной реализации социальных технологий. При активном и позитивном взаимодействии государства и общества развиваются традиционные формы социального проектирования такие, как социальный заказ, грант, общественные советы, конкурсы социальных проектов, культурные ярмарки и т.д., так и инновационные в форме гражданской экспертизы, общественного проектирования, гражданской инициативы и т.д.

Целью социального проектирования является создание или поддержание материальной или духовной ценности, положительное воздействие на общество по своему социальному значению. Данный социальный инструмент имеет отношение к развитию социальной среды, организации социального благополучия, преодолению социальных проблем и конфликтов. У социального проектирования, как важной общественной деятельности, есть и более глубокое понимание. Социальный проект – это «сконструированное инициатором проекта социальное нововведение», целью которого является «создание, модернизация или поддержание в изменившейся среде материальной или духовной ценности», воздействие которого на людей является положительным по социальному значению.

Каждый социальный проект имеет цель, задачи, программу, механизмы реализации, должен формироваться путем прогнозирования и моделирования и выстроиться в модель (проект). Прогнозирование, моделирование и структурирование проекта помогают управлять социальными процессами и внедрить нечто социально новое, что характеризует социальное проектирование как инновационную деятельность. Центральным и наиболее важным в составлении социального проекта является определение социальной проблемы (социального конфликта), то есть предмет социального проектирования, некая конкретная некомфортная социальная «ситуация», противоречие, общественная потребность.

Технологический характер социально-проективной деятельности заключается в преобразовании общества, его групп или отдельной личности, изменении отношений между людьми и трансформации мышления человека. Социальные проекты создают «социальный капитал», смысл которого заключается в общественном социальном общении, то есть участии в проекте и формировании доверия друг к другу; совместной ответствен-

ности, сотрудничестве и партнерстве; социальной инфраструктуре, которая участвует и создается в рамках проекта – рабочая группа, сообщество, союз, семья, общество; создании «коллективного продукта», а не частного.

Анализ современных социальных проектов позволяет не только выявить, обозначить социальные проблемы современного российского общества, но и предложить стратегии их решения с учетом прогностических перспектив их воздействия на общественную нравственность. При всем многообразии проблем, на которые направлены проекты, различных способах их осуществления, объединяющим началом выступает их нравственное содержание, этические задачи, реализуемые в пространстве общественной морали. Социальный проект позволяет решать социальные проблемы, консолидируя общественность, вовлекая в процесс социальной деятельности различных социальных субъектов, формируя практики социального поведения, ценностные установки морального сознания и пространство нравственных отношений.

Газимагомедов Газимагомед Гамзатович
доктор политических наук, профессор
Стребков Александр Иванович
доктор политических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА ЦЕННОСТЕЙ

РФФИ-ОГН №16-03-00388

Конфликт ценностей есть способ отрицание одних ценностей и утверждение иных ценностей, есть борьба индивидов как носителей противоположных или рядом положенных ценностей, которые сами по себе есть идеальный образ значимых интересов и не важно осознаны эти интересы или нет. Ценности сталкиваются не сами по себе, противостоят друг другу не сами по себе, а в результате деятельностного взаимодействия индивидов в какой бы коммуникативной оболочке не осуществлялось это взаимодействие.

Столкновение господствующих ценностей с ценностями пробивающимися из глубин сознания подчиненного класса, да и всех индивидов, к какому бы классу они не относились, регулируется и это факт, который вряд ли может быть опровергнут и недооценим.

Ценности в конфликте ценностей играют подчиненную роль и выступают в качестве предмета социального конфликта, а так как они есть продукт общественного сознания, то их столкновение есть отголосок реальных столкновений интересов людей, в каком бы социальном положении они не пребывали, есть отраженное в общественном сознании реальное бытие конфликта, вплетенный в материю жизни гражданского общества. Поэтому разрешение конфликтов ценностей кроется в разрешении социальных конфликтов, порождающие конфликт ценностей и являющиеся духовным симптомом разворачивающихся в гражданском обществе реальных социальных битв.

В данном контексте вполне становится понятной роль и значение нравственности в урегулировании конфликта ценностей как и в урегулировании социального конфликта. В связи с чем обозначается функция морали в урегулировании социальных, а вместе с тем и конфликтов ценностей, которая заключается в формировании как нацеленности на борьбу, так и на мир и мирное существование. В первом случае, сама борьба определяется не только как социальный принцип, согласно которому сложившееся массовое положение индивидов должно быть изменено в сторону приближающуюся к удовлетворению потребностей и интересов, непосредственно вытекающих из сложившегося социального положения, во втором случае, борьба признается за негативный принцип, за такую ценность, которая не имеет права на существования не только вообще, но в дан-

ный конкретно-исторический момент и в данном случае мораль уподобляется как господствующему праву, так и религии, обслуживает как первого, так и вторую. В последнем случае мораль, поглощённая этими формами господствующего общественного сознания упраздняет или умерщвляет свою потенцию в урегулировании социальных конфликтов, растворяясь в праве и религии, тогда как в первом случае мораль становится активным элементом борьбы, укрепляет ее осознанием того, что эта борьба не ради индивидуальных прихотей и особенностей, а ради всего человеческого рода, ради общества, нацеленного на иные более разумные, а тем самым и более нравственные основания его бытия.

Держивицкий Евгений Викторович
Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

О РАЗМЕРАХ КУЛАКОВ У ДОБРА

РФФИ-ОГН №16-03-00388

Проблема допустимости и размеров применения силы представлена во множестве исследований философского и правового характера. На уровне межличностных, групповых или внутрисоциальных отношений она трактуется неоднозначным образом, однако в том, что касается международных политических отношений в этом вопросе установлены четкие критерии. С точки зрения большинства теорий справедливых войн (речь идет, правда, только о европейской традиции и иных, близких к ней) и с точки зрения современного международного права, применение военной силы строго регламентировано. Здесь сформировались два принципа, правомочность которых не вызывает сомнений, но, в то же время, сочетание их в реальности, во время ведения боевых действий, крайне затруднено. Первый предусматривает право каждого государства защищаться от агрессии. Второй предписывает недопущение или, в случае объективной невозможности это осуществить, минимизирование жертв среди нонкомбатантов противной стороны. Эти два принципа восходят как к этической, так и к правовой аргументации, но, по крайней мере, дважды в новейшей истории если не вступали в противоречие, то взаимоисключались в риторике политиков. Речь идет об оправдании нанесения ударов по гражданским объектам союзниками в 1945 г. (прежде всего, при бомбардировке Дрездена) и израильтянами при проведении операции против движения Хамас в 2014 г. В обоих случаях стороны являлись жертвами агрессии, они подвергались смертельной опасности со стороны режимов, с которыми вели борьбу, и их моральное право защищать свои народы не вызывало сомнений. Сравнение же их с моральными качествами руководства Третьего рейха и террористов из Хамас наделяло их даже моральным превосходством. Однако сокрушение их представлялось как справедливое возмездие за преступления, которое должны были осознать (а в идеале – и посодействовать в деле свержения тиранов) немцы и палестинцы. В реальности же консолидация немцев и палестинцев из Газы вокруг своих руководителей только усилилась, а уровень легитимности соответствующих режимов возрос. Этот парадокс, имеющий, несомненно, психологические причины, для союзников и израильтян стал своего рода моральным оправданием применения военной силы против мирных объектов, потому что, во-первых, оба режима пришли к власти в результате выборов, то есть большинство людей, от имени которых осуществилась агрессия, ее поддерживает, а, во-вторых, их упорство в поддержке своих руководителей делает их соучастниками их преступлений. Таким образом, по такой логике выходило, что либо осознанно, либо, под воздействием пропаганды, отказавшись от рационального и критического мышления, немцы и палестинцы добровольно выбрали сторону зла, а потому эмоциональное сопереживание их бедам не может заслонить со-

бой право наказать преступников и сочувствующих им. Если исходить из допущения, что война с нацистской Германией и террористическим режимом Газы есть проявление добра с кулаками, то необходимо определить размер этих «кулаков», особенно в свете того, что цель демонизации соответствующих режимов в глазах народов, которые они возглавляли, не была достигнута. Политическая наука исходит из того, что тоталитарные режимы, не имея внутренней оппозиции, прекращают свое существование либо в результате военного поражения, либо, утрачивая со временем свои черты, переходом в авторитаризм. Иными словами, чем «размер кулаков», разрушающих их снаружи, больше – тем лучше. В том числе для тех, по кому они бьют, в пример чего приводят ту же Германию. Но в этике такая логика может быть воспроизведена только в том случае, когда удастся четко провести границу в мотивации нанесения ударов по гражданским объектам: является ли это объективной и неустранимой необходимостью, либо имеет примесь мести и субъективного злонамерения. Из-за того, что методологически это осуществить невозможно, остаются два диаметрально противоположных подхода: отказать или признать за добром право иметь кулаки. Очевидно, что первое приведет к самоубийству добра, а второе – к утрате им своей чистоты. Из классических этических систем оправдание таковых действий можно найти только в утилитаризме, однако его позиция представляется весьма не достаточной, а потому проблема должна разрешаться в рамках иных этических подходов.

Коваль Екатерина Александровна
Доктор философских наук, профессор
Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

«НИЦШЕ УМЕР. БОГ» ИЛИ ГЛОКАЛЬНАЯ ПЕРЕЗАГРУЗКА МОРАЛИ

РФФИ №18-011-00710

Каждая историко-культурная эпоха формирует свои представления о морали: исследователи ищут ответы на нормативный вопрос, анализируют нравы локальных сообществ, собственный моральный опыт, суггестивные приемы, применяемые людьми в процессе нравственного воспитания.

Современное нестабильное и неопределенное социокультурное пространство ряд исследователей (Р. Робертсон, В. Рудометоф, А. Согомонов и др.) характеризует как глокальное. В. Рудометоф, обращая внимание на ограниченные объяснительные способности концепта «глокализация», подчеркивает, что, анализируя глокальные процессы, необходимо учитывать особенности роли локального в глокальном и глобального в глокальном. Учитывая данное ограничение, отметим, что в пространстве глокального возрастает вероятность возникновения ценностно-нормативных конфликтов, становится затруднительным прогнозирование поведения Другого, снижается уровень социального доверия. В этой связи особую популярность приобретают алгоритмы нравственных рассуждений: осуществляется обучение принятию этических решений, разрабатываются рациональные концепции моральных интуиций, моральных суждений.

Наиболее надежным способом получения навыков принятия этических решений является личный опыт, однако получение первичного морального опыта не может быть типизировано. Моральный поступок уникален, поскольку уникален поступающий. Это обусловливает необходимость обращения к мнению экспертов, которые, возможно, сами не имеют необходимого опыта, однако знают о проблеме больше, чем поступающий. П. Слива называет такой вид морального понимания «secondhand understanding», поскольку, не имея достаточных знаний о проблеме, невозможно выбрать правильного эксперта. Конечно,

поступающему может сопутствовать моральная удача в выборе эксперта, однако это слишком ненадежное основание для принятия решения в рисковом глокальном мире.
Это влечет за собой популярность воспроизводимых результатов решения моральных проблем, что порождает потребность в доказательной этике (если таковая вообще может быть). В таком контексте тезис Ницще о смерти Бога безусловно «проигрывает» тезису о смерти Ницще, поскольку последний проще доказать.
Если использовать хайдеггеровскую интерпретацию тезиса Ницще о смерти Бога и понимать под ней разочарование в сверхчувственном мире идеалов и высших ценностей, то можно предположить, что, хотя сегодня и непопулярны абсолютные основания морали, тем не менее, современный человек преимущественно находит обоснование своим поступкам не в воле к власти, как полагал Ницше, а в собственном разуме, что в большей степени тяготеет к кантианской традиции с ее ноуменальным миром.
Можно предположить, что обострение понимания трудности воспроизводства результатов моральных рассуждений и поступков в глокальном мире может повлечь за собой перезагрузку морали, когда система возвращается к исходным настройкам, то есть к поиску основания морали за пределами человеческого существования, там, где Ницще умер, а Бог – нет. При этом новые этические вызовы не порождают новых этик, но, скорее, влекут за собой изменения в ценностно-нормативных иерархиях личности и общества, а также в расстановке акцентов между моральными знаниями и интуициями.

Leszek Kopciuch
PhD, DSc (habilitated doctor), professor
Maria Curie-Skłodowska University, Institute of Philosophy

A CRISIS OF VALUES?

The term "crisis of values", though extremely popular from the beginning of the twentieth century and now present in public discourse, seems to pose several theoretical problems, because it is so broad that it is easy to misinterpret or apply it to an area where it no longer belongs. In addition, both keywords, crisis and values, are rather ambiguous, and loaded with various historical meanings. In the following considerations, four selected levels will be outlined, where some doubts can be raised about a "crisis of values":
1) Should we speak of a crisis of values or a crisis of the consciousness of values?
2) Should we speak of a crisis of values or a crisis of a certain type of value?
3) Is a possible crisis of values (no matter how construed) only a negative phenomenon, or can it also be a positive event?
4) Are crises of values brewing in the consciousness of an ordinary person immersed in ordinary life situations more dangerous than crises arising in theories, in the conceptions of which they are proposed?
The aim of these considerations is, on the one hand, to specifically define the terminology without which it is difficult to imagine a proper description of events in culture referred to as a "crisis of values". On the other hand, it is necessary to establish whether we are experiencing a crisis of values and, if so, what its nature is.
Selected conclusions. The considerations illuminate different, but theoretically equally important aspects of the issues indicated in the title of this article. From the point of view of axiology and theoretical ethics, the most valuable thing is to detect the difference between values and the consciousness of values. The value itself is thus different from its discernment or conception, from the consciousness of value. We can even say, from its cultural concretization. It can then be reasonably and optimistically concluded that a crisis does not concern values themselves, but only the consciousness of values (and their realization). But from the point of view of morality and our reflection on it, and especially in the context of our

reflection on the sustainability of culture and its moral aspects that are contained in ethos, the more valuable thing is the conception in which the cultural consciousness of values has the priority, because through it and within it values define human life. And it is so (which is somewhat obvious) not only when we discern values as cultural meanings existing in culture and only in it - a possible crisis of values is then only a crisis of these senses. It may also happen when values are interpreted objectively. Even in such an objective paradigm, value influences the human world through human axiological consciousness: I know about value, through this knowledge value enters my world; moreover, it happens through my decision to realize it, through my consent to this realization. If we could use Nicolai Hartmann's expressions, we could say that the objective values are strong because they are objective and are not subject to human interpretation. But they are also weak because they do not realize themselves in the world without the mediation of human attitudes and actions, or at least not without reference to human perception and sensitivity (the aesthetic value of sunset or sunrise is brought into focus only in the context of human sensitivity). This fact means that even if we cannot justifiably and optimistically confirm that there is no crisis of values, but there is only a crisis of the consciousness of values, then we must now say that this crisis is by no means less dangerous. The consciousness of values is the only area where values are given to us at all.

Ларионов Игорь Юрьевич
Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИКА ДОБРОДЕТЕЛИ И МОРАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

РФФИ-ОГН №16-03-00388

Один из пунктов критики этики добродетели состоит в том, что она не дает прямого руководства к действию и, тем самым, практически бесполезна для работы с моральными конфликтами в конкретных ситуациях. Отдельные проблемные аспекты:

- отсутствие в этике добродетели категорий, адекватно описывающих моральный конфликт;
- снижение значимости отдельного поступка по сравнению со значимостью характера, проявляющегося в серии поступков;
- отсутствие (на настоящий момент) самостоятельной разработки теории принятия решений в моральном конфликте;
- отсутствие единообразного списка добродетели, на основании которого можно было бы выработать теорию принятия морального решения.

Моральные дилеммы могут порождаться конфликтом обязанностей перед другими, а также взаимными обязательствами, в то время как добродетели – это, в первую очередь, блага для самого человека.

П.Гардинер – автор одной из наиболее интересных публикаций о теории добродетели в биомедицинской этике – утверждает, что отсутствие рекомендаций для отдельных ситуаций в этике добродетели является не недостатком, а достоинством. Те, кто на практике развивают профессиональные черты характера, не только сами становятся воплощением ценностей, но способствуют продвижению гуманизма. При этом они могут рассматривать каждый случай индивидуально, не привязывая его к тому или иному списку моральных принципов, что способствует большей адаптации профессионала, его гибкости и даже креативности в ситуации морального конфликта [2, p.297-302].

Важно, что этика добродетели дает основание для стратегического или экзистенциального морального выбора.

По А.Макинтайру, этика добродетели позволяет ориентироваться во множестве правил и в способах применения их в конкретных ситуациях. Такая способность, равно как сами добродетели и «моральная идентичность», обретаемая на их основании, обусловлены исторически (традицией) и связаны с теми ролями («характерами»), которые мы играем в обществе [1, с.292-302].

К применимости этики добродетели в конкретных ситуациях морального конфликта обращается Р.Херстхаус, предлагая теорию нравственного действия. Она вводит понятие «virtuous agent»; добродетельная личность – тот, кто обладает набором добродетелей. При этом, образ действий выступает нравственным ориентиром и принципом для отдельных поступков других людей. По мысли Херстхаус, здесь выявляется важный характер нравственной жизни – отсутствие автономии и зависимость от тех, кто нравственнее нас [3, p.25-35].

Можно предложить другой вариант связи этики добродетели с теорией морального конфликта – посредством вспомогательной теории обязанностей.

Наиболее близкими этике добродетели являются нравственные обязанности перед самим собой. В качестве цели принятия таких обязанностей может быть взята – в контексте этики добродетели – наилучшая для человека жизнь («счастье», «смысл жизни» и т.п.). Конструируемая таким образом этика добродетели будет обладать немалой мотивирующей силой. Моральный конфликт, в таком случае, может анализироваться как моральная дилемма, стоящая перед отдельной личностью.

Литература

1. Макинтайр А. После добродетели. М.-Екатеринбург, 2000.
2. Gardiner P. A virtue ethics approach to moral dilemmas in medicine // Journal of Medical Ethics. Vol.29, №5 (Oct. 2003).
3. Hursthouse R. On Virtue Ethics. NY: Oxford Univ.Press, 1999.

Перов Вадим Юрьевич
Кандидат философских наук, доцент; зав.кафедрой этики
Санкт-Петербургский государственный университет

«НОВАЯ ЭТИКА» ДЛЯ ОБЩЕСТВА НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ?

РФФИ-ОГН №16-03-00388

Одной из общепризнанных причин появления прикладных этик во второй половине XX века считается начало научно- технической революции. Начало XXI века ознаменовалось бурным ростом новых технологий. Компьютеры, смартфоны, поисковые системы, он-лайн сервисы, технологии искусственного интеллекта, машинное обучение, нейросети, big data и т.д. стали частью повседневной общественной и индивидуальной жизни. Технологии E-service приникают в право, медицину, государственное управление, с их помощью решаются вопросы о банковских кредитах, о найме и увольнении с работы и т.д. Возникающие в связи с этим моральные проблемы породили новые области прикладных этик (робоэтика, машинная этика, этика искусственного интеллекта, компьютерная этика и т.д.). При этом в центре внимания зачастую оказывается вопрос об «Искусственном Моральном Агенте» (ИМА), как потенциальном носителе каких-то «моральных качеств» или их аналогов, что позволяет говорить о возможности появления «новой морали». В контексте этих дискуссий можно выделить два конкурирующих подхода: (1) Использование существующих моральных норм, их возможная адаптация или создание на их основе новых норм применительно к социальной реальности, частью которой являются ИМА. («мораль для машин»); (2) Создание ИМА, способных следовать существующим моральным нормам на основе алгоритмов машинного обучения,

которое предполагает возможность при необходимости их адаптировать или создавать новые («мораль машин»).

Базовые проблемы «морали для машин»: а) возможно ли создавать ИМА с моралью «под заказ». Кто будет решать, какие именно моральные нормы будут составлять основу алгоритма действия? (б) в какой степени можно рассматривать ИМА как морального актора как носителя «человеческой морали». Почему ИМА должны следовать человеческим моральным нормам? (в) Кто является индентифицируемым моральным агентом (субъектом морали): производитель, разработчик алгоритма или пользователь?

Следует отметить, что эти проблемы относятся и к «морали машин», но здесь появляются и дополнительные проблемы «морали машин», которые связаны с возможностями ИМА вырабатывать алгоритмы действий в условиях (а) нормативных конфликтов; (б) неотрегулированных правилами ситуаций; (в) допустимых отклонения от правил.

При этом наиболее сложными могут оказаться варианты (б) и (в), поскольку могут привести к легитимация неупорядоченного многообразия морали общественного мнения или универсализация исключений из существующих норм, что приведёт к увеличению ситуаций варианта (а).

Вывод: в настоящее время этически обоснованной является «мораль для машин», которая понимается как «мораль для людей в отношении машин», то есть предполагает появление «новой морали», учитывающая появление новых отношений в социальной реальности, частью которой являются новые технологии.

Сунами Артём Николаевич
Кандидат политических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

БОРЬБА С НАРКОТИКАМИ КАК КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ

РФФИ-ОГН №16-03-00388

То, что отношения государства и рынка незаконных наркотиков корректно описывать в конфликтологических терминах вряд ли у кого то вызовет серьезные сомнения. Здесь мы коснемся специфического формата данного конфликта, а именно манифестация ценностных различий, но прежде нам необходимо зафиксировать в чем собственно состоит противоречие интересов и потребностей государства и наркоторговцев.

Вопрос о конфликтной природе отношений государства и рынка в академической литературе поднимался многократно, потому мы не будем подробно исследовать этот аспект проблемы, скажем лишь, что конфликт складывается из двух обстоятельств. Во первых, государство как публичный сектор и рынок как частный сектор представляют собой разные формы организации общества и, соответственно, манифестируют разные пути к удовлетворению потребностей и интересов. Во вторых, государство и рынок неравны по имеющимся у них возможностям, ибо государство имеет полномочия регулировать рынок, а рынок такими инструментами воздействия на государство не обладает. Так как нас интересует именно базовое противоречие, необходимо пристально посмотреть на первое обстоятельство.

Государство имеет дело с особым сетом потребностей, которые нужно удовлетворить, то, что можно обозначить как общее благо. Но всегда ли отправление вытекающей из этой ответственности обязанностей бесконфликтно? В нашем случае, когда наркоторговля выходит за установленные международными и национальными актами пределы научных и медицинских целей, стремление государства к общему благу наталкивается на такое же стремление наркорынка удовлетворить свои частные интересы. Таким образом, конфликт государства и наркорынка является нам со всей очевидностью, как кон-

фликт интересов инвестора в общее благо и интереса частного бизнеса, который капитализирует общее благо для себя.

Несмотря на то, что базисным отношением стоящим за конфликтом государства и наркорынка являются экономические интересы участников, ценности выступают как средство усиления и так существующей консолидации граждан вокруг рациональной необходимости защитить пространство общего интереса от неконтролируемых даже самим частным наркобизнесом последствий потребления наркотиков. К тому же, государство часто вынужденно к помощи гражданского общества в борьбе с наркотиками и ценности служат мотивом объединения, к которому люди гораздо восприимчивей относятся нежели чем к неким материальным мотивам такой борьбы.

Но, видимо, такая дерационализация конфликта государства и наркорынка оказался для последнего гораздо более выгодна нежели чем первоначальный конфликт интересов. Перевод в плоскость ценностей, то есть фактический отрыв от действительности, дает шанс заведомо проигрышной позиции посредством пропаганды, апелляций к разного рода химерам, представить крайнюю форму рабства свободой личности.

Щукин Денис Андреевич
Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ И ЦЕННОСТИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЭКОНОМИК

РФФИ-ОГН №16-03-00388

Об альтернативных экономиках зачастую говорят как об экономиках распределённого производства (пиринговые, шеринговые, облачные системы), ключевой характеристикой которых является децентрализация или полицентрализация производственных процессов. Критерием альтернативности может также служить наличие высокотехнологичной инфраструктуры, связывающей участников экономической деятельности, или новых путей взаимодействия акторов экономического процесса, массовизация клиентской базы и увеличение пула потребителей за счёт самих производителей, достигаемого благодаря гибкости статусов и ролей. Несмотря на столь значительное количество разнопорядковых оснований для дефиниции, терминологическая неопределённость понятия «альтернативная экономика» может быть отчасти преодолена благодаря прояснению соотношения между различными типами присущей современным социальным и экономическим субъектам эффективности.

Как и принадлежащие «мейнстриму» экономические системы, «альтернативные» или «новые» экономики разворачиваются в логике повышения эффективности при сокращении используемых ресурсов. Речь идёт не только о формировании новых стратегий конверсии ресурсного потенциала в конкретный продукт, затем трансформируемый в финансовую прибыль, но и о более продуктивной эксплуатации символических практик – стратегий деятельности, ценностей, эмоциональных оценок и суждений социальных агентов, существующих в схемах мышления и поведения.

Аналитические инструменты, разработанные в рамках концепций постиндустриальной революции, теории самореферентных систем или конструктивистского структурализма позволяют рассуждать о нескольких основных типах эффективности. Традиционная экономическая эффективность связана с органическим сокращением затрачиваемых материальных или финансовых ресурсов и достигается за счёт уменьшения транзакционных издержек, оптимизации управления спросом и предложением. В свою очередь, символическая эффективность базируется на принципиальной прозрачности различного рода капиталов – экономического, символического и, прежде всего, социального.

Символические практики – начиная с выражения одобрения и благодарности и заканчивая сложными психоэмоциональными реакциями или ценностными построениями – все более активно используются в качестве полноценной «валюты» или объекта обмена, несмотря на то что символический компонент был всегда интегрирован в экономические отношения. Эмоции, субъективные оценки, статусные характеристики, моральные установки неизменно продавались и покупались, однако характерные для постиндустриального общества символические «сделки» прагматичны, лишены присущей ранее подобным операциям сакральности, предполагавшей, к примеру, взаимозависимость привилегий отдельных социальных групп и их обязательств перед социумом, который демонстрировал феномен дворянской службы. Таким образом, десакрализация делает социально-экономическую систему более гибкой и приводит к увеличению количества путей достижения эффективности за счёт символических практик, более разнообразных и многоаспектных, чем любые виды финансовых и материальных активов.

Как уже было отмечено, эффективность социально-экономической системы может быть связана, в числе прочего, с понятиями социального капитала и являющегося базовым элементом последнего генерализованного доверия, которое можно определить как принципиальную предсказуемость действий других субъектов. Характерной чертой альтернативных экономик является возможность достижения субъективно значимых эмоций или прагматического результата в оптимальных социальных условиях, что метафорически отсылает к образу будоражащего сознание, но совершенно безопасного аттракциона. Безопасность и доверие связаны, в частности, с ограничением нежелательного социального опыта при сохранении наиболее значимых утилитарных функций системы.

Увеличение численности и разнообразия членов группы замедляет процесс формирования социального капитала; угроза его деградации возникает даже в случае отдельных локальных нарушений общественного порядка, таких как террористические акты, после которых преодоление последствий кризиса требует большого количества времени и усилий как со стороны институциональной системы, так и со стороны участников сообщества.

В стремлении преодолеть эту проблему просвещенческая парадигма предполагала принципиальную универсализацию ценностно-нормативного пространства, идеалом которого становится рационализированная модель отношений. Но если в социально-политической жизни аутентичный просвещенческий либерализм был признан практически не достижимым, альтернативные экономики взяли на вооружение идею этой рационализирующей унификации, вытекающей из постепенной виртуализации социального пространства и позволяющей создавать оптимальные условия для формирования монолитного основания социального капитала.

**«НАУЧНЫЕ СООБЩЕСТВА:
НОРМЫ, ЦЕННОСТИ, ПРАКТИКИ, КОММУНИКАЦИИ»**
«SCIENTIFIC COMMUNITIES: NORMS, VALUES, COMMUNICATION PRACTICES»
материалы круглого стола

в рамках реализации проекта, поддержанного РФФИ №18-511-00009 Бел-а «Научное лидерство и особенности его трансформации в условиях становления инновационной экономики в постсоветских странах (на примере России и Беларуси)»

Валуев Дмитрий Георгиевич
Аспирант, 1 курс, Крымский федеральный университет им В.И. Вернандского

ТЕКСТОВЫЕ ПРАКТИКИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЭТОСА НАУКИ

Цифровая среда приобретает все большее значение для научного сообщества как пространство коммуникации по средствам написания научных текстов. Растет число электронных ресурсов и площадок для публикации научных текстов, социальные сети становятся местом размещения статей и заметок ученых, активно обсуждаются и критикуются. Цифровая среда, обладая такими характеристиками как «открытость» и «доступность», не только размывает, но и расширяет общую совокупность коммуникантов.

Научные тексты теперь не находятся в замкнутом пространстве научного сообщества. Они предоставлены широкому кругу читателей, массам, которые под воздействием переработки и их реинтерпритации иными лицами формируют определенное представление как об авторе, так и о науке в целом. Подобная реинтерпретация текстов при нормативном подходе, должна осуществляться самим научным сообществом. Однако, цифровая среда предоставляет доступ к реинтерпретации текстов лицам, не вхожим в него. Этом могут быть как популяризаторы, так и все возможные любители. Фактически, они занимаются «научной журналистикой», т.е. переводом и реинтерпретацией научных текстов с помощью упрощения языка и обобщения результатов. Благодаря этому они получают широкий доступ к возможностям «принятия/отторжения» и «расчленения/обобщения» текстов, благодаря чему и формируют у основной массы определенное представлением о науке. Обратной стороной этой деятельности является искажение основного замысла научного текста и его дальнейшая трансляция в видоизменённой форме.

В результате, сам автор оказывается перед лицом дилеммы: либо сохранять и отстаивать научный язык и объективность результатов, либо поддаться общей популяризаторской волне, благодаря чему получить возможность частично контролировать реинтерпритацию собственного научного текста. Подобная дилемма носит характер этической проблемы, заключающейся в противопоставлении «нормативной модели» научного этоса, или того как должно писать научные тексты исходя из норм и требований научной культуры, и общей тенденцией упрощения текстовых практик и их соотнесению с реалиями цифровой среды и масс. Реализация текстовых практик, в свою очередь, попадает в зависимость от ситуации наличия «амбивалентных норм», сформулированных социологом Р. Мертоном. Они становятся процессом поэтапного разрешения этических противоречий и поиском либо компромиссных решений, либо принятием одной из указанных ценностно-нормативных концепций. Таким образом, мы можем поднять проблему того, как должен выглядеть научный текст в цифровой среде.

Галлямов Роман Ильмирович
Магистрант, 1 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ПРЕДПОСЫЛКИ ПОИСКА ПРАКТИК СЕБЯ В СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ СООБЩЕСТВАХ

Одной из важнейших практических задач философии и этики является воспитание этического субъекта, готового брать ответственность за свои действия. Важно то, что действия эти имеют не только характер социальных взаимоотношений, они также могут быть направлены на другие сферы, например, научные. Однако и с самим вопросом о воспитании дело обстоит не совсем однозначно. В раннем возрасте воспитанием занимается окружение ребенка, однако, когда человек начинает рефлексировать, для него открывается новая область деятельности – он сам: именно самовоспитание и практики себя, занимают важнейшее место в жизни человека на пути к этическому субъекту.

Не случайно взяты именно эти две сферы человеческой жизни, в XIX веке, когда в науку приходит идеал объективности, а в философии укрепляется позиция воли, в научный дискурс приходит этическая составляющая – практики себя должны выступать как самоограничение воли исследователя для подготовки к познанию, лишенного привнесения субъективности. Однако неверно говорить, что связь этики и эпистемологии появляется только в XIX веке. Как показал Фуко, история истины, которую мы знаем, начинается с «картезианского момента», который связан с тем, что Декарт разорвал связь между познанием истины и способом бытия субъекта познания, между эпистемологической и этической составляющими познания.

Что же было до «картезианского момента»? Для того, чтобы познать истину, нужно было изменять способ бытия субъекта. И, как раз для того, чтобы подготовить субъекта к истине, существуют практики себя. Мы можем увидеть их во многих античных философских, следовательно научных школах (пифагореизм, Академия Платона, Ликей Аристотеля, стоицизм, христианство и т.д.).

Цель доклада – привести ряд аргументов, доказывающих, что практики себя в современных научных сообществах не только возможны, но и необходимы. Таких аргументов будет три:

1) Во-первых, сам Фуко заявляет, что в связи с «картезианским моментом» нельзя говорить о том, что с этих пор мы больше нигде не встретим практик себя. То, что с ними произошло, можно скорее охарактеризовать как трансформацию, а затем подмену понятий. Например, такие практики себя можно найти и у Маркса, но здесь они заменяются социальными практиками (классовая, партийная принадлежность и т.д.).

2) Второй аргумент заключается в том, что для античных философов практики себя были тесно связаны с истиной, а значит с определенной философской позицией. Было бы неверным полагать, что современные ученые чужды всякой философии, в научных кругах возникают вполне философские вопросы, и многие ученые с ними сталкивается. В пример можно привести вопросы о научном реализме и антиреализме, вопрос об объективности научного знания и, конечно, вопрос о природе истины. И подобно средневековому монаху, практикующему аскетический образ жизни сообразно понимаю Бога, современных ученый, чтобы придерживаться философской позиции, должен заниматься определенными практиками себя.

3) Наконец, третий аргумент принадлежит Хайдеггеру. В своей работе «Что такое метафизика?» он приходит к выводу, что наука игнорирует Ничто, поэтому она не сможет по-настоящему заняться сущим. Но чтобы столкнуться с Ничто, необходима ситуация, которую Хайдеггер называет «ужасом». Хайдеггер не пишет о практиках достижения такого состояния, более того, он пишет, что ужас нельзя спровоцировать, он приходит самостоя-

тельно, однако человек, в нашем случае ученый, может к нему подготовиться, и как раз эта подготовка может считаться практикой себя, с которой должна начинаться наука.
Т.о. поиск практик себя представляется перспективным исследованием, которое позволит применить этический дискурс для исследования научных сообществ.

Гафарова Юлия Юрьевна
Кандидат философских наук, доцент
Белорусский государственный университет

ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В НАУЧНОМ СООБЩЕСТВЕ

Межгрупповое взаимодействие университетов и научных школ, относящихся к разным культурным доменам, традиционно рассматривается как зона низких коммуникационных рисков. В силу этого научное сообщество достаточно скептически относится к возможности неопределенного исхода транскультурной коммуникационной ситуации в научном сообществе. Предполагается, что такие основные коммуникационные риски, как информационные риски; риски, связанные с различными коммуникационными барьерами (семантическими, семиотическими, проксемическими), а также риски коммуникационного менеджмента, снимаются в рамках транскультурного сотрудничества учёных, которые являются членами «самокорректирующейся» общности, обладающей возможностями развития и «самообучения» и основанной на прозрачных и взаимно согласованных нормах и ценностях. Во внимание обычно принимаются лишь культурные различия субъектов и риски, связанные с возможностями неадекватной интерпретации невербальных знаковых систем.

Однако в условиях глобализации и вторичной модернизации ситуация выглядит не столь однозначной. Во-первых, нарастает вариативность интерпретации этоса науки, обусловленная региональными особенностями деятельности учёных. Сформулированные в 1942 г. Робертом Мертоном этические нормы CUDOS (коммунализм, универсализм, бескорыстие, оригинальность, организованный скептицизм) дополняются в сообществах постиндустриальных стран системой норм PLACE (право собственности на результаты работы; требование адекватного вознаграждения за результаты работы; работа связанная с заказами властных структур, коммерческих структур и экспертными поручениями), предложенной Джоном Зиманом в 1994-2000 гг. Исследователи постакадемического сообщества, вышедшего за рамки научных лабораторий, позитивно относится к прикладному аспекту своих исследований, тогда как их коллеги из развивающихся и быстро развивающихся стран чаще ориентированы на оценку научного результата как самодостаточной ценности, что затрудняет коммуникацию и научное сотрудничество между школами. Во-вторых, несмотря на всеобщую ориентацию на идеал универсальной науки, реальность деятельности локальных научных сообществ во многом задаётся культурными переменными. Такие этически сомнительные практики, как плагиат, дублирование публикаций, нераскрытые изменения в протоколах исследований и т. д., несомненно, порицаются всеми. Однако исследователи, относящиеся к разным культурам, дают различные определения данных проступков, свидетельством чего являются широко известные споры о «гостевых» и «призрачных» авторах. Кроме того, представители различных культур могут иметь различные представления о том, что такое коррупция в научной деятельности и каковы измерения организационной культуры, профессиональной культуры и командных ролей в международных проектных группах. Отдельной проблемой является потребность в единых стандартах оформления исследований и академических текстов.

Дмитриев Игорь Сергеевич
Доктор химических наук, директор Музея-архива Д.И. Менделеева
Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИКА НАУКИ ВО СНЕ И НАЯВУ

Часто, рассуждая о тех или иных проблемах этики науки, специалисты вспоминают перечень этических норм ученого, предложенный американским социологом Р. Мертоном в работе «Нормативная структура науки» (1942): универсализм; общность («коммунизм»); незаинтересованность; организованный скептицизм. Позднее, в работе 1965 года «Амбивалентность ученого» Мертон, учитывая критику коллег, отметил, что в реальной науке наличествуют как нормы, так и «антинормы», которых придерживаются ученые. Иными словами, ученый должен проявлять в отношении этических норм науки известную гибкость.

Мертон, по крайней мере, в своих поздних работах, исходил из того, что этические нормы соблюдаются учеными (если соблюдаются) не только и даже не столько по причине интериоризации, но и (и главным образом) в результате давления научного сообщества, угрозы применения последним соответствующих санкций к «отступникам». Однако, признавая факты отклонения от этических норм в научном сообществе, Мертон разделял оптимистическую точку зрения – в конечном счете, нарушения этики выявляются и пресекаются, да и вообще, нарушения эти – скорее исключения, нежели правило. Мне представляется, что реальная практика науки не дает оснований для такого оптимизма. Ученый, который бы следовал нормативам Мертона или иному набору «позитивных» норм, был бы, как заметил М. Махони, представителем нового биологического вида – Homo Scientus. Мой опыт историка (как и опыт моих коллег) показывает, что очень многие ученые, причем, из числа самых выдающихся (Галилей, Ньютон, Гук, Мендель, Менделеев, Эйнштейн и т.д. и т.д.) систематически нарушали нормы научной этики. В частности, они систематически «модифицировали», а подчас и придумывали нужные им эмпирические данные, замалчивали достижения коллег и предшественников, препятствовали публикациям и карьерному росту конкурентов и т.д.).

Надо сказать, что научное сообщество часто весьма толерантно и даже с благодушной (и понимающей) иронией относилось и относится к подобным ситуациям. Видимо, ученые осознают, что во многих случаях нарушение конвенциональных норм способствует развитию науки, да и победителей, как известно, не судят (по крайней мере, до того времени, когда уже «приговор» ничего» не меняет). Я думаю, прав был А.В. Юревич, утверждая, что «некоторые из этих норм (а на мой взгляд, практически все, по крайней мере, из мертоновского перечня. – И.Д.) не только регулярно нарушаются, но и вообще не могут быть соблюдены. В таких случаях сама норма служит абстрактным, декларативным принципом, а правилом научной деятельности является поведение, противоположное норме. Подобное поведение тоже может приобретать нормативный характер».

В этой связи позволю себе одну биохимическую аналогию. Передача нервного возбуждения между нейронами происходит благодаря нейромедиаторам, важнейшим из которых является ацетилхолин (АХ). АХ – сильнейший яд. В нормальной ситуации, как только АХ воздействовал на рецептор он тут же под действием специального фермента разлагается на «безвредные» части. Если нейтрализовать фермент, происходит накопление АХ, что приводит к гибели организма. Но если АХ образуется в недостаточно, то начинается болезнь Альцгеймера, т. е. разрушение мозга и гибель организма.

Роль «контрнорм» и этически девиантного поведения в науке в известной мере аналогична роли АХ в передаче нервного импульса: пока в науке есть гибкая система «сдержек и противовесов», она может успешно развиваться, несмотря на нравственно-психологические особенности поведения отдельных ученых и их сообществ.

Дорохина Римма Викторовна
Кандидат философских наук, доцент
Воронежский государственный технический университет

КОРПОРАТИВНАЯ ЭТИКА В СТУДЕНЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ FRATERNITASTRADITUM

В статье поднимается тема возрождения одной из старейших форм академических организаций, студенческой корпорации. Воронежские студенты как прямые наследники дерптских студенческих традиций и обычаев создают новые корпорации по забытым, на территории России, старым образцам. Самостоятельно изучая историю студенческих объединений и движений современные, студенты объединяются в корпорацию, чтобы претворять в жизнь высокие цели, следовать моральным принципам и общечеловеческим ценностям. Fraternitas Traditum как студенческая корпоративная организация создает свою историю и устанавливает свои правила. Основные документы, регламентирующие деятельность корпорации, пишутся в процессе ее становления и соответствуют духу времени. Раскрывается этика взаимоотношений, цели, миссия, моральные принципы, часть обряда инициации.

Душина Светлана Александровна
Кандидат философских наук, доцент;
руководитель Центра социолого-науковедческих исследований,
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники РАН им. С.И. Вавилова

«НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО»: ГОРИЗОНТЫ СМЫСЛОВЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ

РФФИ №18-511-00009 Бел-а «Научное лидерство и особенности его трансформации в условиях становления инновационной экономики в постсоветских странах (на примере России и Беларуси)».

В докладе будут проанализированы смысловые горизонты употребления понятийного конструкта «научное сообщество». Появившись в социологии науки в 30 – 40-х годах прошлого века, он использовался, прежде всего, для обозначения исследовательской автономии, самоорганизации ученых и необходимости дисквалификации какой бы то ни было гетерономии. В этом смысле конструкт «научное сообщество» используется по сей день, и его значение актуализируется, когда речь идет об изменениях в управлении наукой, источником которых выступают аутсайдеры – разного рода менеджеры с собственными критериями эффективности научной деятельности.

Иной смысл в понятие «научного сообщества» вкладывает Т. Кун. Научное сообщество в рамках устоявшейся дисциплины конституируется, прежде всего, научной периодикой – институтом научной коммуникации. Эмпирические исследования структур научных сообществ, активно проводившиеся в 60-е годы XX века, связаны с изучением формальной (журналы) и неформальной коммуникации, распределения цитирований. Таким образом, ключевым в понимании сообщества является коммуникация, интеракции, связь на основании единства.

Такого рода понимание научного сообщества относит нас к Новому времени, (Д. Прайс для репрезентации структур науки применяет метафору «невидимого колледжа» Р. Бойля), когда связь ученых осуществлялась через переписку, в которой были свои центры и контролеры, решавшие, что подлежит обсуждению, а что нет. Наука рождается из диалога и исследовательский результат проверяется в диалоге (достаточно вспомнить названия некоторых работ, например, «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки» Галилея). Появившиеся из переписки в 17-м веке,

первые научные журналы стали институтом академического признания, легитимирующим новое знание. Добытые истины требовали публичного обсуждения, которое удостоверяло бы в правильности и спасало от заблуждения. Коммуникативное пространство, формировавшееся научной периодикой, становится воплощением коммуникативного разума, с некоторых пор неустранимого из познавательного процесса, и научное сообщество выступает его определенным носителем.

Сегодня как никогда говорят о кризисе журнальной периодики, выражающемся во фрагментизации научной коммуникации и контрпродуктивности традиционных институтов, а также о необходимости новых форм научной коммуникации. Традиционным формам общения противопоставляют интернет-коммуникации. В связи с этим возникает вопрос, как ученые используют коммуникативные возможности интернет-сетей. Будут представлены результаты эмпирического исследования, проведенного на базе Центра социолого-науковедческих исследований СПбФ ИИЕТ РАН, направленного на выявление коммуникативных стратегий пользователей академических социальных интернет-сетей. Коммуникативные возможности сетей используются не столь значительно в сравнении с традиционными медиа, и научное сообщество как носитель коммуникативного разума плотно связано с традиционной печатной периодикой.

Куприянов Виктор Александрович
Кандидат философских наук,
Научный сотрудник, Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

ЗАРОЖДЕНИЕ ПЕРВЫХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ И ЛЕГИТИМАЦИЯ НАУЧНОГО ЛИДЕРСТВА НОВОГО ТИПА

РФФИ №18-511-00009 Бел-а «Научное лидерство и особенности его трансформации в условиях становления инновационной экономики в постсоветских странах (на примере России и Беларуси)».

Доклад посвящен истории возникновения первых научных журналов The Philosophical transactions и Le Journal des Sçavans. Будет проведено сравнительное исследование ранней истории данных журналов. Оба журнала возникли из неформальных коммуникаций ученых, прежде всего, частной переписки, и стали впоследствии главными институтами «республики ученых», обеспечивая научное признание и научное лидерство. Журнал, являясь специфически современной формой научной коммуникации, создал новую форму текстовой активности и, соответственно, новые коммуникативные практики. Стиль журнальной публикации стал характеризоваться краткостью и полемической заостренностью. С первых дней возникновения функции научных журналов заключались в создании научного архива, закреплении научного первенства, обеспечении возможности для максимально широкого и быстрого распространения нового знания. Важной целью научных журналов было обеспечение трибуны для открытой и свободной полемики. Данная особенность журналов указывает на новое понимание научного разума как разума публичного, который требует другого в качестве необходимой составляющей процесса познания. Данная особенность журнальной коммуникации в науке нашла отражение в философии И. Канта, в частности, в его максимах способности суждения. В этом отношении можно заключить, что классическая наука утверждает коммуникативность истины. В докладе утверждается, что именно интенция коммуникативности истины оказалась решающей потребностью, обеспечившей возможность появления нового института научно коммуникации – научного журнала.

Важной частью доклада является сопоставление условий возникновения и целей двух первых научных журналов. Указывается, что если Le Journal des Sçavans с первых же дней

своего существования оказался тесно связан с государственной властью, возникнув при активном участии Ж.-Б. Кольбера, то The Philosophical transactions были на начальном этапе исключительно частным предприятием ученого секретаря Лондонского королевского общества. В конечном счете государственное участие в оказалось решающим с точки зрения определения статуса Le Journal des Sçavans. Также и содержание двух журналов имело существенны отличия: если The Philosophical transactions оказались почти полностью естественнонаучным изданием, то Le Journal des Sçavans включал в себя также литературную, теологическую и метафизическую тематику, а также публикацию официальных объявлений (решений церковных и университетских судов). Однако оба журнала удовлетворяли, прежде всего, научным целям академического признания и обеспечения первенства. В этом отношении научный журнал оказался не просто местом обмена научной информацией, но также и точной сборки научного сообщества, в рамках которого принадлежность к элите стала определяться публикационной активностью в соответствующих журналах. Данная особенность журнальной коммуникации сохраняется и сегодня, хотя фактически бесконтрольная мультипликация научных журналов, а также стратегии по накрутке научных показателей размывают целевые ориентиры журналов и искажают подлинное публикационное поведение ученых, в связи с чем сегодня настойчиво ощущается потребность в новых институтах научной коммуникации.

В докладе предполагается уделить внимание особенностям форм научной коммуникации в журналах и показать их историческое развитие. Доклад стремится актуализировать также и современных кризис публикационной активности в науке.

Масланов Евгений Валерьевич
Кандидат философских наук, научный сотрудник
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского;
Институт философии РАН

НЕГУМБОЛЬТОВСКИЕ ЗОНЫ ОБМЕНА И ПОЗИЦИЯ УЧЕНОГО

РНФ №18-18-00238 «Негумбольтовские зоны обмена: идеи и проект новой научной инфраструктуры»

Формирование зон обмена [1, с.1098-1106; 2, с.20-29; 3, p.137-160] – пространств совместной деятельности и коммуникации – один из путей согласования деятельности и убеждений ученых, принадлежащих к различным культурам. В различных дисциплинах ученые обладают разными способами получения, обоснования и легитимации знания. Однако они имеют схожие ценности, связанные со стремлением получать достоверное и объективное знание, которое может быть адекватно передано другим участникам процесса научного познания. Эти ценности сформировались у них в процессе обучения, непосредственного освоения научных практик в университетских аудиториях и лабораториях. Согласование действий, убеждений и ценностей различных поколений ученых проходило в пространствах общих сразу для нескольких поколений. Они формируют достаточно сплоченную социальную группу. Основной массив коммуникаций ученых первоначально был сосредоточен внутри этой группы.

С начала XX века ученые стали активно взаимодействовать с другими социальным акторами. Достижения науки стали активно использоваться в промышленном производстве, биоинженерии, социальном конструировании и других сферах экономической и общественной жизни. В результате изменились и коммуникации ученых. Они оказались вынуждены взаимодействовать с социальными группами не связанными с наукой. В этих группах сложились свои собственные механизмы аргументации и легитимации полученных результатов, знаний и высказываний, сформировался свой собственный этос. В итоге этого взаимодействия сформировалась ситуация, когда особый эпистеми-

ческий статус ученых был поставлен под сомнение различными социальными акторами, а социальные акторы, ориентированные на взаимодействие с учеными, зачастую не понимали их язык, способы аргументации. Новое пространство взаимодействия с вненаучными акторами должно было распространиться за пределы университетских аудиторий и лабораторий – стать внеуниверситетским, негумбольтовской зоной обмена.

Результатом взаимодействия между научными и вненаучными акторами в негумбольтовской зоне обмена становится формирование новых практик взаимодействия между учеными и другими социальными акторами. Важным элементом согласования их деятельности и убеждений выступает формирование представления о специфической позиции ученого в рамках социального взаимодействия. Ученый хоть и обладает специфически эпистемическим статусом, но при этом существует достаточно большое поле социальных практик, которые не могут быть полностью описаны на языке науки. В этом случае негумбольтовская зона обмена может выступать пространством продуктивного диалога между различными акторам отстаивающими собственные эпистемические позиции и обладающие опытом решения практических задач.

Литература

1. Касавин И.Т. Интерактивные зоны: к предыстории научной лаборатории // Вестник Российской Академии Наук. 2014. Т.84. №12.

2. Дорожкин А.М. Проблемы построения и типологии зон обмена // Эпистемология и философия науки. 2017. Т.54. №4.

3. Galison P. Trading zone: Coordination action and belie // The Science Studies reader. Ed. Biagioli M. N.Y., 1999.

Самостиенко Евгения Валерьевна
Кандидат филологических наук, старший преподаватель
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

ЭТИКА И ЦИФРОВЫЕ СТРАТЕГИИ ПРОИЗВОДСТВА ЗНАНИЯ: ИНСТРУМЕНТЫ И АЛГОРИТМЫ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

РНФ №18-18-00238 «Негумбольтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры»

Сегодня научная коммуникация тесно связана с цифровой сферой: существуют целые отдельные сферы, построенные на интеграции гуманитарного и технологического (например, Digital Humanities), ученые используют интернет и разрабатывают цифровые гуманитарные проекты, напоминающие своего рода виртуальные лаборатории, создают и используют специальных софт для сбора данных и аналитики (например, софт для качественного анализа текста Atlas.ti и NVivo) и применяют новые технологии для симуляции и моделирования сложных и глубинных процессов (например, глубинные нейросети).

Технологическое развитие в период после 1945 г. напрямую связано с военной сферой: интернет как децентрализованная система хранения и передачи информации была разработана военными учеными, а программа для обработки изображений, как пишет Фридрих Киттлер, создавалась для аэрофотосъемки. В 1960-е гг. Дугласом Энгельбартом была разработана система NLS, использовавшаяся для дистанционной работы группы специалистов, Тед Нельсон предложил использовать гиперссылки, Айвеном Сазерлендом, создавшим планшет для графического проектирования Sketchpad, был заложен принцип прямых манипуляций (direct manipulation), Аленом Кеем – основы объектно-ориентированного программирования, а также в это же время были сформированы стандарты графического пользовательского интерфейса, пришедшего на смену интерфейсу текстовому. Все это в момент, когда транзисторы вошли в массовое производство, привело к появлению персональных компьютеров. Сами компьютеры, по мысли

Льва Мановича, являются «метамедиумами» – специфическими пограничными объектами, состоящими из «железа», софта и данных. Именно это, с точки зрения Мэтью Фуллера, лежит в основе онтологии технического объекта.

Однако без понимания того, как технический объект функционирует и как он включен в социальные практики, невозможно понять, какого рода знание может быть произведено с помощью технических объектов, особенно если речь идет о софте, использование которого во многом определяет характер результатов взаимодействия людей в поле научной коммуникации. Философ техники Жильбер Симондон, в свою очередь, еще появления и распространения цифровой культуры (или «софт-культуры», как ее называет Лев Манович) писал о том, что генезис технического объекта нельзя отрывать от постоянной возникающей практики, производимой с его помощью – практики, в которой, возможно, производится и сам технический объект. Другими словами, объектный статус технического объекта является проблематичным и требует эпистемологических уточнений.

В докладе планируется рассмотреть, как функционирует гуманитарное знание, хранящееся в свернутом виде в инструментах и алгоритмах, использующихся в сфере цифровых гуманитарных наук, а также вопрос о том, как такое знание влияет на коммуникационные стратегии в современной научной практике. В ходе доклада мы попытаемся показать, что технологии, использующиеся в науке в сфере гуманитарных наук, задают специфический режим использования языка в широком смысле, влияют на перераспределение внимания, тяготеют к нелинейным и распыленным стратегиям коммуникации и институциализации, а значит, заставляют поставить вопрос о том, какие изменения эта коммуникация повлечет за собой в этическом измерении.

Слюсарев Владимир Владимирович
младший научный сотрудник, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

АСОЦИАЛЬНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКИ

РНФ №18-18-00238 «Негумбольтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры»

Наука, как специфическая форма человеческой деятельности, несмотря на большое (во многом определяющее) значение методологии, в своей основе опирается на творчество. При этом, когда речь идет о прикладных науках, роль методологии значительно выше, чем в отношении науки фундаментальной. Поиски фундаментального знания в большей степени основываются на творчестве, одним из необходимы условий которого является свобода от ограничений – в том числе и ограничений этических. Результаты фундаментальных исследований слабопрогнозируемы (в ином случае они были бы лишены смысла) – их итоги представляют собой выражения творческого порыва и попытка предвидеть их, основываясь на предшествующем опыте представляется весь тщетной. По всей видимости, именно этот аспект не позволяет в какой бы то мере ввести науки целиком и полностью под действие правовых или этических норм. При этом отметим, что негативный эффект он научной деятельности (а он безусловен) прежде всего задан теми политическими, социальными и конъектурными ситуациями, которые превращают собственно открытие в научно-технический прогресс (Б.Г. Юдин). Открытие Э. Резенфордом ядерной реакции – великое достижение науки, создание Р. Оппенгеймером атомной бомбы – «вина» научно-технического прогресса. Иными словами, исследование фундаментальных проблем должно лежать за рамками этики и социальной ответственности – по всей видимости, для них необходимо отдельное социальное пространство, с одной

стороны, ограждающее их от зажатости и ограниченности этическими нормами общества, а, с другой, – охраняющими общество от вероятных результатов их деятельности.
Первое решается путем вхождения ученых в некоторую обособленную асоциальную общность. Необходимо отметить, что под асоциальностью понимается свобода от социального давления – в качестве единственного ориентира остается исключительно «моральный закон внутри нас». Ученый должен принимать решения основываясь исключительно на собственной нравственности, а не культурно-историческом бэкграунде моральных или правовых норм. Для этого, с одной стороны, необходимо освобождение фундаментальной науки от ряда юридических и бюрократических ограничений, подобно средневековым монастырям. Одной их причин развития науки в монастырях была, по всей видимости, свобода творчества – за то, что было дозволено исследовать в монастыре, простого обывателя могла ждать определенная кара. Разумеется, что подобный подход требует высокого уровня нравственности самого ученого, что, безусловно, должно быть отражено и в образовательном процессе. Однако, ученый в любом случае должен оставаться высоконравственным, хотя бы потому, что несет ответственность за истинность результатов своих исследований.
Решение второй составляющей задается путем разработки и внедрения социогуманитарных фильтров в рамки научно-технических проектов. Выход за рамки социальных норм приемлем и допустим, когда речь идет об исследовании, о поиске некой, относительно объективной, истины, но совершенно невозможен при разработке и внедрении технологий. Допустимо клонирование человека во имя поиска лекарства от неизлечимых болезней, но совершенно исключено – как обыденная социально-техническая технология. Наука должна оставаться «монастырем», ограниченной «стенами» гуманитарной экспертизы и гражданского общества. Разумеется, подобные рассуждения в большой степени утопичны, однако, позволяют говорить о формировании нового, открытого для внешней интерактивной экспертизы научного сообщества. Обладая той силой и могуществом, которое сегодня имеет наука, общество и культура не могут более допускать, чтобы она (наука) творилась за закрытыми дверьми лабораторий. Отсюда следуют и моральные нормы науки – помимо истинности ее достижений, она в обязательном порядке должна обеспечивать открытость своих результатов.

Траханова Валерия Олеговна
Студент, 3 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

НАУЧНЫЕ СООБЩЕСТВА: СОВМЕСТИМОСТЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ И ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ ГРАНИЦ С ЦЕННОСТЬЮ НОВИЗНЫ

В развитии научного знания и практиках научной коммуникации можно обнаружить определенное противоречие. С одной стороны правила создания, распределения и применения знания, нормы взаимодействия ученых друг с другом и с внешними по отношению к науке субъектами задает уже существующее сообщество. С другой стороны, в числе ценностей, определяющих развитие научного знания, присутствует ценность новизны. Эта новизна должна каким-то образом появиться в контексте уже существующих правил. Новизна может быть частичной, вписанной в формат уже существующих рамок, и радикальной, связанной с понятием научной революции. Данное противоречие можно выразить тезисом отечественного эпистемолога М.А. Розова, описывающего механизмы развития научного знания «Мы все традиционны, и, тем не менее, происходит революция».
Среди норм функционирования научного этоса, сформулированных Р. Мертоном в работе «Нормативная структура науки», (коммунизм, универсализм, незаинтересованность, организованный скептицизм) именно последняя по большей части отвечает за возможность новизны. Однако мертоновские нормы представляют собой идеалы, они не

выводятся им из конкретных практик научного сообщества. Потому необходимо прояснять каковы конкретные механизмы, которые позволяют дополнить традиционность и даже консерватизм научных сообществ ценностью новизны и возможностью вхождения новых участников. Это дополнение не объясняется ни куновской теорией научных революций, где возникновение новой парадигмы связывается с полным отказом от старой и сменой ведущих членов научного сообщества. Объяснения нет и в попперовской теории фальсифицируемости, где провозглашается способность ученых на критику собственной установки, но не описываются конкретные способы поддержки такой критики в научном сообществе.

В докладе будет предпринят анализ тех конкретных правил научного сообщества, которые создают определенные ограничения для доступа новых членов и новых идей, а также тех, которые поощряют этот доступ. Будут приведены примеры практик функционирования современного отечественного научного сообщества. Этот анализ будет иметь отношение, во-первых, к правилам публикационной активности, включающим требования к статусу авторов и практики рецензирования. Во-вторых, к условиям финансовой поддержки научных коллективов. В-третьих, к кадровой политике в научных организациях, связанных с формированием коллективов, а также с процедурами защит квалификационных исследований. Будет показано, что, несмотря на стремление на формальном уровне совместить консерватизм научного сообщества и требование новизны, реальные проблемы и противоречия остаются и становятся даже более острыми.

Тульчинский Григорий Львович
Доктор философских наук, профессор
НИУ «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург

НАРРАТИВЫ МИФОТВОРЧЕСТВА И ЭТИЧЕСКИЕ ПЕРФОРМАТИВЫ

Устойчивый характер мифо-нарративов связан с ценностно-нормативными константами, выражающими особенности исторического опыта конкретного социума. Тем более важным становится выявить факторы соотношения мифо-нарративов и порождаемой нравственной культуры. Такие факторы связаны с контекстом формирования и трансляции наррации, с учетом этосов различных социальных групп. Задачей философии морали становится выявлять вопросы, на которые могут отвечать объясняющие мифо-нарративы в контексте актуальных проблем, общих всему социуму.

Чеботарева Елена Эдуардовна
Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

ФИЛОСОФИЯ ИНЖЕНЕРИИ: НОВЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ КООРДИНАТЫ

РФФИ №18-011-00920 «Революционные трансформации в науке как фактор инновационных процессов: концептуальный и исторический анализ»

В настоящее время активно развивается направление философии инженерии, разграничивающее свое пространство в поле философии науки и философии техники. Толчок этому развитию дал определенный поворот в отношении инженерной этики в начале 20 века, который поставил ряд философских вопросов о сущности инженерии как дисциплины и профессии.

С одной стороны, инженерия прочно укоренена в сфере технологий, которые традиционно рассматриваются как средство достижения внешних целей, нейтральное по отношению к добру и злу, а, следовательно, лишенное этического измерения. С другой стороны, с начала 20 века отношение к инженерам меняется; их сфера деятельности становится все более влиятельной и у них возникает потребность в выработке профессио-

нальных мировоззренческих координат, включающих в себя рефлексию и ответственность за последствия научно-технического прогресса вместо простого подчинения целям организации-работодателя. Этот процесс отражен целым рядом текстов и заявлений, среди которых можно отметить труды российского философа техники П. Энгельмейера, который отводил инженерам руководящую роль в управлении государством, президентское послание Дж.С. Морисона, выдающегося американского мостостроителя, Американскому Обществу гражданских инженеров (ASCE) в 1895 г., выдвижение первых инженерных кодексов в Америке (в 1912 г., кодекс сформулирован компанией «American Institute of Electrical Engineers», в 1914 г. свой кодекс сформулировало упомянутое выше ASCE), работу Эдвина Лейтона «Восстание инженеров» и т.д.

К началу XXI в. инженерия продолжила расширять сферы своего влияния, что отразилось в дебатах относительно определения понятия инженера и существования особой инженерной этики. Так, например, американский философ М. Дэвис, исследующий инженерные кодексы с помощью философской герменевтики, пытается философски обосновать содержание статуса «инженера» и доказать его отличия от статуса «технолога». Дэвис полагает, что инженерия содержит в себе «столько творчества, сколько его вмещает искусство, столько политики, сколько её есть в законе, и её можно рассматривать как прикладное приложение к науке не более, чем искусство и политику в этом качестве». Однако при попытке более точного определения понятия инженерии Дэвис отмечает, что у нее «не может быть философского определения, по крайней мере в классическом смысле, ухватывающего сущность инженерии, потому что нет у нее такой сущности».

Свой взгляд на понятие инженера и его этики вносит французская исследовательница К. Дидьер, работающая в рамках континентальной философии. Она показывает моральную насыщенность истории этого термина, который имел разные значения в эпоху Средневековья, начиная от «искусного мастерства», «умения», и заканчивая именованием дьявола и ведьм (enghinhart или mal engegneor, а также engineresse). Дидьер также цитирует слова французского епископа Альберта Руэ, который сказал на рубеже XX-XXI вв., что «инженер – это тот, кто находится в месте, где создается мир, где творение увековечивается».

Важную роль в дебатах о понятии и этике инженера играют современные китайские философы. Так, для Ли Боцуна и Бао Оу философия инженерии является областью, аккумулирующей национальную культурную идентичность. Они рассматривают философию инженерии как интеллектуальное пространство китайской мысли, в отличии от европейцев, которые, по их мнению, мыслят в контексте философии техники и философии науки.

Очевидно, что понятие инженерии, соединяя в себе национальные истории и национальные перспективы, выходит за пределы дисциплинарной и профессиональной областей в сферы идеологии и этики и является актуальной темой для философского анализа.

Шиповалова Лада Владимировна
Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

ГРАНИЦЫ ОРГАНИЧЕСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ В НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

РФФИ №18-511-00009 Бел-а «Научное лидерство и особенности его трансформации в условиях становления инновационной экономики в постсоветских странах (на примере России и Беларуси)».

В докладе предлагается рассмотреть возможные способы исследования и организации научной коммуникации. При этом используются социологические термины, характеризующие общности и коллективы: органическая и механическая солидарность.

В первой части проясняется специфика употребления указанных терминов: дискуссии Ф. Тенниса и Э. Дюркгейма, сопровождающие их введение, рецепция их М. Вебером, а также последующая разработка возможности их применения к анализу дифференциаций внутри научного сообщества и научной коммуникации.

В общем виде различие органической и механической солидарности определяется в четырех аспектах:

- различие в степени разделения труда (большая степень свойственна органической солидарности);
- различие в способе связи структурных единств (функциональна взаимосвязь или относительная независимость);
- различие в способе связи персональных единств (рациональная или эмоциональная);
- различие в характере регулирующих взаимодействие норм, которые выражают баланс между социальными единствами или репрезентируют коллективное бессознательное.

Далее показывается, что неоднозначность в решении вопроса об адекватности применения механической или органической солидарности к научным сообществам связана с интерпретацией разделения труда в науке (между различными дисциплинами или учеными различных статусов), а также с вопросом о роли рациональных или эмоциональных факторов в научной коммуникации [1, p.438-454].

Однако трактовка органической и механической солидарности в научной коммуникации меняется, поскольку попадает в контекст междисциплинарных взаимодействий, а также соотносится с вопросом о возникновении инноваций. Разделение труда между научными специальностями и их взаимосвязь оказываются очевидными. В этом контексте механическая солидарность понимается как взаимодействие ученых, объединенных общим теоретическими и методологическими установками внутри одной специальности. Органическая же солидарность – как взаимодействие представителей различных специальностей, объединенных общей проблемой. [2, p.275-303]. Поскольку понятая в таком контексте механическая солидарность может быть соотнесена с нормальной наукой в куновском смысле, возникновение новизны и лидерство в науке будут определяться скорее практиками органической солидарности.

Современная научная коммуникация трактуется исследователями науки не только как профессиональное внутри научное взаимодействие, но и как внешняя коммуникация, включающая отношения с различного рода аутсайдерами, среди которых особое положение занимает публика, так называемые дилетанты. В докладе предлагается развернутый ответ на вопрос о том, насколько органическая солидарность может быть распространена и на коммуникацию экспертов с не профессионалами, каковы условия этого распространения, его необходимость, а также позитивные и негативные моменты, связанные с таким переступанием границ в понимании органической солидарности.

Литература

1. Downey K.J. The Scientific Community: Organic or Mechanical? // Sociological Quarterly. Vol.10. No.4. 1969.

2. Law J. The Development of Specialties in Science: The Case of X-Ray Protein Crystallography // Science Studies 1973. Vol.3. No.3.

Шкорубская Елена Геннадьевна
Ассистент, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

ПРОБЛЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ТРАНСФОРМАЦИЯ АВТОРСТВА НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Институциональное становление научного знания, начиная с XVII вв. происходило, преимущественно, в поле публичной коммуникации, что во многом определяет значимость

репрезентации учёного в коммуникативном пространстве науки. При этом те практики, посредством которых учёный был представлен в научном сообществе, подвергались существенным изменениям, и существующая в настоящий момент академическая традиция сложилась относительно недавно. Коммуникативные нормы при этом претерпели существенную трансформацию, которая в перспективе может затронуть этос классической науки как таковой. В числе одной из наиболее явных проблем следует отметить трансформацию авторства публикации, а с им и авторской ответственности. Особенно явно это представлено на примере научной статьи.

До появления научных журналов рукописи печатались в типографиях без какой-либо проверки, ответственность за сообщаемые сведения и за форму, в которой они были представлены, лежала на самом авторе. В дальнейшем, с институционализацией научной коммуникации и возникновением посредника-журнала, всё более значимыми становятся фигуры редактора и рецензента. Их влияние на конечную публикацию можно рассматривать в двух аспектах: во-первых, отказ или принятие материалов к публикации, и, во-вторых, внесение поправок непосредственно в содержание публикуемой статьи. Иногда требование правок может быть минимальным, или вообще отсутствовать – но и этот случай свидетельствует об определённой позиции редколлегии журнала и внешних рецензентов. Автор перестаёт нести единоличную ответственность за статью с тех пор, как публикация результатов исследования становится рецензируемой. Результаты научного творчества становятся принципиально коллективными, но не просто коллективными, а коммуникативными, поскольку публикация статьи является результатом коммуникации как минимум трёх акторов – автора, редактора и рецензента. Статья в любом научном журнале представляет позицию самого издания, так как она проявляется, прежде всего, в решении о принятии или отклонении работы. Репутация журнала определяется качеством статей, публикуемых на его страницах. И при этом публикация в журнале с высокой репутацией является определённым достижением для любого учёного. Именно здесь проявляется феномен взаимной репутационной ответственности автора статьи и редакции журнала.

Помимо расширения авторства при посредничестве журнала следует отметить ещё одно изменение адресанта сообщения, сопутствующее развитию научной коммуникации, а именно – возникновение соавторства. Увеличение количества соавторов колеблется от отрасли к отрасли, при этом естественнонаучные дисциплины заметно опережают гуманитарные. Рекордсменами в этом отношении являются биомедицина и физика высоких энергий – направления в науке, связанные с работой крупных исследовательских коллективов. Привычное понимание авторства, отождествляющее автора текста и автора исследования, при котором опубликованный текст является основным способом утверждения научного первенства, постепенно размывается. Б. Кронин, исследователь научной коммуникации, отмечает, что в некоторых случаях текст публикации может писать человек, не имеющий никакого отношения к конкретному исследованию. При этом «гиперавторство» не только не позволяет однозначно приписать ответственность за исследование определённому учёному или научному коллективу, но и открывает богатые возможности для поведения, противоречащего классическому этосу науки. Наиболее распространённое на данный момент злоупотребление, дарственное авторство, приводит к тому, что некоторые учёные числятся авторами тысяч статей, что, в свою очередь, искажает крайне значимый для науки принцип функционирования символического капитала.

Таким образом, институциональное оформление научной коммуникации в рамках научного журнала, привело к тому, что личная ответственность за результаты исследования начинает, с одной стороны, размываться в условиях посредничества редколлегии и рецензентов, а с другой стороны, особенно, в некоторых дисциплинах, полностью преобразует существующие практики публикации результатов исследования.

«ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ. ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ»

«JUST WAR THEORY. THE REASSESSMENT»

материалы круглого стола

Кашников Борис Николаевич
Доктор философских наук, профессор
НИУ «Высшая школа экономики»

ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ. КРИТИКА ОСНОВНЫХ НАЧАЛ

Я намерен рассмотреть некоторые их наиболее важных и общеупотребительных оснований современной теории справедливой войны. По меньше три из этих оснований, принятых на веру в действительности не выдерживают никакой критики. Прежде всего это главное из оснований, а именно основание справедливости войны. Современная война не может быть справедлива и поскольку нет фактов подтверждающих обратное, следует считать войну в принципе не справедливой. В любом случае бремя доказательства должно лежать на тех, кто доказывает обратное. Почему же в таком случае мы принимаем на веру возможность справедливой войны. Второе бездоказательное основание это основание справедливости. Теория не имеет определенной концепции справедливости, которую можно было бы соотнести с войной, что позволяет сторонникам этой теории понимать под справедливостью решительно все, что угодно и подменять содержание справедливости в процессе рассуждения о ней. То, что обычно понимается под справедливостью в рамках теории это просто набор разношерстных принципов (принципы справедливой войны), что не можно назвать логически основательным подходом. Третье пустое основание, это основание нормативности. Теория просто совершает категориальную ошибку, помещая теорию справедливой войны в пространство между реализмом и пацифизмом. В действительности теория справедливой войны, должна размещаться между пацифизмом и милитаризмом как соединение противоречивых начал. Но в этом случае, все полезное содержание, которое есть в теории, вполне может взять на себя теория условного пацифизма, а все вредное содержание может стать достоянием «условного милитаризма». В любом случае теории грозит бритва Оккама. В заключение, теория просто прагматически вредна. Она провоцирует «справедливую войну», которая в действительности не может означать ничего иного кроме милитаризма и крестового похода и составляет угрозу длительному миру. Единственно оправданной в современных условиях может быть лишь война, представляющая собой непосредственную коллективную самооборону. Такая война по меньшей степени морально оправдана, хотя тоже несправедлива.

Trish Glazebrook
PhD Philosophy, professor
Washington State University, School of Politics, Philosophy and Public Affairs

BIG DATA ETHICS

Advances in computing technology in recent years have opened possibilities for data use never before envisioned. This paper uses several examples in data analytics ethics, i.e. the ethics of big data, to argue that policy and regulation protecting human privacy and autonomy under the Common Rule – regulating academic research, the most regulated data domain in the U.S. – is in crisis concerning consent because advances in computing make possible uses of big data that defy the human rights of privacy and autonomy. That is, capacity to reidentify deidentified human data sources compromises the privacy and consent conditions of research on human subjects. Examples include reuse of blood samples to trace Havasupai heritage without consent; repurposing of required public data, e.g. child

registration in school, for academic research; recombination of data to support immigrants in forced migration that potentially harmfully breaches privacy for the sake of humanitarian aid; reanalyzing residual dried blood spots generated during newborn screening for genomic and health research purposes without parental consent; and reidentification of human subjects whose deidentified data is held in large scale genomic repositories. The example of data on cognitive ability collected through online brain training games shows that corporate use of big data is even more in crisis with respect to privacy and autonomy because the dysfunctional, defunct notice-and-consent system can be easily exploited.

Virtually all that has been written on the ethics of data analytics has been by experts in a pertinent science, e.g. neuroscience and genomics, with little if any philosophical training in ethics. Debates address issues of consent and privacy as if they are coextensive, i.e. as if privacy can be managed ethically by establishing appropriate consent conditions. This paper shows that consent is coextensive with neither privacy nor autonomy and argues that traditional conceptions of privacy and consent cannot be retrieved in a world where people are, to use Boyd's phrase, 'public by default, private through effort' (Boyd 2014, 61ff). This paper is an urgent call for philosophers to provide ethical analysis of contemporary applications of big data analytics.

Lonneke Peperkamp
Dr., assistant professor
Radboud University Nijmegen, Nijmegen, The Netherlands

RESOURCE WARS: LINKING JUST WAR THEORY AND GLOBAL DISTRIBUTIVE JUSTICE

The accessibility and distribution of scarce resources – like food, water and energy – is a crucial global problem. This problem will only intensify in the near future, due to population growth, growing demand for natural resources, increasing inequalities, and a decrease of available natural resources due to climate change. This raises the risk of serious shortages of food, water, and energy, and a grim prospect of political instability and violent conflicts over natural resources.

The ethical evaluation of such conflicts (hereafter resource wars) is the subject of this paper. To what extent can an illegitimate lack of essential resources be a just cause for war? Traditional just war theory (i.e. Michael Walzer's contemporary reading of this historic tradition) is very restrictive in that regard; it primarily aims to limit war and its destructiveness. The typical just war is a war of self-defense against military aggression. Resource wars are no response to military aggression. Nevertheless, 'revisionists' like David Luban, Cécile Fabre, Kasper Lippert-Rasmussen and Gerhard Øverland – starting from different theoretical underpinnings – are willing to justify resource wars, at least in principle. At first sight, there are three potential explanations for these divergent positions on resource wars: the acknowledgment of the right of necessity in just war theory; the specific character of resource wars; and different views on morality and global distributive justice.

This paper assesses the extent to which these factors indeed offer such explanation. Do traditionalists categorically reject an integration of the right of necessity in just war theory? Is it really the case that resource wars uniquely differ from the more traditional wars? Do traditionalists and revisionists have radically different views on global distributive justice? This paper argues that neither of these three factors sufficiently explains the divergent positions of traditionalists and revisionists on this controversial issue. The positions on resource wars can only be correctly understood by including an assessment of the relationship between the domains of just war theory and global distributive justice. Whereas

traditionalists are reluctant to draw a close connection between just war theory and global distributive justice, revisionists are inclined to draw close parallels and connections between both domains. In combination with an analysis of the role of feasibility constraints in just war theory, this provides an answer to the question as to why revisionists are more willing to embrace poverty and alack of resources as a just cause for war.

This paper subsequently aims to show that there are both good reasons to integrate the domains of just war and global distributive justice (contra traditionalists and with the revisionists) and equally good reasons to exercise vigilance towards those theorists that would try to mirror these domains (contra revisionists and with the traditionalists). That does not solve the problem of resource wars, but it is a first step in doing so, and it demonstrates the importance of further clarifying the relation between the domains of just war theory and global distributive justice.

Uwe Steinhoff
PhD, associate professor
University of Hong Kong, Department of Politics and Public Administration, Hong Kong

DOING AWAY WITH THE «LEGITIMATE AUTHORITY» REQUIREMENT IN JUST WAR THEORY

I argue that there «legitimate authority» is not a necessary condition for the justifiability of war. Moreover, I will also argue that even if there were some wars which would be unjustified if they were not in some sense «authorized» by a «legitimate authority», «legitimate authority» would nevertheless be redundant even in those cases since all the necessary work is already done by other just war criteria. Thus the legitimate authority criterion is otiose. Some might find this conclusion «sensationalist» and be tempted to resist it even if it is based on sound argument, especially if they think that they have «the tradition» on their side or have been previously exposed to enthusiastic endorsements of the legitimate authority criterion. Accordingly, in order to prepare the ground for my later arguments against legitimate authority, I will first set the historical record straight and show that traditional just war theory did allow private, indeed even individual war. Traditional just war theory is much less conservative and much more individualist then it is usually made out to be. I then address and refute a particularly enthusiastic way of endorsing the legitimate authority criterion, namely to claim that legitimate authority is not only indispensable, but in fact has «priority» over other criteria. Having debunked these assertions about the tradition and the supreme importance of legitimate authority (and already having introduced some examples that undermine the legitimate authority criterion), I will then confront head-on the main (and virtually the only) reason that has been adduced for the claim that legitimate authority is necessary, namely the claim that doing away with this criterion would have very bad consequences and might lead to chaos and anarchy. I will demonstrate that proponents of legitimate authority fail to provide an argument capable of proving this fear of bad consequences and anarchy to be rational; and I will explain why it is extremely unlikely that such an argument could ever be provided. In the final section I will briefly consider and refute a non-consequentialist argument for legitimate authority. I will also consider some more recent suggestions as to why legitimate authority is necessary or at least important for at least some wars and show that they are misguided. The legitimate authority criterion should be abandoned.

Ted van Baarda
Dr.,executive Director
EuroISME, the International Society for Military Ethics in Europe, Nantes, France

CAN SOLDIERS DO «THE DECENT THING» IN WAR?
JUST WAR, THE RIGHT INTENT AND «SAVING PRIVATE RYAN»

During the nineteenth century, the just war tradition had waned considerably, even to the point of coming into disrepute. The advent of legal positivism took place almost simultaneously; it was to become the principal method to maintain a normative framework on warfare. One of the side-effects of this development was that the age-old concept «the right intent» under the just war tradition disappeared.

In the first half of my presentation, I will briefly characterize these developments and I will conclude that the right intent was effectively «codified away» at the Hague Pease Conference of 1899. In the second half of my presentation, will apply this conclusion to a specific case. I have chosen the scene from the film «Saving Private Ryan». The film itself portrays the experiences of a squad of American soldiers during the first hours after D-Day, June 6, 1944. In the scene, a moral dilemma arises when the squad is confronted with the question whether to rescue a little French girl and her family from a partially demolished house while they are behind enemy lines.

«ЭТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ»
«THE ETHICAL EXPERTISE IN CONTEMPORARY SOCIETY»
в рамках реализации проекта, поддержанного РФФИ №18-011-00673 «Методология этической экспертизы в сфере культуры»

материалы круглого стола

Барташевич Татьяна Юрьевна
Кандидат философских наук, ассистент
Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТ И СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ

РФФИ №18-011-00673 "Методология этической экспертизы в сфере культуры"

Что мы понимаем под этической экспертизой – это процесс или же это, прежде всего, результат этого процесса? При взгляде на экспертизу как на результат, она, вероятнее всего, будет представлять собой некий социальный факт (институт). Если мы будем рассматривать экспертизу как разворачивающийся процесс, то справедливее говорить об экспертизе как о социальном действии. То есть перед нами две позиции (два тождества), требующих обоснования:

1. экспертиза = результат = социальный факт (институт);
2. экспертиза = процесс = социальное действие.

Что же такое социальный факт и что такое социальное действие?

При доказательстве первого тождества «экспертиза = социальный факт (институт)» автор следует логике Дж. Серла, опираясь на его работу «Конструирование социальной реальности» и статью «Что такое институт?», опубликованную в «Вопросах экономики» за 2007 год, а также опирается на рассуждения о сущности социальных фактов Э. Дюркгейма («О разделении общественного труда. Метод социологии»).

Под социальными фактами Дюркгейм понимает, прежде всего, факты социальной реальности (институты), способные оказывать принуждающее воздействие на отдельные сознания. При этом Дюркгейм отмечает своеобразную парадоксальность социальных фактов – «они обязывают нас, а мы любим их; они принуждают нас, а мы находим выгоду в их функционировании и в самом этом принуждении». К данной категории фактов Дюркгейм относит способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида, то есть существующие объективно в коллективном сознании и функционирующие (условно)независимо от отдельного индивида (например, общие идеи и чувства, моральные принципы, юридические нормы, религиозные обряды, язык, денежная система и др.).

Серл стремится определить, какова онтология и способ существования институциональных фактов. Серл проводит различие между «регулятивными» и «конструктивными» институтами-правилами, последние, по замечанию Серла, не просто регулируют (принудительно) социальные действия, они обеспечивают возможность этих действий, конструирую саму социальную реальность. Институциональные факты, отмечает Серл, существуют только внутри системы конструктивных правил.

При доказательстве второго тождества «экспертиза = социальное действие» автор отталкивается от теории социального действия, предложенной М. Вебером, развитой впоследствии Т. Парсонсом и эволюционировавшей в дальнейшем до теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. В докладе автор опирается на работы М. Вебера «Основные социологические понятия», Т. Парсонса «О структуре социального действия», Ю. Хабермаса «Моральное сознание и коммуникативное действие» и др.

Согласно Веберу, социальным действием является действие человека, которое по предполагаемому действующим лицом смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него. Введение в социальную науку принципа «ориентации на другого» позволило Веберу в определенной степени решить сложившуюся антиномию и основную нравственную проблему современности, вытекающей из фундаментальной неоднородности морали: согласование ценностных установок индивидуального морального субъекта и ценностей общества, бытующих в форме «моральной идеологии» и отвечающих потребностям общественного развития. Установление морального консенсуса в современном обществе, формирование единого взгляда на общезначимые нормы и ценности, способствующие бесконфликтному взаимодействию в процессе осуществления совместной деятельности, в профессиональных и любых других социальных отношениях, с исключительной опорой на субъективную этику, становится все сложнее в связи с тем, что субъективные представления о нравственно одобряемом и порицаемом зачастую оказываются диаметрально противоположными – что для одного хорошо и нравственно ценно, для другого не представляет нравственной ценности. Социальные действия в данной ситуации выступают конституирующим началом социальных отношений.

В типологии социального действия Хабермаса веберовский принцип «ориентации на другого» находит отражение в коммуникативном действии, т.е. действии, при котором акторы внутренне согласовывают между собой планы своих действий и преследуют свои цели только в случае взаимопонимания / согласия на это другой стороны / достигнутого в ходе дискурса консенсуса.

Особое значение Хабермас уделяет языку как средству выстраивания коммуникативных социальных действий, как универсальной форме взаимопонимания. Язык, по Хабермасу, это мир привычных перформативных действий, социальных отношений в конкретный культурно-исторический период.

Необходимость языка является также принципиальным суждением Серла в отношении социальных фактов (институтов, правил, регулирующих и конструирующих социальную реальность). Причин, обуславливающих эту потребность, несколько: во-первых, эпистемологическая необходимость, во-вторых, в силу своей социальной природы и назначения институциональные факты должны быть наследуемы – передаваемы, в-третьих, социальные факты как явления реальной жизни настолько многообразны и сложны, что требуют языка для их описания и анализа.

Таким образом, мы можем рассматривать экспертизу как результат (продукт) – социальный факт, т.е. институт, обладающий регулятивными и конструктивными свойствами, и как процесс – социальное действие, прежде всего коммуникативное действие, основными принципами которого выступают принципы «ориентации на другого» и взаимопонимания как механизма координации действий и достижения консенсуса по рассматриваемому вопросу. В обоих случаях важную роль играет язык – и в учреждении института, и в коммуникативном взаимодействии.

Бродский Александр Иосифович
Доктор философских наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ЭТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

РФФИ №18-011-00673 «Методология этической экспертизы в сфере культуры»

Применение зародившейся в сфере биомедицинских исследований этической экспертизы к сфере культуры выявило главную проблему любой экспертизы подобного рода: отсутствие методологии, позволяющей хотя бы частично устранить влияние таких

«субъективных факторов» как идеологические и религиозные предпочтения экспертов, их личные моральные качеств, их эмоциональные реакции. Попытка определить такую методологию – основная цель данного доклада. Для решения этой задачи автор предлагает обратиться к забытому искусству казуистики, наивысший расцвет которого приходится на конец XVI – начало XVII века. Главная черта казуистики того времени – рассмотрение различных этических принципов и норм в качестве лишь более или менее правдоподобных мнений (opinion probabilis). Решить, какое из этих мнений следует выбрать, можно лишь путем их обсуждения и оценки каждого мнения по следствиям, вытекающим из него в каждом конкретном случае. Применение казуистики к современной этической экспертизе предполагает, что эксперты должны исходить не из своих убеждений и принципов, а из оценки конкретной ситуации и сравнительного анализа возможных последствий применения к ней тех или иных моральных требований. Обоснованным может считаться такой вывод экспертизы, по поводу которого ее участникам удалось заключить консенсус. Но такой консенсус будет невозможен, если участники экспертизы будут обосновывать свои выводы не анализом последствий тех или иных решений, а своими любимыми религиозными или идеологическими доктринами. В теоретическом плане автор доклада считает, что казуистика как метод этической экспертизы предполагает не только оценку частного случая с точки зрения его соответствия общим принципам нравственности, но и оценку самих принципов нравственности с точки зрения их применимости к частным случаям.

Брызгалина Елена Владимировна
Кандидат философских наук, доцент
Киселев Владимир Николаевич
Кандидат философских наук, доцент
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

СТАТУС «ПРОФАННЫХ ЗНАНИЙ»
В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

В настоящее время выражение «профанное знание» и его синонимы (например, «человек с улицы», «неспециалист», «любитель», «дилетант») часто встречается на страницах публикаций, посвященных современным научным коммуникациям. Особенности современного этапа развития науки и технологий требуют функционирования институтов социально-гуманитарной экспертизы, которая обязательно включает участие неспециалиста. В докладе раскрываются особенности профанного знания, влияющие на содержание и этапы социально-гуманитарной экспертизы.

Бусуркина Ирина Петровна
Аспирант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

РФФИ №18-011-00673 «Методология этической экспертизы в сфере культуры»

На сегодняшний день виртуальная реальность, воплощенная в сети Интернет, является неизбежностью бытия современного общества. В настоящий момент вопрос состоит не в том, как избежать появления в Сети, а в том, как найти в ней свое место. Интернет стал еще одним измерением общественной реальности, полем взаимодействия людей. Более того, едва переступив порог XXI века, мы оказались в парадоксальной ситуации: технологии развиваются настолько стремительно, что смена поколений не успевает за темпами их развития. Все это рождает множество проблем и конфликтов, которые подлежат этическому осмыслению.

Современные отечественные исследования по вопросам этики в сфере Интернет-пространства представлены в материалах тематических конференций, затрагиваются в материалах учебных пособий по прикладной этике, в различных статьях А.Е. Войскунского, И.Л. Галинской, Е.В. Коваль, О.М. Манжуевой, Г.П. Отюцкого, О.А. Филиной. Обобщающая российский и зарубежный опыт монография А.А. Малюка, О.Ю. Полянской, И.Ю. Алексеева «Этика в сфере информационных технологий» (2011) создана для внедрения одноименного предмета в программу профессиональной подготовки студентов технических специальностей. Однако, следует признать, что пространство Интернета целостнее исследовано российскими социологами (интернет-исследования), нежели философами, в частности, специалистами в области этики. В связи с быстрым изменением технологий, многие исследования также требуют актуализации. В этом отношении, анализ современности является сложной задачей, так как всегда предполагает незавершенность. Поэтому наиболее гибкими являются исследования в форме дискурса, чутко реагирующие на быстрые перемены.

Этическая экспертиза является одним из самых гибких и развивающихся направлений регулирования различного рода ситуаций в интернет-пространстве. Она является способом рационального анализа ситуаций морального выбора, и может включать в себя следующие виды: проектирование, моделирование, консультирование и др. В своей исследовательской части экспертное заключение вскрывает проблему, которая может не лежать на поверхности, но существенно определяет социальные практики. В проективной части делается прогноз относительно того, как будет развиваться ситуация. Исходя из свойств киберпространства, таких как саморегуляция и открытость, наиболее эффективная форма этической экспертизы в киберпространстве – общественная. Это означает, что она может существовать в форме общественной оценки, выраженной в том или ином регулятиве. Второй особенностью является публичность результатов экспертизы – информацию о ходе экспертизы может прочитать каждый. В киберпространстве с самого начала заложено двойное основание – возможность безнаказанности благодаря анонимности и, одновременно, абсолютная регулируемость, выраженная в отслеживании каждого шага интернет-пользователя. Анонимность позволяет людям более открыто выражать свое мнение, что может использоваться для более объективной экспертной оценки. Отслеживаемость позволяет вести статистику действий пользователей, которая может быть использована для «этического картографирования» – составления карт, которые будут являться отображением этических практик и моральных границ субъектов, принадлежащих отдельной группе или целой культуре. К технологическому потенциалу этического моделирования и этико-прикладных разработок можно отнести автоматизированную оценку и интерпретацию при помощи искусственного интеллекта.

Сфера влияния киберпространства выходит за физические пределы его самого: в него включены все общественные институты и организации, происходит все большее слияние реальных и виртуальных социальных отношений. Изучение особенности их «перевода» в цифровой формат и сопряженные с этим этические трудности представляется интересной задачей для будущих исследований.

Грачева Мария Витальевна
Аспирант, 2 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ЮМОРА В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Рассуждать о юморе, как об объекте этической экспертизы, в первую очередь необходимо через призму информационного пространства, так как именно в этой сфере данный фено-

мен очевиднее поддается анализу и оценке. Информационное пространство в данном случае понимается исключительно широко, включая литературу, Интернет и СМИ.

Юмор не просто является одной из неотъемлемых составляющих современной культуры, принимая в информационной среде формы сатиры, карикатур, ситкомов, мемов и многого другого.

Информационная среда, разумеется, находится под бдительным надзором цензуры. Однако, цензура, будучи нормативным запретом, не ставит своей задачей многосторонний анализ того или иного феномена. Однозначно под запрет попадают лишь те проявления юмора, которые нарушают закон.

В отличие от цензуры, этическая экспертиза не является нормативным актом и не влечет за собой санкции на уровне законодательства. Как писал А.Ю. Согомонов в своей статье «Два вектора этической экспертизы в современном мире»: «Этическая экспертиза… не предлагает санкций, не наказывает и не штрафует, не накладывает общественного вето… Она подвергает их научному анализу» [2, с.33]. Именно этический анализ феномена является тем важным отличием экспертизы от цензуры.

Феномен юмора является одним из самых сложных для изучения, так как при его этической оценке возникает целый ряд проблем, из которых наиболее распространенные – эт**ин**дивидуальность юмора;

Довольно сложно определить грань между нарушением этических норм и просто неудачной шуткой, так как феномен юмора является невероятно обширным и весьма индивидуальным.

- особая роль юмора;

Юмору всегда отводилась особая роль в обществе, так как данный феномен часто становился реакцией на происходящее, обличая социальные вопросы. Но, как и в первом случае, невероятно сложным является предел разоблачения проблемной ситуации и провокацией, способной вызвать конфликт.

- стереотипность юмора;

С одной стороны, феномен юмор неизбежно порождает стереотипы, так как посредством стереотипов легче высмеивать те или иные пороки. Но, с другой стороны, таким образом, информационное пространство формирует все новые стереотипы, способные спровоцировать конфликтные ситуации.

Тем не менее, несмотря на множество сложностей, связанных с юмором, именно неоднозначность этого феномена и является главной причиной необходимости его оценки в рамках этической экспертизы. Как пишет А.Е. Зимбули: «Предмет этической экспертизы – это всегда ситуация межсубъектного общения, где сталкиваются и в различной степени согласованно сочетаются интересы индивидов и групп» [1, с.39]. Феномен юмора – именно та ситуации постоянного столкновения различных мнений и взглядов, которой необходима не только цензура, но и внимательная экспертная оценка.

Литература:

1. Зимбули А.Е. Этическая экспертиза как предмет этического осмысления // Философия, Известия Российского Государственного Педагогического Университета Им. А.И. Герцена, Издательство: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург). 2008.

2. Согомонов А.Ю. Два вектора этической экспертизы в современном мире // Прикладная этика: экспертный потенциал. Ведомости прикладной этики. Вып.41 – под ред. В. И. Бакштановского, В. В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2012. С.30-39.

Захарова Лидия Борисовна
Кандидат биологических наук, доцент
Парийская Елена Николаевна
Кандидат биологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

ЭТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И ЕЕ РОЛЬ В РЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ НА МЕДИЦИНСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ

В процессе обучения на медицинском факультете обычно на первом месте стоят вопросы методик преподавания, а также теоретического содержания дисциплин и их практического подкрепления. Однако очень мало внимания уделяется решению конфликтов, возникающих внутри педагогического коллектива и во взаимоотношениях между преподавателем и студентом (эксперт – не эксперт). В основе решения данных биоэтических проблем лежит экспертная оценка. С помощью этической экспертизы независимыми экспертами или специалистами внутри самого учебного заведения может быть выработано наиболее справедливое решение возникших конфликтов. Следует отметить, что проведение такой экспертизы требует совокупности мнений, и она не всегда может быть осуществлена одним человеком. Экспертное решение будет вызывать доверие у участников конфликта, если оно будет принято исходя из совокупности мнений большинства членов этической комиссии. Очень важно при создании экспертной комиссии подбор экспертов – профессионалов, знания и умения которых будут вызывать доверие. Межличностные моральные дилеммы, возникающие из-за пересечения личностных нравственных установок, требуют профессионального решения с применением этической экспертизы.

Зимбули Андрей Евгеньевич
Доктор философских наук, профессор
Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена

«А СУДЬИ КТО?»: ОПЫТ РЕФЛЕКСИИ О СУБЪЕКТЕ ЭТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

«Доверяй, но проверяй». *Русская пословица*
«Эксперт – ‘знаток, сведущий и опытный в деле человек’». *В.И.Даль*
«Всего не перепроверишь». *Личный вывод*

В ситуации, требующей проведения этической экспертизы, можно назвать следующие компоненты: непосредственные участники; окружающие; причины проблемы; возможные сценарии; эксперты. Автор решил сфокусировать внимание на последнем компоненте, эксперте. Это не просто знаток, а тот, чьё мнение спрашивают. И от кого требуются не просто знания, но способность к многофакторному анализу сложных объектов, причём этот анализ должен проводиться с достаточной по ситуации подробностью, точностью, в рамках заданного времени, и едва ли не главное – результаты экспертной оценки должны быть изложены доходчивым для заказчика образом. И конечно же – сама экспертиза должна производиться при соблюдении того, что нынче модно именовать словечком «транспарентность».

Если отталкиваться прежде всего от основных функций этической экспертизы (проверки, контроля, оценки, мотивирования), то предметом этической экспертизы в каких бы то ни было областях жизни – экологических и экономических проектах, при взвешивании достоинств научных текстов, в сфере образования, в вопросах психологии общения, конкретных юридических случаях и при выработке законодательной стратегии, при выработке политических решений – выступают справедливость / несправедливость, гуманность / негуманность, честность / лживость, доброжелательность / зложелатель-

ность, ответственность / безответственность, самостоятельность созидания или беззастенчивость присвоения чужого.

В целом, можно видеть в общих чертах наброски матрицы типов субъектов этической экспертизы: свой, сторонний, строгий, либеральный, удобный, карманный, авторитетный, начинающий, дежурный, официальный, неформальный, разовый, постоянный, профессионал, любитель, запасной, знаменитый, анонимный. Причём мало сказать, что эта матрица многомерна. В реальной жизни, очевидно, трудно ждать идеальных моделей – как в рассматриваемых экспертизой объектах, так и среди рассматривающих объекты экспертах. Известен анекдот, в котором подчёркивается: профессионалы строили «Титаник», Ноев ковчег создавал любитель.

Явно тем, кто заинтересован в проведении этической экспертизы, придётся считаться с неидеальностью экспертов. Ведь что нам толку, если среди нас где-то есть умный, порядочный, многоопытный человек, который мог бы выступить экспертом в том или ином узле проблем. Если такой человек есть, но занимается другими своими делами – существующий узел проблем остаётся узлом. Чтобы и проблемы решались, и профессионализм экспертов совершенствовался, всем вместе – заказчикам и исполнителям этической экспертизы нужно отчётливо понимать её основное культуротворческое назначение. Чтобы все заинтересованные люди понимали крайности легковерности и паранойи, и не позволяли этической экспертизе сделаться ни предметом рвачества, ни, ещё хуже, беспринципным орудием бизнеса, политической борьбы.

Литература

1. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Проспект, 2018. – 256 с.

2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956.

Игнатьева Софья Валерьевна

Аспирант, 1 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ МОРАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В дискуссии об этической экспертизе, которая, в последствии,была оформлена в отдельный выпуск «Ведомостей прикладной этики» (номер 41, «Прикладная этика. Экспертный потенциал»), большинство ученых сошлись на мнении о том, что современная ситуация несколько двойственна. Этическая экспертиза, с одной стороны, есть экспертная деятельность по оценке социальных явлений и текстов этического содержания; а с другой стороны – это разновидность общественной (моральной) экспертизы, производимой группой людей, считающимися экспертами в области морали (общественные деятели, уважаемые члены коллектива и т.д.).

Моральная экспертиза, как некоторый аналог этического суда над человеком и вынесение ему «приговора» в морали влечет за собой ряд этических проблем. Что вызывает в обществе негативное отношение к самому институту этической экспертизы.

1. Проблема эксперта в моральной экспертизе.

А.А. Гусейнов, А.А. Сычев, А.Г. Апресян и др. в ходе дискуссии неоднократно подчеркивают, что способность и обязанность поступать и оценивать свои поступки морально являются неотъемлемыми от духовной деятельности личности. Делегация этих способностей невозможна, внешний агент, если мы говорим с позиции морали, не может «вменить в вину» проступок, невозможно заставить индивида переживать или не переживать угрызения совести. Этические санкции возможны только как косвенные последствия моральной оценки другими членами коллектива.

2. Проблема спецификации общих принципов к конкретной ситуации

Как правило, механизм моральной экспертизы заключается в оценке деятельности индивида в той или иной ситуации, что неизбежно приводит к обобщениям ситуации и действий личности. Тогда, как любая ситуация морального выбора крайне специфична, А.Е. Зимбули выделяет 7 основных критериев любого морального поступка: мотив, цель, контекст, инструмент, старание, результат, отношение. Оценив отдельно каждый пункт, мы получим 128 различных моральных оценок. Вердикт «виноват/невиноват», привычный для моральной экспертизы оказывается крайне упрощенным вариантом.

3. Вопрос плюрализма ценностей и разнообразия позиций

Даже, если представить ситуацию, где моральная экспертиза будет выносить оценку, учитывая и обсуждая каждое положение из 7 пунктов, то окажется, что каждый из этих пунктов может быть рассмотрен с позиции как минимум нескольких этических концепций, в рамках различных представлений о морали и бесконечного числа систем ценностей. Исключив же плюрализм моральных ценностей и этических теорий – мы ограничиваем свободу воли всех, заинтересованных в экспертизе лиц, что совершенно недопустимо с точки зрения морали.

Таким образом, результатом моральной экспертизы никак не может быть вынесение оценки поступкаили, тем более, характеристика личности. Моральная экспертиза должна заканчиваться на обсуждении проблемных полей ситуации, конкретизировать причины и следствия конфликтов и стимулировать принятие решения самими заинтересованными в экспертизе сторонами.

Ковалёва Татьяна Викторовна
Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

КОДЕКС ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Отношения между специалистом/профессионалом и неспециалистом/дилетантом изначально строятся на эпистемологическом неравенстве. Эксперт знает больше о сфере своего профессионального интереса, чем дилетант. И, если последний обращается к эксперту, то он это делает из-за осознания своей некомпетентности и признания чужого экспертного суждения над своим. Отношения эксперт/экспертный совет – дилетант строятся на концепции разумного уважения. Дилетант должен признать авторитет эксперта, иначе в противном случае экспертиза не состоится. Такие взаимоотношения можно закрепить юридически договором между поставщиком услуг и потребителем этих услуг. Однако этическая экспертиза часто выходит за рамки пунктов закона и может затрагивать интересы людей, которые не собирались обращаться к эксперту. Более того, этическая экспертиза может быть проведена без их ведома и согласия, а, значит, ее результаты могут отразиться на благополучии этих людей. В данной связи, необходимо говорить о этике экспертизы, как о важном основополагающем факторе в работе всех заинтересованных сторон. Для чего она нужна? Ее необходимость в том, чтобы избежать негативных последствий возможных ошибок, которые могут возникнуть при негласных договоренностях. Это, своего рода, дополнительная страховка, чтобы развеять возникающие сомнения и подозрения, договор о добрых намерениях сторон. Для таких договоров необходимы правила, регламентирующие этичное поведение эксперта, экспертного сообщества и неэксперта. Правила этики экспертизы очень важны для достижения доверия всех сторон. Речь идет о создании профессиональных кодексов, которые строятся на определенных принципах. Сложность создания таких кодексов определяется четким ранжированием принципов по значимости и их смыслоопределением. Для правильной разработки принципов нужно учитывать много факторов, которые будут

определять значимость кодекса для профессионала. Если им будут руководствоваться в стремлении поступить правильно, этично, значит он составлен верно и создает баланс сил в совместной работе трех или двух заинтересованных сторон, облегчая их выбор и обеспечивая их взаимопонимание и правильность суждений.

Кутузова Анна Олеговна
Магистрант, 1 курс, Санкт-Петербургский государственный университет

ЭКСПЕРТНЫЕ СИСТЕМЫ В ЭТИКЕ

Современность располагает и в некоторых случая заставляет человека задумываться о надеждах и угрозах, которые таят в себе возможности информационных технологий. Сейчас для вступления в дискуссии у рядового пользователя хватит личного опыта взаимодействия с проявлениями слабого ИИ. Вопросами всего, что может стать «цифровым» озабочено государство, бизнес, наука и общество. Автор хотел бы обратить внимание на то, что в погоне за цифровизацией общество само того не замечая, говорит внедрению новых технологий «да», вверяя им один из самых ценных потребительских даров – своё доверие.

Вместо условных технологий автор предлагает подставить понятие экспертной системы. Как эта технология смогла завоевать доверие в других областях и рассмотреть проблемное поле внедрения экспертной системы в сферу этического.

Экспертная система (ЭС) – это компьютерная система, способная частично заменить специалиста-эксперта в разрешении проблемной ситуации. Разрабатываемые в 1970-1980-х ,ЭС вызвали научную дискуссию несколькими годами позже. Наиболее известные системы используются для диагностики заболеваний, как интерпретирующие системы местонахождения судов в Тихом океане, в качестве игры или просто базы знаний с заданными алгоритмами.

Аргументам «за» внедрение ЭС является неуёмный научный интерес, дискуссии, публикации новых исследований. Среди этого выделяются исследования, изучающие этические ЭС в бизнесе среде, способные проводить этический аудит и консалтинг компании, её сотрудников.

При этом сфокусируемся на кажущихся аргументах «против».

1. Проблема выбора эксперта. Динамическая ЭС , решающая задачи при постоянном изменении во времени знаний и данных, должна пополняться знаниями, которые формулирует эксперт в данной области, этик. Вероятно, вопрос об эксперте и методе, критериях его выбора будут стоять остро, от них будет зависеть, какого качества знания будут попадать в систему.
2. Проблема упорядоченности знаний для ЭС. Даже для печатных энциклопедических изданий систематизация этического знания может выглядеть в форме обеднённой и стройной системы, либо разнообразной и хаотичной, что послужит лучшей базой для работы ЭС сказать сложно.
3. Проблема распространения влияния. Общество создаёт систему, которая будет иметь возможности выносить решения только в профессиональных сообществах или будет более универсальной. Если разные системы будут сосуществовать , как согласовывать их решения.
4. Готовность человека сделать компьютерную систему судьёй своих поступков. Автор хочет обратить внимание на сам факт того, что способность выносить этическое суждение относится к свойству морального агента и, присваивая такую способность ЭС, она становится таковым. Вероятно, какой-нибудь человек задумается над тем , хотел бы он подвергнутся этической оценке с точки зрения ЭС, возможно ради интереса, эксперимента, а если ЭС станет частью профессиональной реальности, будет влиять на имидж, карьеру, репутацию и статус?..

В вопросе развития ЭС в этике существует много сомнений по поводу реализации этого проекта. Научное сообщество должно проявлять способности предугадывать эффект от самого внедрения этого явления в обществе, ставить под сомнение самые надёжные идеи по поводу реализации такого рода проектов. Автор хотела бы оживить дискуссии вокруг этой темы и задаться вопросом не о внедрении ЭС, а о невозможности замены этика на ЭС.

Овчинникова Елена Анатольевна
Кандидат философских наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет

ПРЕДМЕТНОЕ ПОЛЕ ЭТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

РФФИ №18-011-00673 «Методология этической экспертизы в сфере культуры»

В стремлении преодолеть субъективизм этической экспертизы необходимо проанализировать не только вопрос о том, кто может выступать экспертом и чью точку зрения он представляет (этот вопрос неоднократно поднимался и дискутировался в современной отечественной этике), но и выстроить методологические основания экспертной оценки. При вынесении экспертного суждения, нам представляется значимым два этапа – первый – это обнаружение собственно предмета оценки, т.е. того морального содержания/ морального факта (используя выражение Э.Дюркгейма), который подлежит оценке и далее – процедура вынесения морального суждения. В рамках данного доклада хотелось бы остановиться на первой составляющей – предмете этической экспертизы. Современная этическая экспертиза обращается к различным феноменам в пространстве культуры – это художественная литература, кинематограф, театральные постановки и выставки, средства массовой информации, культурные проекты и новации. При таком многообразии объектов экспертного суждения вопрос о собственно предмете экспертизы представляется нам весьма актуальным.

Определение предмета этической экспертизы предполагает строгое вычленение и описание явлений морального порядка, анализ феноменов, входящих в структуру морали. В предметное поле этической экспертизы современные исследователи включают императивно-ценностное содержание оцениваемого феномена. Это общее определение предметного поля, которое, на наш взгляд, требует уточнения и более развернутого теоретического анализа. В качестве возможного методологического подхода к решению данной проблемы можно привлечь анализ структуры морального сознания, рассматривая его на разных уровнях: индивидуальном и общественном, обыденном и теоретическом, и в сочетании основных элементов: идеалов, ценностей, норм и принципов.

Другая проблема, на которую следует обратить внимание – это проблема понятийного аппарата, в рамках которого фиксируется и анализируется предметное содержание этической экспертизы. Оценочные суждения формируются в процессе моральной рефлексии как на обыденном, так и на теоретическом уровне. На теоретическом уровне явления морали фиксируются со стороны их универсальных внутренних связей и закономерностей, что позволяет объединить с помощью рациональных процедур все многообразие исследуемых явлений в едином концептуальном поле. Здесь важно отметить, что на этом уровне понятия морального сознания, с необходимостью должны отвечать требованиям определенности, всеобщего признания в границах теоретического знания, однозначности языкового выражения, постоянности, устойчивости. Теоретическое знание с помощью процедур формализации способно перевести релятивные, динамичные, неустойчивые обыденные понятия морали в относительно устойчивое состояние, что позволяет выявить и проанализировать предметное поле этической экспертизы и задать исходные данные для экспертного суждения.

Содержание

Абдрашитова И.В. Этические основания феномена иллюстрации …… 4
Ананьева Е.М. К основаниям философской герменевтики:
Кант и Шлейермахер о задачах практического разума ……..……. 5
Арпентьева М.Р. Новые медиа и этические аспекты
развития института СМИ ……. 6
Артемов В.М. Этическая парадигма в праве: реальность и перспективы ….. 6
Артемьев Т.М. Аккаунты умерших пользователей соцсети.
Этические аспекты ……... 8
Багаутдинов Н.В. Моральный поступок как условие реализации свободы в
философии М. Бахтина……. 9
Баженов С.С. Истоки идеалов и образцов хозяйствующего субъекта: опыт
междисциплинарного анализа ……. 10
Байрон А.А. Нравственный аспект проблемы веры и знания ……. 11
Бакштановский В.И., Богданова М.В. Трансформация символа
академической профессии и новые цели университета …… 12
Барбашина Э.В. К вопросу об условиях практической реализации
принципа автономии пациента ……... 13
Беляева Е.В. Проявления универсальности морали в исторических
системах нравственности ……. 14
Бескровная А.С., Соколова А.О. Этические вызовы цифровой медиасферы .. 15
Богатов М.А. «Этика – логика – физика» как место формирования
Философии …… 16
Болотникова Е.Н. Гуманизм и забота о себе ……. 17
Бронфман С.А., Киященко Л.П., Майленова Ф.Г. Трансфер знаний
и практик в системе репродуктивная медицина - общество: философские
основания и биоэтические проблемы ……. 18
Бурсевич В.В. Этические проблемы использования тел умерших
в обучении студентов-медиков (случай Беларуси) ……... 19
Волкова А.А. Ценностные основания академического этоса в Германии ….. 20
Воробьёва М.В. От «Двенадцати половых заповедей революционного
пролетариата» к «Моральному кодексу строителя коммунизма» ……... 21
Гарвардт А.Э. Трансформация парадигм этического сознания в эпоху
постправды ……... 22
Гарвардт М.А. Этические проблемы «современной войны» ...…….... 23
Глобина А.К. Двоемирие XXI века или подводные камни путешествия
между реальностями …… 24
Головков В.В. Моральные проблемы беспилотного транспорта ……. 25
Gonashvili Aleksandr. The Place of Ethics in a Virtual Society (*Гонашвили
А.С.* Место этики в виртуальном обществе) …….. 26
Давыдов Д.А., Маркова И.В. Цифровая грамотность – этические аспекты … 26
Данилкина Д.С. Социально-этические проблемы манипулирования
сознанием в рамках естественнонаучного подхода …….. 28
Демидова Е.В. Нравственный субъект в ранней философии М.М. Бахтина .. 28

Демин Р.Н. Концепция «девяти добродетелей» в главе «Ся бянь цзи» «Ши цзи» и главе «Шуй ди» «Гуань-цзы» ……. 29
Джабраилов Р.И. Проблема зла в этике Н.А. Бердяева ……... 30
Долоцкая Н.А. Исключение/включение как фактор этической оценки насилия и политического ……. 31
Дробышева А.В. Актуальные вопросы изучения нравственного сознания поколений ……. 32
Дубоносова Е.А. Медиаэтика как продукт эпохи информационного общества …… 33
Жадунова Н.В., Грыжанкова М.Ю. Рекурсивность моральной оценки в глокальном мире ……... 34
Зайцева Н.М. Исследование актуальных этических проблем современной Италии на примере аморального кинематографа Д. Чипри и Ф. Мореско …. 35
Зелянина С.Н. Корпорация как моральный агент …….. 35
Игнатьева С.В. Этика расставания …… 36
Илюхина Е.О. Рассмотрение положения эмпатии в современном дискурсе научных исследований ……. 38
Ишмеева А.И. Светская этика как необходимый компонент образовательного процесса в школах ……. 39
Канышева О.А. Современные проблемы этики: Россия и Европа …….. 39
Карчагин Е.В. История концептуализации понятия «Право на город» …….. 40
Касавин И.Т. Как возможна этика науки? Честность, целостность и общественное благо …….. 41
Киняев Р.С. Актуальность этики анархизма в современности …… 43
Кислов А.Г. Архитектура аксиоматических, нормативных и интеллектуальных систем: критерии соответствия …….. 44
Климович А.И. О современном состоянии религиозной биоэтики …….. 45
Колесников И.Д. «Срединный путь» Феогнида (арете вне поступка) …….. 46
Комлев А.Е., Тимирчев И.К. Власть как реальность: контекст религиозно-традиционного восприятия мира ……... 46
Кондратенко К.С. Этические аспекты русской философской терминологии: этимологическая реконструкция …….. 48
Королева В.В. Проблема сексизма и расизма в Китайской рекламе …….. 48
Костина О.В., Жуков Д.А. Экзистенциальное как молчание …….. 49
Кочнев В.С. Аксиологическая интерпретация онтологии культуры, права и политики …… 50
Крайнова Е.А. Основные методы работы с сотрудниками организации при проектировании этического кодекса ……. 51
Краснова Л.А. Этика и социальный эксперимент: теоретико-прикладные аспекты …….. 53
Кречко Н.Г. Словесный поединок Андрея Курбского и Ивана IV. К вопросу об этике убеждения в русской культуре ……. 54
Кржевов В.С. Моральные императивы в политической деятельности: к постановке проблемы …… 55
Крюкова К.В., Овчинникова Е.А. Моральные основания социальной политики …… 56

Кугушева И.Н. Нравственный климат трудового коллектива как объект изучения в сфере прикладной этики …….. 57
Кузнецов Н.В. Марксистская этика в России: Г.В. Плеханов ……. 58
Кузнецов Н.С. К проблеме оснований базовых ценностей ……. 58
Кулакова Т.А. Потенциал общественной морали в координационных стратегиях современного государства …… 59
Куцев А.А. Этический конфликт. Санкция на поведение ……. 60
Лисанюк Е.Н. Моральная аргументация между рассуждением и действием . 60
Маков Б.В. Генезис архетипов коллективного когнитивного …….. 61
Маркова И.В., Давыдов Д.А Этические проблемы цифровой революции ….. 63
Мартынова М.Д. Стратегии развития высшего образования и современного рынка труда: этические дилеммы …….. 64
Маслевская П.В. Феномен дружбы как предмет философского анализа …… 65
Мачкарина О.Д. Нравственный закон как истинное благо в оценке И.М. Скворцова (1795-1863) ……... 66
Михайленко А.В. Нейроэтика в переходный период становления официальной биополитики …….. 66
Михайлова В.М. Противоречия представлений о справедливости в современном российском законодательстве ……... 67
Мочалова И.Н. Учение об удовольствии в контексте дискуссий IV в. до н.э. в Афинах …… 68
Муртазина Д.К. Развитие понятия свободы: от Античности к Новому времени ……. 69
Мухутдинов О.М. Этика Канта и онтология практического существования человека в мире ……. 70
Никифорова А.В. Модернизация среднего образования в условиях нравственных противоречий современного российского общества ……... 70
Новикова О.В. Нейрологическое определение эмпатии …….. 72
Новожилова Е.О., Галковская О.А. Формирование толерантности как важной составляющей врачебной этики …… 72
Обидина А.С. Эмпатия в информационном обществе ……. 73
Павлова Д.А. Трансформация базовых этических категорий античности в современной философии ……. 74
Парфенов В.А. Этические проблемы революции искусственного интеллекта: предпосылки и возможные последствия ……... 75
Перова Н.В. Проблема свободы воли в экспериментальной нейроэтике ….. 76
Петрова Н.В. Насилие и взаимодействие культур ……... 77
Пионткевич Л.Ю. Ценность нравственных ценностей: постановка проблемы …….. 78
Познякова О.Л. Социальная драматургия И. Гофмана: этические трудности и пути преодоления …….. 80
Положенцев А.М. Проект Канта: Каково будущее у этики? …… 81
Поляков А.В. Принцип «точного мышления» М.К. Мамардашвили и проблема разделения души и тела у Декарта ……. 82
Полякова Н.В. Феномен политического страха: этическое переосмысление 83

Попов Д.С. Стоическая моральная философия в условиях современной войны: случай Ж.-П. Сартра …… 84
Разин А.В. Свобода воли и моральная ответственность ……... 85
Саввина О.В. Социальные сети, репродуктивные технологии и «новые» семьи» …… 85
Самойлов А.А. Концепт «зрелой личности» в современной психологии как этический субъект …… 86
Сандакова Л.Б. Проблема происхождения морали в контексте нейронаучных исследований …….. 87
Свет А.А. Нравственные мотивы в саморегуляции поведения …….. 89
Севастьянова А.Д. Проблема морального содержания права в концепции Дж. Финниса …… 89
Синюкова Н.А. Субъективный опыт болезни в современной биоэтике ……. 90
Starovoitova Snezhana. International Ethics from the Standpoint of Neoliberalism (*Старовойтова С.С.* Международная этика с точки зрения неолиберализма) ……... 91
Степанян С.А. Трансформация интимности в виртуальном пространстве и новые поведенческие установки ……. 92
Сычев А.А., Коваль Е.А., Жадунова Н.В. К вопросу о типологизации языка вражды (этический аспект) …….. 93
Тарковский В.Н. Вопрос о переосмыслении этических ценностей …… 94
Тимофеева А.В. Этика science-art: к постановке вопроса ……. 95
Ткаченко Г.С., Труханов В.А. Понятие «свобода» в религиозной этике народов Северного Кавказа ……. 96
Туманян Т.Г. Литература адаба: этика и политика …… 97
Турко Д.С. Кантовская моральная автономия воли в современной философии анархизма …….. 98
Тухватулина Л.А. Ценностное измерение права: философская рефлексия vs экономический анализ ……. 99
Часовских Г.А. Понятие справедливости в современной эволюционной этике ……... 100
Шаммасова Л.З. Ценностно-нормативные ориентации современных Интернет-сообществ …… 101
Шевченко А.А. Снова о святых и героях: идея сверхдолжного в этике …….. 102
Шестакова В.Д. Философско-этический анализ принципа свободы творчества ……. 103
Шкрябина С.С. Конфликт моральных ценностей в современном информационном обществе ……. 104
Шпеннглер Л.С. Аутентичность как онтологический элемент экзистенциального выбора ……. 105
Штарк Е.В. Добровольчество (волонтерство), как элемент прикладной этики в современном российском обществе ……. 107
Yaskevich Yadzviha. The Concept of Communicative and Morally Oriented Personality (*Яскевич Я.С.* Понятие коммуникативной и нравственно ориентированной личности) …… 108

«КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ И ЦЕННОСТИ В КОНФЛИКТЕ».
Материалы круглого стола
Абакарова Р.М. Конфликт традиционных этических ценностей и вызовов современности …….. 109
Артёмов Г.П. Взаимосвязь моральных и социальных факторов ценностных конфликтов …… 110
Баталыгина Ю.А. Социальный проект как инструмент управления конфликтами в социальной политике …… 111
Газимагомедов Г.Г., Стребков А.И. Социально-этическая технология урегулирования конфликта ценностей ……... 112
Держивицкий Е.В. О размерах кулаков у добра …… 113
Коваль Е.А. «Ницше умер. Бог» или глокальная перезагрузка морали …….. 114
Korciuch L. A Crisis of Values? ……... 115
Ларионов И.Ю. Этика добродетели и моральный конфликт ……... 116
Перов В.Ю. «Новая этика» для общества новых технологий? …… 117
Сунами А,Н. Борьба с наркотиками как конфликт ценностей ……. 118
Щукин Д.А. Социальный капитал и ценности альтернативных экономик …. 119

«НАУЧНЫЕ СООБЩЕСТВА: НОРМЫ, ЦЕННОСТИ, ПРАКТИКИ, КОММУНИКАЦИИ». Материалы круглого стола
Валуев Д.Г. Текстовые практики в цифровой среде: проблема сохранения этоса науки …… 121
Галлямов Р.И. Предпосылки поиска практик себя в современных научных сообществах …….. 122
Гафарова Ю.Ю. Транскультурная коммуникация в научном сообществе … 123
Дмитриев И.С. Этика науки во сне и наяву …….. 124
Дорохина Р.В. Корпоративная этика в студенческой организации FraternitasTraditum …… 125
Душина С.А. «Научное сообщество»: горизонты смысловых интерпретаций 125
Куприянов В.А. Зарождение первых научных журналов и легитимация научного лидерства нового типа ……. 126
Масланов Е.В. Негумбольтовские зоны обмена и позиция ученого ……... 127
Самостиенко Е.В, Этика и цифровые стратегии производства знания: инструменты и алгоритмы научной коммуникации ……. 128
Слюсарев В.В. Асоциальность как социальное пространство фундаментальной науки …….. 129
Траханова В.О. Научные сообщества: совместимость институциональных и эпистемических границ с ценностью новизны …….. 130
Тульчинский Г.Л. Нарративы мифотворчества и этические перформативы ... 131
Чеботарева Е.Э. Философия инженерии: новые этические координаты ….. 131
Шиповалова Л.В. Границы органической солидарности в научной коммуникации ……... 132
Шкорубская Е.Г. Проблема распределения ответственности как результат трансформация авторства научной статьи ……. 133

«ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ. ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ».
Материалы круглого стола.
«**JUST WAR THEORY. THE REASSESSMENT**». Workshop.
Кашников Б.Н. Теория справедливой войны. Критика основных начал …… 135
Glazebrook T. Big Data Ethics …….. 135
Peperkamp L. Resource wars: linking just war theory and global distributive justice ……. 136
Steinhoff U. Doing Away with the "Legitimate Authority" Requirement in Just War Theory ……. 137
van Baarda T. Can soldiers do "the decent thing" in war? Just war, the right intent and "Saving Private Ryan" ……... 138

«ЭТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ». Материалы круглого стола
Барташевич Т.Ю. Этическая экспертиза как социальный факт и социальное действие ……. 139
Бродский А.И. К вопросу о методологии этической экспертизы в сфере культуры …… 140
Брызгалина Е.В., Киселев В.Н. Статус «профанных знаний» в социально-гуманитарной экспертизе ……. 141
Бусуркина И.П. Этическая экспертиза в киберпространстве …….. 141
Грачева М.В. Этическая экспертиза юмора в информационном пространстве ……. 142
Захарова Л.Б., Парийская Е.Н. Этическая экспертиза и ее роль в решении конфликтов при обучении на медицинском факультете …….. 144
Зимбули А.Е. «А судьи кто?»: опыт рефлексии о субъекте этической экспертизы ……. 144
Игнатьева С.В. Ключевые проблемы моральной экспертизы …… 145
Ковалева Т.В. Кодекс экспертной деятельности: предметное поле и актуальные проблемы …….. 146
Кутузова А.О. Экспертные системы в этике ……. 147
Овчинникова Е.А. Предметное поле этической экспертизы в сфере культуры …… 148

Научное издание

X международная конференция
«Теоретическая и прикладная этика:
Традиции и перспективы – 2018.
Этика: переосмысление».
Санкт-петербургский Государственный Университет,
15-17 ноября 2018 г.
Материалы конференции

Ответственный редактор: к.филос.н., доц. В.Ю. Перов
Редакторы: С.В. Игнатьева, к.филос.н., доц. И.Ю. Ларионов

Издание печатается в авторской редакции.

Отпечатано в типографии ООО «Сборка»
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, 64-2
тел.: +7(812) 642-43-44, e-mail: info@sborka.spb.ru